

ИСТОРИЯ ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВ СОЮЗОВ И ОРДЕНОВ

ГЕОРГ ШУСТЕР

ТАМПЛИЕРЫ, ИЛЛЮМИНАТЫ, МАСОНЫ,
РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ, РЫЦАРИ СОЛНЦА,
КАРБОНАРИИ, МАФИОЗИ,
ФЕНИИ, ДРУИДЫ

Георг Шустер

**История тайных обществ,
союзов и орденов**

«Центрполиграф»

УДК 93/94
ББК 71.04

Шустер Г.

История тайных обществ, союзов и орденов / Г. Шустер —
«Центрполиграф»,

ISBN 978-5-227-07507-9

Интерес к таинственному, стремление познать непознанное было присуще человеку на всем протяжении его истории. Оно обернулось появлением множества тайных союзов религиозного, этического, политического характера. Их истории, начиная с древнейших времен, и посвящена эта книга.

УДК 93/94

ББК 71.04

ISBN 978-5-227-07507-9

© Шустер Г.
© Центрполиграф

Содержание

Часть первая	6
Введение	6
Тайные общества и ордена древности	11
Глава 1. Египтяне	11
Страна и народ	11
Религия и культ	12
Тайный союз и тайное учение жрецов в стране Нила	16
Глава 2. Вавилония и Ассирия	19
Страна и люди по Евфрату и Тигру	19
Религия вавилонян и ассирийцев	21
Вавилонско-ассирийский жреческий орден и его тайное учение	23
Глава 3. Иранцы	26
Иран и его обитатели	26
Религия Ирана	30
Орден атраванов и магов	34
Глава 4. Индусы	37
Страна и народ Индии	37
Тайное общество брахманов и его учение	41
Буддизм, его учение и сообщество	44
Глава 5. Греция	48
Страна и народ	48
Религия и культура греков	55
Греческие мистерии	61
Элевсинские мистерии	62
Самофракийские мистерии	65
Мистерии Исиды	67
Дионисии, Дионисиевы религиозные братства и римские вакханалии	68
Союз пифагорейцев	71
Орфики и орфеотелесты	76
Глава 6. Кельты	77
Страна и народ	77
Религия и культ кельтов	79
Друиды	81
Глава 7. Палестина	85
Страна и народ	85
Саддукеи и фарисеи	88
Ессеи	90
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Георг Шустер

История тайных обществ, союзов и орденов

© «Центрполиграф», 2017

* * *

Часть первая

Неосмотрителен вверяющий тайну перу своему, если не утаил от заурядного ума и не заставил более разумно потрудиться и попотеть прежде, нежели уразумеет ее.

От начала всего проплывает в потоке этом целая флотилия мужей мудрых, что путями многими труднейшие части мудрости от большинства укрывают, дабы не вместили их.

Одни знаками и стихами много тайн поведали. Другие – словами загадочными и образными.

Р. Бэкон. *De mirabili potestate artis et naturae*

Введение

Во все времена и у всех народов существовали общества, союзы и ордена, которые сохраняли в тайне свои цели и приемы. Мы встречаем такие союзы в самых различных формах у диких первобытных народов, в глубокой древности, в мрачные Средние века, а также и в более светлые дни, которые явились на смену суровой, безотрадной эпохе.

Из древних времен нам известны тайные общества египетских и индийских жрецов, пифагорейцев и орфиков, различные греческие и римские мистерии, иудейские ессеи и кельтские друиды.

В Средние века мы встречаем общества плотников и каменщиков, известных под именем Bauhütten, впоследствии давших начало обществу свободных каменщиков – масонов; орден тамплиеров, тайные судилища; каланды – тайные общества взаимопомощи; братства Вольфганга, вальденсов и иезуитов. В Новые и Новейшие времена привлекают внимание розенкрейцеры, иллюминаты и рыцари солнца, карбонарии, секта друзов и дервиши, сицилийские мафиози, греческие гетерии, ирландские фении, ремесленные объединения «Странные товарищи», масоны и друиды. Насколько можно судить на основании дошедших до нас, частью весьма скудных, преданий и сведений об этих тайных обществах, они представляли собой или замкнутые кружки людей, возвышавшихся над общим уровнем своими дарованиями и высокими стремлениями, или служили во времена невзгод и гонений верным хранилищем высших духовных сокровищ, религий и философии, а также политических идей.

Казалось, почти все они служили одной и той же высокой цели: просвещению и облагораживанию ближнего, освобождению поработанного человечества от духовного, политического и социального гнета. Впрочем, не подлежит сомнению, что их цели нередко бывали и довольно туманны и даже безнравственны, что под густым покровом таинственности скрывалась лишь гнусная погоня за чинами и титулами, что легкомысленные головы лишь по-детски забавлялись громкими фразами, бессодержательными обрядами и символами. Известно также и то, что нередко заведомые обманщики, фантазеры, личности пошиба Катилины, люди худшего разбора основывали такие общества или же втирались в существующие союзы, чтобы пользоваться ими для своих личных, низменных целей.

Из всех нравственных идей, которые когда-либо существовали, существуют и будут существовать на свете, религиозная идея отличается наибольшей устойчивостью и могущественной длительностью. Ее таинственная власть, непрестанно меняясь, господствует над человеческим сердцем, над нравственностью народной массы: эта идея руководит наукой, искусством и поэзией, всем ходом мировой жизни, историческими путями человечества.

Много веков подряд человечество мучительно работало над уяснением религиозной проблемы, но до сих пор еще не проникло в ее сущность и вместе с тем не разрешило загадки бытия. Философы, теологи, антропологи, скептики, Иов, Аристотель и Софокл, Цицерон, Августин и Фирдоуси, Шекспир, Кальдерон, Вольтер и Шопенгауэр – все они работали над этой проблемой. Но им удалось установить лишь одно основное положение: человек не может отречься от Бога, все равно, стоит ли он на низшей ступени первобытного состояния или же на вершине цивилизации, «человек неизбежно должен проникнуться идеей божества, он не может отречься от нее, как не может освободиться от собственной совести». Гений также не может быть чуждым религиозного чувства. Как сильна искренняя религиозность, доказал Гете, написав свою превосходную оду «Границы человечества».

Религиозное чувство в человеческом обществе пробуждается значительно раньше, чем люди начинают различать добро и зло.

Конечно, у первобытных народов не существует той ясности, какую мы наблюдаем у иудеев, христиан и магометан. Во всей их духовной жизни нет единства, нет определенной системы. Первобытный человек повсюду вокруг себя видит властные проявления сил природы, которые вызывают в нем тягостное ощущение собственного ничтожества и сознание своей подчиненности. Природа кажется ему подавляющей его враждебной силой, которая со всех сторон бесчисленными препятствиями стесняет и ограничивает волю. И в непрерывной борьбе с этим грозным врагом он не успевает разобраться во внутренней сущности его. Ужасающие его громы и молнии, утренняя и вечерняя зори, страшная сила бушующих ураганов, пламя вулканов, видимое на громадном расстоянии, возмущенные бурей кипящие волны океана – все это поработает его ум и наполняет его страхом и ужасом; с другой стороны, вид звездного неба, согревающие лучи солнца, сияние луны и звезд производят на него глубокое впечатление своим величественным спокойствием и правильной сменой явлений. Даже безбрежная морская гладь, безграничная степь, таинственная тишина первобытного леса, шелест деревьев, тихий плеск источников, уходящие в облака снежные вершины гор расширяют кругозор первобытного человека, этого исполненного предрассудков «существа человеческого рода»; они пробуждают и приковывают к себе его внимание.

Великие явления природы пробуждают в человеческом духе глубокую потребность доискиваться причины каждого явления, каждого события, причем у первобытных народов проявляется сильная склонность до известной степени олицетворять все силы природы. Неправильное применение закона причинности приводит затем к тому, что человек ставит себя в такую зависимость от созданных его воображением признаков, что не в состоянии уже от них отрешиться. Если же предметы внешнего мира представляются одушевленными и обладающими волей, они кажутся также виновниками бедствий, истинная причина которых скрывается от умственного взора человека. Вследствие этого в глубинах человеческого ума возникает смутное предчувствие, что людям удастся со временем сделаться повелителями природы. Человек предается безумной мечте, будто он в состоянии уничтожить или, по крайней мере, ослабить влияние природных сил. Поэтому он прибегает к известным приемам, знакам, изречениям, которые уже проявили свое действие, – наивный самообман, не чуждый в более утонченном виде даже самым высоким умам.

Такие моменты в жизни народов обозначают начало религиозного поклонения; эти начала, подобно, например, идее жертвоприношения, неразлучно сопутствуют историческому развитию религиозной мысли. «Идея жертвоприношения выражается в различных деяниях; она заставляет браминского йогина бросаться под колесницу Джагерната, она руководит финикийскую мать, которая кидает свое дитя на раскаленные руки Молоха; она заставляет грека приносить гекатомбу (100 быков) в жертву Зевсу. Эта же идея внушает желание буддисту положить цветы к ногам статуи своего пророка, монахине и деве солнца – дать клятву в вечном целомудрии, а мусульманину – во славу своего Аллаха убивать гяуров;

она учит христиан уничтожать альбигойское население целых городов; создавать инквизиционные суды, которые предпринимает массовые сожжения «ведьм», и руководит благочестивым паломником, который на коленях взбирается по ступеням собора Петра и Павла. Все это различные выражения одной и той же идеи жертвоприношения».

Объектом религии в ее первобытной и грубой форме является все, что привлекает к себе взоры человека, стоящего на уровне анимизма: цветы, камни, раковины, перья, живые существа.

Из неодушевленных предметов особенное поклонение вызывали камни. Метеориты, упавшие на землю в раскаленном виде, легко возбуждали благоговение. Они становились фетишами. Памятниками такого фетишизма, бесспорно, является, например, камень в Вифлееме, освященный, согласно библейскому сказанию, Иаковом, который на нем отдыхал; черный камень в Каабе, в Мекке, и тот, который замурован в мечети Омара в Иерусалиме. Даже в XI веке от Рождества Христова английская церковь все еще вынуждена строгими эдиктами бороться с продолжавшимся культом камней.

Еще в большей степени повсюду было распространено поклонение деревьям. Деревья и целые рощи обоготворялись как божества или обиталища богов – культ, распространенный в особенности среди первобытных германцев. В Древней Греции веления богов распознавались в шелесте священного дуба в Додоне и в журчании священного источника, протекавшего у его основания. Чьи чувства могли бороться с очарованием шелеста листьев, грозного шума, поднимаемого бурей, когда стонали ветви и ломались целые сучья? Фантазия первобытного человека охотно одушевляла такой бушующий лес.

Как мы уже сказали, вода, в особенности источники, почиталась как нечто божественное. Так, устремленный куда-то поток считался у древних персов настолько священным, что они страшились чем-нибудь запятнать его чистоту.

Кто желал совершить особенно благочестивое деяние, тот строил мосты через реки и ручьи, чтобы таким образом предотвратить прохождение их вброд. Персидский царь Ксеркс, отправляясь в 480 г. до Р. Х. в Грецию, дошел до Геллеспонта и увидел, что понтонный мост разрушен ураганом. Разгневанный Ксеркс приказал высечь волны плетями – наказание, которое, очевидно, предназначалось богу моря.

Поклонение животным тоже весьма древнего происхождения, в особенности культ змей, который еще и в наши дни процветает в Индии и в могущественном негритянском государстве Дагоме. Мы знаем, что и Моисей однажды не устоял перед искушением воздвигнуть медное изображение змеи, которое считалось народной святыней и впоследствии хранилось наряду с ковчегом Завета и другими сокровищами в Иерусалимском храме, откуда лишь много веков спустя изгнал его богобоязненный Иезекииль.

Для темных народных масс, однако, оставалась непонятной духовная сторона аллегорического культа природы. Отвлеченные представления понимались дословно, невидимое принимало образ и форму, облакалось в плоть и кровь. Развивалась мифология.

Имя прилагательное, определявшее силу явления, превращалось в собственное имя божества: имя, в свою очередь, создавало представление о существе, которое сейчас же относилось к женскому или мужскому полу, в соответствии с грамматическим родом вошедшего в употребление названия (в образовании мифов большую роль играли языки, которые различают грамматический род, как арийские и семитские), и пробужденное воображение продолжало уже работать дальше, сочиняя божественный роман.

Культ солнца уже перестал удовлетворять; вскоре стали возникать сомнения в том, что дневное светило является первопричиной всех вещей, так как развитие и рост всего существующего продолжается и ночью.

Явилось поклонение бесконечному, вечно движущемуся небу и плодоносной земле. Небо, мощное и величественное, которое повелевало ветрами и облаками, громами и мол-

ниями, люди представляли себе существом мужского рода в противоположность женственной, созидающей в тиши, восприимлющей земле. Из союза их произошел целый ряд богов, и каждому из них, в свою очередь, была приписана особая генеалогия. Таким образом возникли сначала семьи богов и затем целые поколения их; во главе этих последних был поставлен такой бог, который казался самым могущественным из всех сил природы.

Но безграничная народная фантазия не удовлетворилась этим. Она дошла наконец до полного воплощения в человеческом образе первоначально божественных существ. Антропоморфический бог получал новую человеческую генеалогию, но вместе с тем, превратившись в героя, переходил в область легендарной поэзии.

Когда воображение придало божествам вполне человеческие черты, создавшиеся мифы сделались вдохновителями искусства. Поэзия, музыка, живопись, скульптура и архитектура соединились, чтобы при помощи слова, красок, резца и молотка воплотить идею божества в человеческом образе. Там, где внешнее воплощение религиозной идеи достигло высшей степени совершенства, ее внутреннее содержание немедленно отступило на задний план. Изображение бога само делалось божественным. Люди хотели видеть своего бога, говорить с ним. Как произведение искусства, он становится уже собственностью общины. Ему строят храмы, окружают его символами и ритуалами, и фетиш готов. Негр, который грубо и безвкусно делает себе фетиш из чурбана, и Фидий, резцу которого принадлежит Зевс, одинаково хотели олицетворить своего бога.

Громадное значение в создании и развитии религии играли, конечно, жрецы. Сначала обязанности жреца возлагались на старейшего в роду, но, по мере того как жизненный строй принимал большую устойчивость, звание жреца становилось наследственным, и наконец складывалось отдельное сословие, или каста, жрецов. Когда же складывался жреческий класс, религия выигрывала в своем развитии, благодаря спекулятивной деятельности служителей культа, направленной как на догму, так и на обряды.

Между тем с течением времени первоначальное ядро божественного и героического эпоса, олицетворение сил природы изглаживалось из памяти потомков, и вымыслы начали принимать за действительность. Только в кастах жрецов сохранили истинный смысл древних мифов, который и превратился в более высокое теологическое учение, доступное только посвященным. Тайнственность, которой окружали себя служители храмов, в значительной степени усиливала то почтение, с каким относился к ним народ, и обеспечивала их сословию прямое влияние на все общественные и частные дела. Давно уже известно, что только таинственные и загадочные вещи, особенно если они окружены соответствующей, такой же таинственной обстановкой, оказываются в состоянии произвести прочное впечатление на нерассудительную толпу.

Поэтому у всех древних культурных народов – у египтян, персов, индусов, евреев, греков и римлян – мы находим тайные общества, которыми руководили жрецы. Но прежде чем заняться исследованием этих тайных обществ, бросим еще один взгляд на тайные общества у первобытных народов.

И здесь тайные союзы организуются специалистами этого дела, жрецами или шаманами. Шаманы – это волшебники и чародеи. Их деятельность выражается в том, что они излечивают болезни, занимаются предсказаниями, предвещают погоду, вымалывают урожаи, отвращают общественные и частные бедствия. У всех первобытных народов болезни, смерть, необычные явления природы и т. п. Приписываются злым чарам, против которых шаманы должны бороться, пуская в ход свои таинственные заклинания. Их деятельность проявляется в общении с богами и душами умерших с целью получить через них откровение относительно будущего.

Чтобы произвести глубокое впечатление на невежественные умы подвластного им населения, шаманы во время своих священнодействий облачаются в самые фантастические

костюмы и при помощи волшебного барабана, волшебной трещотки или волшебного рога доводят себя до такого нервного возбуждения, что с ними делаются судороги, кончающиеся серьезными повреждениями. По единогласному утверждению наблюдателей первобытных народов, шаманы, очевидно, поддаются самообману: они верят в действенность своего искусства. Однако несомненно, что до известной степени в их заклинаниях играют роль и сознательный обман, и грубое фиглярство. По справедливому замечанию одного известного историка культуры, такие явления неразлучны с самым духом шаманства.

«Во все времена и у всех народов представителям религиозного культа угрожала опасность, вследствие сознания чрезвычайной важности и возвышенности их задач, незаметно для себя увлекаться довольно сомнительными средствами для достижения успеха».

Шаманы, настоящую родину которых нужно искать у кочевников Северной Азии, в пустынных степях Сибири, у покрытого снегами и льдами полярного пояса, живут обыкновенно в стороне от орды; они особенно охотно выбирают себе учеников и последователей среди несчастных, страдающих припадками падучей болезни, среди карликов и горбатых и, наконец, среди альбиносов; они воспитывают их в строгом посте, непрерывном умерщвлении плоти и тогда только открывают сомнительные сокровища своих тайн, когда те успешно выдержат все предварительные испытания и истязания.

Если придерживаться того взгляда, что шаманизм сводится лишь к простому колдовству, с целью воздействовать на невидимые божества, то мы должны признаться, что почти все народы были жертвой подобного безумия и что даже в настоящее время они еще не вполне освободились от него. Ибо что же иное, как не шаманизм, изречения всяких оракулов, стуки, производимые духами, наконец, спиритизм, который находит, к сожалению, столь широкое распространение? Особенно злоупотребляют в шаманистическом направлении молитвой. Как часто она превращается в магическую формулу, когда ее словам приписывается власть над Божественной волей! Как легко и как широко распространяется такое заблуждение – доказывают поклонники Будды. Чтобы заслужить награду, они стараются перехитрить божество при помощи так называемой молитвенной мельницы. На вертящиеся валы наматывается бумага с написанными на ней молитвами; эти валы приводятся в движение, и верующие воображают, что божеству приходится принять эти молитвы так, как будто они были произнесены ими на самом деле.

У первобытных народов имеется даже тайный суд. Так, в немецких колониях Новой Померании и на западном берегу Африки существуют многочисленные тайные общества, имеющие целью руководить правосудием, преследовать и наказывать преступников. Члены такого союза узнают друг друга по известным знакам, которые хранятся в строгой тайне от непосвященных.

Тайные общества и ордена древности

Глава 1. Египтяне

Страна и народ

Египет, называемый черной землей, представляет собой длинную плодородную долину, образуемую течением Нила. Своим особым положением в мире Египет обязан Нилу. Вся страна, со всеми физическими, духовными и социальными особенностями ее быта и развития, есть создание священной реки. Это понял уже греческий историк Геродот, который назвал Египет «подарком Нила».

Когда над тропиками наступает дождливое время года, а на Абиссинских горах начинается таяние снега, тогда, ко времени летнего поворота солнца, река начинает медленно и постепенно вздуться и к концу июля на громадные пространства заливает берег. В это время вся страна напоминает необозримый океан. Бесчисленные суда оживляют ее воды, и стар и млад, пестро разряженные, ликуя, празднуют радостные дни божественного благословения. С той же постепенностью, как при разливе, воды спадают, и наконец в октябре река возвращается в свое русло, повсюду оставляя плодородный ил, который она принесла с собой с высоких горных земель и из первобытных лесов. Как только почва просохнет, ее спешат обработать, и горячие лучи солнца быстро, как будто по волшебству, вызывают из земли посевы. В марте начинается жатва, затем наступают три месяца засухи, пока наконец в июне животворная, благословенная река не начнет снова свой круговорот.

Созданные легендарной рекой физические условия Египта, единственные в своем роде на всем земном шаре, определяли весь жизненный строй народа; река была одновременно его кормильцем и творцом. Особенность почвы, на которой всякая растительность почти без усилий приносила сам-сто, в то время как кругом царили печальное бесплодие и мрачная смерть, рано заставила население перейти от скотоводства к земледелию и вместе с тем к оседлому образу жизни и выработке права собственности. Превосходные естественные границы: пустыни, моря, горы – обеспечивали возможность беспрепятственного развития. Культура, раз возникнув, могла непрерывно развиваться дальше.

Уже самые периодические смены в разливах Нила приучали население к усердной работе и поддерживали в нем охоту к труду. Здесь развивалось судоходство, искусство орошения полей и проведения каналов. Нил принуждал египтян строить прочные плотины, чтобы противодействовать вредному, а иногда даже разрушительному действию разливов, возникло землемерие, в основном применяемое к межеванию полей.

Даже религия, с ее сложными, своеобразными формами культа и искусства, в своем вероучении, символах, жертвоприношениях и празднествах была связана с изменчивой жизнью природы в плодородной долине Нила.

Это раннее развитие разнообразных форм жизни уже в древности создало населению Египта славу древнейшего народа. По сообщению древних историков, Геродота и Диодора, жрецы хранили обширные летописи о народах Египта. На основании этих священных документов, около 250 г. до нашего летоисчисления храмовый летописец Манефон из Гелиополиса, – жрец, знакомый с египетской и греческой культурой, – составил историю Египта на греческом языке; это произведение, к сожалению, сохранилось лишь в отрывках, которые собрал иудейский историк Иосиф. Здесь говорится, что в течение многих поколений Египтом управляли сначала боги, затем второстепенные небесные силы и затем полубоги, пока

наконец на трон не вступил фараон Нармер, который, по сообщению писателя, около 4000 г. до Р. Х. построил город Мемфис. С основания этой столицы начинается история Египетского царства, которая увековечена в необозримых рядах надписей и рисунков на пирамидах – этих величественных памятниках царей Египта.

Но египтяне казались Древнему миру не только самым древним народом, но также и «средоточением всякой цивилизации и всякого развития в областях умственной и художественно-промышленной деятельности». Поэтому они имели огромное влияние на соседние народы. Законы Моисея свидетельствуют о том, сколь многим обязаны им иудеи. Греки с благодарностью признавали египтян родоначальниками их цивилизаций. Духовное сродство непреодолимо влекло всякого, чей ум стремился к высшему познанию, с залитых солнцем полей Ионии и Аттики туда, в чудесную страну иероглифов и пирамид. Мусей, мифический поэт, Орфей, легендарный родоначальник элевсинских мистерий, были, по преданию, учениками египетских мудрецов. Вероятно, на основании собственных наблюдений автор «Илиады» и «Одиссеи» рассказывает о «прекрасноводном, происходящем от Зевса» Ниле, о чудесных полях и городах той страны и влагает в уста своего героя, Ахилла, похвалы величественным Фивам, которые еще и в настоящее время своими колоссальными развалинами приковывают к себе изумленный взор путешественника: «Град, где богатства без сметы в обителях граждан хранятся...»

Законодатели Ликург и Солон, философы Фалес, Пифагор, Платон и Демокрит, математик Архимед учились у мудрых жрецов и книжников долины Нила. Историки Геродот и Диодор объездили эту таинственную страну и в своих сочинениях оставили интересные сведения о ней. И другие греческие и римские авторы описывали эту страну. Так, Плутарх подробно рассказывает о египетской религии.

Религия и культ

«Самым древним достоянием народов, наряду с языком, является религия». В стране, в которой, как нигде более на земном шаре, регулярность явлений природы сказывается в такой определенной, характерной форме, в стране, где вся жизнь обуславливается исключительно своеобразными свойствами природы, древние египтяне принуждены были, уже в самую раннюю эпоху, согласовать с природой свою духовную жизнь и от примитивных форм культа вскоре перейти к строго определенным формам религиозной мысли и чувства. Между тем, при полном отсутствии каких-либо достоверных преданий, совершенно невозможно определить тот поворотный пункт, на котором свершился этот духовный перелом, или выяснить, как именно он произошел. Даже самые древние источники и памятники говорят о религии, которая носит на себе характерный отпечаток жреческого мышления. Исходя из космического представления о божестве, она является значительным по своим размерам продуктом созерцательной деятельности, древнейшей деятельности этого рода, до которой поднялось человечество.

Поклонение солнцу было самым ранним зародышем и главным содержанием египетской религии – настоящим национальным культом Египта.

Самым древним наименованием бога солнца было Ра. Солнце представлялось египтянам непрерывно создающей и сохраняющей силой, видимым воплощением всех высших божеств. Этот Ра был отцом и царем богов, «властителем обоих миров»; он восседал на солнечном диске и переплывал на своем челне обширные небесные пространства. Его милостью властители Египта получали свою власть и свой сан, они называли себя «сыновьями Ра». К нему отправлялись невинные чистые души умерших, чтобы на лучезарных полях приблизиться вечной жизни.

Ра особенно почитался в Мемфисе и Оне или Гелиополе (Город солнца). Здесь находился его древний храм, пользовавшийся мировой известностью. Сюда через каждые 500 лет прилетала с Востока чудесная птица феникс, которая сжигала себя на костре благоухающего фимиама, но тотчас же выходила из пепла обновленной и возвращалась снова на родину. Этот миф, который, как символ вечного обновления, перешел затем и в христианские предания и служил эмблемой Византийской империи, представляет собой, вероятно, символическое изображение круговращения Солнца в определенные, неизменно повторяющиеся промежутки времени.

Наряду с Ра и Осирисом наибольшим почетом в Мемфисе пользовался местный бог Пта. Как Отец света, он был Духом истины, как Бог небесного света – Властителем небес. Он был самым древним богом, сотворившим землю из Хаоса. Рядом с его святилищем, в великолепной зале происходило поклонение быку Апису, которого считали священной эмблемой животной силы солнца. После его смерти весь народ носил траур, пока жрецы не находили нового. Апис должен был быть черного цвета с белыми пятнами на лбу, с волосами двух цветов в хвосте и с наростом под языком. Смотри по тому, как он вел себя, когда входили в его священные покои, делались предсказания будущего.

Не менее Пта почиталась богиня Баст, «любящая Пта властительница Мемфиса». В Бубастисе находилось ее святилище, по словам Геродота самое красивое во всем Египте. Ее светлый, радостный культ привлекал ежегодно густые толпы народа.

Но настоящим национальным божеством египтян был бог солнца Осирис со своей супругой и сестрой Исидой и сыном Гором. Осирис, бог изобилия и властитель жизни, благодетель, дарящий счастье стране, был побежден и убит своим завистливым братом Тифоном (персонаж греческой мифологии Тифон отождествлялся с египетским Сетом), всемогущим разрушителем и опустошителем, и его 72 союзниками. Труп был заколочен в ящик и затем брошен в Нил, который унес ящик в море. Опечаленная и неутешно плачущая Исида искала тело своего несчастного супруга. Наконец она нашла его останки на отдаленном финикийском берегу и вернулась с ними в Египет, где Осирису устроили торжественное погребение. В Тисе, древней столице Египта, находилась его священная могила, окруженная вечнозелеными тамарисками. Ее показывали там еще и в поздние годы, и богатые благочестивые египтяне стремились быть погребенными недалеко от нее.

Когда Гор вырос, Осирис, который со времени своей гибели был властителем в царстве смерти, явился к нему и убеждал его отомстить за отца и мать. Преданный сын немедленно отправился на бой с коварным Тифоном и убил его после жестокой борьбы. Затем Гор вступил на трон своего отца и был последним божественным властителем в Египте.

В то время как культ Исиды и Осириса был распространен по всей долине Нила, поклонение солнцу и силам природы господствовало главным образом в нижней части страны. Верхний же Египет имел свой собственный мир богов, с другими именами и с другими формами культа. Дающий жизнь свет солнца и созидаящая сила природы лежали и здесь в основе религиозных представлений. Но древнейшие боги: Хнум, творец мира, и Монту и Тум, которые олицетворяли восходящее и заходящее солнце, были постепенно отодвинуты на задний план Амоном, местным богом Фив. Это произошло в ту эпоху, когда Фивы сделались блестящей столицей всей страны, и такое первенствующее положение города перешло, благодаря большому влиянию жрецов и царей, к их богу-покровителю. С течением времени на него были перенесены и понятия, связанные с другими богами, тогда Амон занял первое место в религии и культе Египта и, под названием Амона-Ра, стал превыше всех сверкающим богом солнца – «царем богов». С этого времени фараоны особенно охотно приносили ему богатые жертвы и оказывали глубокое почтение. К его трону они приносили в знак преданности военную добычу и привозили пленников, ему воздвигали они в Фивах вызывавшие восхищение роскошные храмы и святилища, в богато разукрашенных залах которых

раздавались хвалебные песнопения и толпы верующих устраивали в честь его торжественные процессии и блестящие празднества.

Кроме этих божеств, народная религия чтила еще множество местных богов. Но все это большей частью лишь развитие тех же идей и разветвление той же глубокомысленной религиозной концепции. Такова, например, богиня Нут, «властительница тьмы», супруга Геба, бога благодатных разливов и роскошной природы, которого греки почитали под именем Пана.

Вся история египетских богов представляет собой «игру теней в полусвете». Нигде мы не видели жизнерадостных, деятельных фигур; нигде мы не находим и следа той пестрой, причудливой, богатой яркими красками фантазмагории, в которой движутся мифологические образы индийских или греческих богов.

Причины, вследствие которых такой талантливый, рано развившийся, одаренный творческими способностями народ, как египтяне, не был в состоянии воплотить своих богов в действительно пластические образы, дальше развить и сблизить с жизнью традиционную религиозную идею, лежат как в природе самого народа, так и в характере его жрецов. У египтян не было поэзии, полной свежих жизнерадостных образов, полной драматических характеров; они знали лишь религиозные формы и образы, освященные преданием, лишь увеселительные празднества и символические действия, внутренний смысл которых оставался для них скрытым.

Неудивительно поэтому, что их богослужение, которое с развитием культуры обогащалось все новыми и новыми обрядами, становилось все сложнее и торжественнее и в конце концов выродилось в чисто внешнюю обрядность, состоявшую из мистических молитвенных формул, богатых жертвоприношений и ритуальных очищений, из добросовестного воздержания от некоторых яств, из педантичного исполнения предписанных постов и мрачных церемоний при погребении мертвых. За механическим выполнением этих мелких и формальных религиозных обязанностей забылось внутреннее содержание религии, непосредственное, духовное общение с божеством и вместе с тем исчезла чуткость к более абстрактному пониманию унаследованных религиозных учений.

Тем ревностнее жреческое сословие посвятило себя этой благодарной задаче. Следуя своей склонности к умозрениям, жрецы преобразовали космические понятия, лежащие в основе образов всех богов, в символику природы и в космогонические системы, истинное и многочисленное содержание которых они облекли в неясные таинственные учения.

Их задача облегчалась тем, что в религиозной истории Египта очень рано появилась символика животных. Происхождение же этой в высшей степени своеобразной формы культа вряд ли возможно выяснить. Известно лишь, что египтяне очень часто изображали богов с головами посвященных этим богам животных, соединяя в своем представлении образ божества с живой, характерной фигурой животного.

Возможно также и то, что в своем сосредоточенном настроении обитатели долины Нила думали найти в простой, вечно однообразной, инстинктивной животной жизни тот неизменный порядок, тот таинственный, непостижимый закон природы, которому они, в сущности, и поклонялись в своих богах.

Самым священным из избранных животных был, как мы видели, Апис, посвященный богам, творящим жизнь. Наряду с ним возвеличивали ястреба, который был посвящен всем богам, связанным с культом солнца, в то время как некоторые змеи посвящались Осирису и Хнуму, кошка – богине рождения Баст, а баран – Амону.

Постепенно культ животных принял грубоматериальный характер, в особенности с тех пор, как жрецы превратили образы богов в лишенные всякого конкретного содержания понятия, и таким образом между священным тайным учением и народной религией легла глубокая пропасть, которая сделала абсолютно невозможным примирение между этими «враж-

дебными племенами». Теперь на животное стали смотреть как на существо, посвященное самому божеству, оказывали ястребу или кошке благочестивое поклонение. И чем торжественнее и распространеннее был культ божества, тем большим религиозным значением и тем большим почетом пользовалось посвященное им животное, – религиозное заблуждение, которое не встречается более нигде во всей истории.

Подобно священным животным человек, по представлению египтян, был известным проявлением божественной природы, но в совершенно ином смысле. Он не воплощал в себе отдельного божества или его свойства, но, словно божество, считался бессмертным. По мрачным представлениям народа, которые он, впрочем, разделял с большинством восточных народов, настоящая, истинная жизнь начиналась лишь в страшном мраке могилы. Только путем телесной смерти человек достигал полноты божественного существования.

Отсюда для египтян вытекало наивно-благочестивое учение, что тело, как воплощение личного начала, следует сохранять даже тогда, когда из него ушла жизнь и душа, что его нужно бальзамировать, чтобы предохранить от тления, и что от всяких внешних влияний или от посягательства человеческой руки его нужно заботливо хранить в холодных, недоступных разрушению, священных гробницах. Как человеческое тело, так и тела священных животных должны быть избавлены от их естественной участи, ибо от их сохранности зависело действительное существование души. Отсюда этот неподвижный культ смерти, превративший всю долину Нила в один грандиозный склеп. Отсюда опасение за судьбу души после свершенного ею жизненного пути и непрестанная забота о ней.

В непрерывной, напряженной борьбе незамысловатого человеческого искусства с железной необходимостью законов природы, в упорном стремлении спасти жизнь человека от неизбежной гибели обнаруживается известная смелость мысли, трогательная верность усопшим. В этом египетском воззрении можно признать даже как бы смутное предвидение, неясное предчувствие христианского таинства воскресения из мертвых; можно даже легко поддаться, конечно, ложному мнению, что «таинственная, магнетическая связь между освобожденной душой и этой мумией земного трупа не вполне исчезла, что, быть может, она снова будет восстановлена, что и это земное тело будет причастно бессмертию и когда-нибудь снова оживет и воскреснет». Но судьба самих мумий, которые, вследствие современной жадности знаний и алчной жадности теперешних обитателей долины Нила, вырваны из объятий тысячелетнего сна и отчасти совершенно уничтожены, доказывает, что земные предметы не могут существовать вечно, что все они в конце концов должны отдать дань природе. Только дух, идея истины, добра и красоты, только нравственные деяния бессмертны.

Судьба души после смерти, согласно учению жрецов, находилась в зависимости от земной жизни. Как только тело вносится в склеп, душа, вместе с заходящим на западе солнцем, вступает в Аменф, мрачное царство теней, и судьбы над мертвыми, среди которых на возвышенном троне восседает Осирис, сообщают ей свой приговор.

Душа того, чья жизнь отличалась благочестием и доброй нравственностью, попадает в царство блаженных – местопребывания высших богов. Здесь она наслаждается жизнью, полной райской невинности и блаженства. Иногда же она возвращается обратно на землю и соединяется с телом человека или животного. Напротив того, душа, отягченная преступлениями, попадает в ужасный ад, охраняемый страшными демонами. Осужденная душа, которая пребывает в человеческом образе, подвергается здесь ужасающим пыткам, ее то разрывают на части, то кипятят в котле, то вешают. Как видно, в измышлении всяких ужасов человеческий ум всегда отличался плодовитостью, – в египетской древности, так же как и в эпоху великого Данте, средневеково-христианская поэма которого об аде и чистилище не имеет права претендовать на оригинальность. Мысль о вечном наказании в аду в высшей степени тягостна, она пробуждает и поддерживает трепетное чувство страха и благодаря

этому открывает безграничную область для воздействия жреческого сословия на мирян. Но она все же не так ужасна, как прямо отталкивающая идея: блуждать в течение бесконечных периодов времени, переходить бесчисленное множество раз из тела в тело, каждый раз вновь стариться, умирать и снова воскресать. Догму о странствованиях души, самую страшную, какую только измыслили жрецы относительно посмертной жизни души, египтяне разделяли с другими народами. Но она не достигла у них такой определенности, не была так детально разработана, и в развитии ее нет такого безграничного педантизма, как, например, у друидов и браминов.

Тайный союз и тайное учение жрецов в стране Нила

Мы видели, какое влияние оказывали физические условия Египта на развитие общественного строя его населения, на всю его жизнь и деятельность, и, как следствие этого, уже в раннюю эпоху произошло разделение людей по занятиям и сословиям. Вошедшие в привычку старинные обычаи, тщательно охраняемые предания и упрямая приверженность старине вскоре создали строго замкнутые классы.

Самый высший и самый влиятельный класс составляли жрецы. Они не только заботились о религиозных нуждах и отправляли богослужение, приносили жертвы, совершали религиозные обряды, устраивали празднества в честь богов, но, как самый развитой и образованный класс народа, занимались также науками и искусствами и отправляли правосудие (по сообщению Диодора, верховный суд составляли 30 жрецов). Им обязан был Египет формулировкой своих религиозных представлений и развитием своего культа, своих нравственных воззрений, своей письменности.

Жрецы изучали принципы и практическое применение врачебной науки, – египетские врачи пользовались в древности большой известностью.

В четвертой песни «Одиссеи» говорится: «...Где (то есть в Египте. – *Ред.*) и каждый врач превосходит опытом всех смертных; потому что, поистине, они из рода Пэона».

Сумму познаний египетских жрецов не следует оценивать слишком низко. Раннее изобретение и систематизация священного эмблематического письма, из которого последующие поколения сделали такое широкое применение, какое едва ли предвидели его изобретатели, дало возможность, несмотря на всю его неуклюжесть, постепенно накапливать и приумножать богатое сокровище первых продуктов напряженной умственной работы, тяжелого опыта и глубоких наблюдений, увековечивать для потомства все выдающиеся события жизни, все приобретенные познания. Мы знаем из достоверных источников, что жрецы-ученые обладали большим количеством рукописной священной литературы. В 42 книгах были собраны все догматы, формы культа, все нравственное учение, правила священного письма, законы гражданского права, вообще вся исходящая от них мудрость.

Жрецы были средоточием, душой всей общественной жизни, они установили непреложные законы для временной и вечной жизни народа. Если в стране Нила и не существовало жреческого сословия в настоящем смысле этого слова, тем не менее жрецы обладали несомненной властью и могуществом. И богобоязненный народ добровольно подчинялся сословию, которое могло доставить ему высшую милость богов, вечное блаженство души, и совершенно бескорыстно признавал за ним высокое положение, ту власть и тот почет, какими пользовались жрецы. Даже фараоны были склонны почтительно обходиться с достойными служителями религии, хотя религиозные дела и сами жрецы подлежали их верховному руководству. В этом заключается признание некоторого рода независимости «церкви» от царской власти, чего в Средние века с таким изумительным успехом добились папы.

Жрецы были разделены на многочисленные классы и корпорации. Каждое святилище имело своего верховного жреца. При жертвенниках и оракулах состояли подчиненные им профессиональные прорицатели, при каждом храме имелся писец, которому поручался надзор за постройкой храмов и контроль над размежеванием земель; астролог прилежно наблюдал небо и звезды и составлял календарь, низший служитель делал разнообразные приготовления для священных жертвоприношений, следил за добросовестным выполнением предписанного ритуала, за подобающим украшением изображений богов, руководил роскошными и многочисленными религиозными празднествами, во время которых египтянин выходил из своего обычного серьезного настроения и предавался веселью, весьма нередко переходящему в необузданные сатурналии. Наконец, нужно еще упомянуть о превосходно обученном хоре священных певцов, которые гармоническим пением сопровождали действия жрецов во время богослужения.

Весьма важное значение имели должности пророка или прорицателя и астролога. При исполнении своих мистических обязанностей первые умели по мере надобности приводить в движение всю махинацию клерикальных ухищрений и обманов и, по-видимому, превосходно себя при этом чувствовали. Последние же, вследствие естественных условий страны, были вынуждены усердно наблюдать небо, ибо «по расположению звезд на нем они определяли приближение разлива, время высшего подъема воды и ее падения». Наблюдая влияние звезд на подъем и падение воды, увеличение и уменьшение жары, а следовательно, и на всю страну, они неизбежно должны были приписать движению небесных светил такое же влияние на жизнь и благосостояние людей, на их счастье и несчастье, – представление, которое, в свою очередь, должно было побуждать к точному и усердному наблюдению неба. Насколько серьезны были астрономические познания египтян, доказывает уже в раннюю эпоху установленная ими продолжительность солнечного года в 360, а затем в 365 дней. Но все же таких важных и обширных познаний, какие прославили имя халдеев, они не достигли.

Наблюдая звездное небо, жрецы интересовались главным образом астрологией. Каждый месяц, каждый день, даже каждый час, по их представлению, был под особым попечением могущественного бога-хранителя. На основании этого особого значения каждого дня и каждого часа астрологи умели предсказывать изменчивые судьбы, умели предрешать исход всякого предприятия. Искусство предсказаний, вся техника оракулов были разработаны до тонкостей. Стоит вспомнить лишь о фокусничестве египетских кудесников, то есть жрецов. В связи с этим стояли порожденные суеверием магия и волшебство, благодаря которым Египет уже в древности и вплоть до Новейших времен славился как великая страна чудес. Ведь все эти великие обманщики и мошенники XVIII века претендовали на то, что своим магическим чарам они научились в Египте.

За высшими сословиями следовали низшие. Сюда относились носители священных предметов, которые во время торжественных процессий носили художественные изображения богов и занимались практическим врачеванием. К ним примыкали многочисленные бальзамировщики, сторожа при священных животных, храмовые служители.

Для выполнения разнообразных обязанностей жрецам приходилось приобретать весьма сложные познания. И так как их могущество опиралось главным образом на чувство благоговения, внушаемое ими народу, на слепую народную веру в их святость, то именно для того, чтобы поддержать это мнение, жрецам приходилось подвергать себя некоторым лишениям, отказывать себе в некоторых жизненных наслаждениях. Им приходилось вести более святую, чистую жизнь, чем остальному народу. Они создавали для себя строгие законы относительно соблюдения чистоты, относительно еды и религиозных обрядов, соблюдали многочисленные посты и время от времени подвергали себя истязаниям; они имели право

вести в свой дом лишь одну жену, в то время как мирянину, наряду с первой женой, разре- шалось иметь еще нескольких.

Вблизи обиталищ богов, вокруг главного храма каждой местности жило общество жрецов под главенством верховного жреца; совместная жизнь этого общества носила, надо думать, монастырский характер. Верховный жрец следил за точным выполнением форм культа, жертвоприношений, религиозных преданий и ритуала, развивал их и передавал пре- емникам. Должность жреца была наследственной. Способные и прилежные сыновья воспи- тывались в жреческих школах для будущей их роли носителей и учителей унаследованной премудрости, и вполне естественным является стремление жрецов увековечивать в своих семьях приобретения долгой, многотрудной жизни.

В то время как народная религия все более и более вырождалась в мрачное суеверие и внешнюю обрядность, в то время как колдовство и вера в злых духов, поклонение священ- ным животным, пышные празднества и процессии, установленные молитвенные обряды, торжественные жертвоприношения и выполнение предписанного ритуала поглощали всю духовную жизнь набожного народа, – в это время жреческое сословие собирало в одно целое разрозненные элементы религиозных верований страны. Соединяя родственное, толкуя по- своему все неясное и неопределенное, оно создало мало-помалу религиозное учение, кото- рое во всех своих деталях держалось в строгой тайне и передавалось лишь посвященному.

Этой таинственности содействовали, должно быть, и величественные храмы. Через обширные дворы, прохладные портики, великолепные залы богомольцы проходили в святая святых, в священный дом бога, через порог которого мог переступить лишь царь или вер- ховный жрец. Так, путем сильных впечатлений, старались воздействовать на легко воспа- ляющееся воображение, вызывать и поддерживать в наивном уме того, кто в почтитель- ном молчании шествовал к уединенному, священному обиталищу божества, самое серьезное отношение к торжественной, благоговейной процессии. «Все это в общем носило отпечаток торжественной сосредоточенности трепетного предвкушения, жреческой тайны. Подготов- ляя настроение, возбуждая ожидания и почтительное изумление, с искусно рассчитанной постепенностью входили в мистический полумрак внутреннего святилища храма».

Всякое тайное учение предполагает существование какого-нибудь тайного общества. Это относилось также и к египетским жрецам. У них, бесспорно, существовал тайный союз, об организации и формах которого, к сожалению, имеются лишь скудные известия. Все наши сведения по этому вопросу мы черпаем лишь из случайных замечаний тех греческих писа- телей, о которых мы упоминали выше. Они были посвящены в тайну учения, но им было предписано полное молчание по этому вопросу. Из их намеков можно заключить, что посвя- щение совершалось постепенно, подобно тому как жречество разделялось на различные раз- ряды и классы. Домогавшийся посвящения должен был подвергнуться сложной церемонии: многозначительными символами непрерывно вызывали его на размышление, пока наконец он не достигал последней, высшей ступени премудрости.

Относительно сущности и содержания учения египтян мы также осведомлены весьма плохо. Таинственное содержание мистерий сводилось, вероятно, к религиозным и философ- ским доктринам.

Жрецы, по-видимому, стремились прежде всего объединить отдельных местных богов, которые, как известно, символизировали различные силы природы, и привести их в опре- деленную систему. К этому, как кажется, присоединилась затем вторая задача – определить космические или физические причины этих сил природы, понять общие законы жизни и наконец найти полное единство божественных духов, свести многочисленные образы богов к проявлениям одной божественной сущности.

Мы не ошибемся, если примем, что вся умозрительная работа египетских теологов склонялась к представлению единого бога, – догмат, который в своем роде не менее грандио-

зен, чем мысль о вечности гигантского сооружения – пирамиды. На это, без сомнения, намекает также и Плутарх в своем религиозно-философском сочинении «О Исиде и Осирисе», когда по поводу египетской теологии и ее мистических учений он рассказывает: только одно разумное существо руководит и управляет миром. Но кто желает получить ясное представление об этих вещах, как и вообще о египетских мистериях, тот должен предварительно посвятить себя изучению философии и сделать ее своей спутницей и наставницей. Притом в эпоху высшего расцвета Фив, в пору наибольшего национального могущества и наивысшего блеска жречества «для все знающих было несомненно, что бог солнца был единственным истинным богом, который сам себя создал и которому в действительности одному только и поклонялись под видом всех бесчисленных божеств».

Ясно, что перед законченным представлением о единоличном творце рушилось все искусственное здание мифологии. Поэтому, согласно достоверным, но неполным сообщениям Геродота и Плутарха, перед посвящаемыми в тайны египетских мистерий вскрывалась обманчивая оболочка мифов и рационалистически разъяснялись космологические элементы, которые скрывались в пестром ряде народной религии.

Глава 2. Вавилония и Ассирия

Страна и люди по Евфрату и Тигру

С высоких гор Армении воды двух мощных рек, Евфрата и Тигра, низвергаются в необозримую низменность, простирающуюся к югу; они окружают знаменитое Междуречье (Месопотамию), образуют плодородные долины, изобилующие цветами и роскошной растительностью самой разнообразной и яркой окраски и наконец, слив свои воды, устремляются к Персидскому заливу.

Эта низменность, чрезвычайное плодородие которой древние писатели, Геродот и Ксенофонт, описывают в самых ярких красках, которая прославилась как арена кровавых битв, как родина юношески свежих народов, как владение древнейших царских родов, – называется страной Синеарой, старым садом Бога, а также Халдеей и Вавилонией. Ее природа напоминает природу Египта. Тигр и Евфрат даруют жизнь и плодородие стране.

Глубокий слой тяжелого ила в этом мягком климате ежегодно давал от двух до трех богатых жатв и создавал роскошную страну, украшенную стройными пальмовыми и тенистыми кипарисовыми лесами и цветущими рощами фруктовых деревьев. Здесь уже в первые века 2-го тысячелетия до Р. Х. богато одаренное население достигло многосторонней, блестящей культуры, которая смело могла сравниться с культурой Египта, и развился такой прочный государственный строй, что пронесившиеся над ним бури жестокой, кровавой эпохи едва ли оставили в этой местности какие-либо существенные следы.

Менее плодородная, но обладающая более здоровым климатом, чем Вавилония, простирается от восточного берега Тигра до отрогов горного хребта, окаймляющего с запада Иранское плоскогорье, горная страна Ассирия.

Эта местность была первоначальной родиной Авраама. Отсюда он спустился в густо заросшие травой луга Месопотамии, по которой кочует невзыскательное пастушеское племя. Здесь находилась также – на восточном берегу Тигра – Ниневия, огромный торговый город Ассирийского царства, в котором объединялись все элементы тогдашней народной жизни, – второй город чудес в прославленном легендами Междуречье, о котором пророк Иона говорил, что оно простирается на три дня пути и населено более чем двенадцатью мириадами жителей; несчетные богатства этой страны восхвалял пророк Наум, а Зефания с укором восклицал: «Это город веселья, живущий беззаботной жизнью и говорящий в своем

сердце: «Я, и только я один!» Этим описаниям в известной мере можно поверить, если принять во внимание характер городов Востока. Они имели цветущие сады и обширные пастбища для рогатого скота и лошадиных табунов, даже в случае осады у них оставалось все еще довольно земли, плодородной земли, чтобы собрать достаточное количество хлеба для прокормления жителей.

Ниневия была резиденцией великих легендарных властителей, Нина и Семирамиды. Первый был, по-видимому, лишь олицетворением столицы, последняя же, с ее ужасным характером Мессалины и натурой вампира, ни в коем случае не могла быть чисто символической фигурой. Яркий, полный жизни образ ее жил в продолжение целых тысячелетий в памяти народов Востока. При этом поэтическая сага постепенно «превращала ее в идеальный образ, в котором слились воедино все наиболее ценимые восточными народами черты: женская красота и мужская энергия, неотразимая прелесть и мужественная воинственность».

Древнейшие воспоминания человеческого рода и поэтические саги сообщают, что бассейн Тигра и Евфрата после Великого потопа был первым обиталищем способных к цивилизации народов семитского племени. Но достоверные сведения об этом находятся – кроме еврейского предания о построении Вавилонской башни – лишь в составленных по записям жрецов исторических книгах Бероза, жреца бога Ваала при Вавилонском храме, современника египетского историографа Манефона. Хотя от этого сочинения до нас дошли лишь немногие отрывки, мы все же получаем приблизительное представление о постепенном возникновении общественного строя и культуры среди народа и о развитии космогонической системы, созданной вавилонскими жрецами. Древнее сказание о потопе ведет свое происхождение из Месопотамии. О Великом потопе рассказывается и у Бероза, и в таблицах, найденных под развалинами Ниневии, наиболее яркие черты сохранило библейское сказание. Все значение предания о потопе заключается в том, что оно указывает на общую родину семитских племен в стране Тигра и Евфрата. Подобные же предания о потопе имеются во всех странах, которые подвергаются постоянным наводнениям: в Индии, Фессалии, Беотии.

С тех пор как удалось разобрать ассирийско-вавилонские клинообразные письма – образное письмо с 400 иероглифическими знаками, – наука узнала, что самым древним культурным народом Вавилонской низменности были шумеры.

Их поселения, относящиеся к доисторическим временам, нужно искать на нижнем Евфрате. Здесь выросли гордые твердыни жрецов – Риту, Ур, Арку и др. И из непроницаемого мрака бесчисленных веков до нас дошли довольно точные известия об исторической личности одного царя – жреца Ликбагаса из Ура, который воздвигал великолепные храмы в честь небесного светила, бога Син.

Его последователи, как кажется, в течение долгого времени спокойно жили под покровом иерархического строя, пока наконец около 2280 г. до Р. Х. внезапный набег эламитов не нарушил спокойного притока их жизни. Враги явились с юго-востока, завоевали Месопотамию, подчинили себе Сирию и Палестину и заимствовали у древней вавилонской культуры первые зачатки цивилизации, которые потом самостоятельно развили. Город Синеара, расположенный на Евфрате, сделался главным центром халдейской культуры. Отсюда вышла династия семитских царей, родоначальником которой считался прославленный преданием героический царь Саргон. Усердный последователь и почитатель шумерской мудрости, он велел перевести религиозные песни и гимны туземного населения, его магические и астрологические таблицы на семитское наречие и сохранить их в большой библиотеке в Арку.

Последний поворотный пункт в древней истории Вавилонии наступил под влиянием набега воинственных горных племен Элама. После целого ряда жестоких битв они подчинили себе Северную и Южную Халдею. Их прославленный преданием князь Хамураби устроил свою дивную сказочную резиденцию в священном центре страны, Вавилоне. С

этого времени Синеара отошла на задний план и Вавилон стал блестящим центром Междуречья.

Победители вскоре переняли язык и культуру побежденных. Позднейшие века заполнены жестокой борьбой с мощно стремившимся вперед, высокоодаренным соседним народом – ассирийцами, «первой победоносной силой, которую мы встречаем во всемирной истории». Война окончилась полным поражением состарившегося Вавилона.

Под владычеством халдейских царей страна рек достигла высокого расцвета внутренней культуры и внешнего благосостояния. Сам же город Вавилон вызывал всеобщее изумление древних народов своим миллионным населением, своими гигантскими стенами, своим великолепным замком царей, снабженным всеми утонченными приспособлениями расслабляющей роскоши и изнурительного сладострастия, своим грандиозным пирамидальным храмом бога Ваала, состоявшим из восьми постепенно сужавшихся этажей, которые достигали высоты 600 футов. Храм Ваала причислялся к семи чудесам мира и являлся той самой Вавилонской башней, которая, по еврейскому преданию, должна была подняться до самого неба и прославить народ Синеары, но возбудила ревность Иеговы и таким образом оказалась причиной разделения и смешения языков. Как в Священном предании о потопе, так и в еврейских преданиях как будто прорывается смутное воспоминание о прежнем родстве и о последующем отделении еврейского народа от халдейских соплеменников.

Роскошное плодородие страны, благоприятное географическое положение у двух больших рек, являвшихся самым удобным путем между Восточной и Западной Азией, побуждали жителей к предприимчивости и оживленной деятельности и создавали культурному народу благоприятные условия для успешного развития промышленности, искусные произведения которой находили себе громадный сбыт на всем земном шаре. Особенно высоко ценились отлично выделявавшиеся вавилонянами тонкие ткани, великолепные одежды и дорогие ковры с вытканными на них изображениями всевозможных чудесных животных. «Красные плащи из Синеары» были известны в Ханаане еще в эпоху Иисуса Навина. Не менее славилось также искусство вавилонских ювелиров в шлифовке и обделке драгоценных камней, а также химические познания туземных промышленников, приготавливавших ароматные масла и душистые воды. Чрезвычайно оживленные торговые сношения, производившиеся сухим и водным путем с самой Индией и Цейлоном, с Малой Азией и Сирией, с Аравией и Египтом, доставляли необходимые сырые материалы и обеспечивали выгодный сбыт продуктов туземной промышленности и искусства.

Коммерческая деятельность особенно сильно развилась благодаря введению монеты и определенной системы мер веса – изобретения, которые, как и вообще весь поток вавилонской культуры, перешли с небольшими изменениями, отчасти морским путем при содействии финикийян, отчасти сухопутным – к грекам и римлянам и оттуда, позже, в романо-германскую культуру. Вавилон, бесспорно, вложил наибольшее число камней в то грандиозное здание, которое мы называем цивилизацией.

Торговля, земледелие и промышленность засыпали вавилонян баснословными богатствами. А это, в свою очередь, способствовало не только развитию роскоши и безграничной жажды наслаждений, но также и распространению всеобщей образованности и художественного вкуса, который проявился в особенности в постройке общественных зданий и в обстановке частных домов.

Религия вавилонян и ассирийцев

Религия вавилонян в ее основных чертах сходна с религиями всех первобытных народов. Основной принцип первобытной религии составляет абсолютная зависимость человека от природы, громадной власти которой он еще не может противопоставить достаточной

нравственной силы, достаточной умственной свободы. Природе он подчиняется вследствие этого как непреодолимой необходимости. И вавилонская религия также заключалась в безусловном, безграничном преклонении перед таинственным, вечным законом естественной необходимости. Это религиозное преклонение привело к страшному уничижению и понижению духовного уровня человека, к ужасающему обесцениванию всей жизни, но все же не к тому сладострастию и зверской жестокости, отвратительный пример которых дают другие семитские формы цивилизации, как, например, цивилизация финикиян.

Природа заключала в себе, по представлению вавилонян, два основных начала – мужское и женское. Первое проявлялось в солнце, огне, звездах, второе же, напротив, олицетворялось во влажном, плодоносном элементе – воде и земле. В спокойной прелести и красоте растительной жизни природы видели проявление силы и творчества богинь.

Верховным божеством неба признавался Ану, «Первороденный среди богов, отец богов, властелин тьмы». Его царством было безграничное, неподвижное звездное небо. Бел (Ваал) почитался как творец небесного мира, а Ео олицетворял творческую силу божества. Их женами были Нана, Белита и Дав-Кина, «матери богов, жены великих богов, царицы земли плодородия».

Белита, или Милита, как называет ее Геродот, была богиня Вавилона. Как богиня луны, она освещала ночное небо своим кротким светом. Ей были посвящены рыбы, как чрезвычайно плодовые животные, и нежные голуби – символы плодovitости и любовной страсти. На ее алтарь приносились лишь бескровные жертвы. В дни ее празднеств жены и дочери вавилонян длинными рядами располагались в роще у храма, чтобы в честь богини отдаться раз в жизни чужому человеку, иноземцу. Этот обычай, по нашим воззрениям в высшей степени предосудительный и безнравственный, основывался, как было указано выше, на том именно господствовавшем во всех семитических религиях представлении, что в жертву божеству следует не задумываясь приносить все самое дорогое и самое ценное. «Мы видим здесь, следовательно, что сила фанатической религии сломала железные оковы, в которые суровые азиатские нравы неумолимо замыкали женщин. Вместе с тем мы видим в этом весьма необычное, в особенности для той страны, проявление благосклонности к чужеземцам».

Из представления о боге солнца Беле развилась весьма сложная система поклонения звездам. Определенные небесные явления приписывались отдельным божествам, и, что особенно удивительно, луне отдавалось преимущество перед солнцем.

Сын Бела, Син, почитался как бог луны, охраняющий и согревающий землю. Его сыном признавался бог солнца Сама, а Бин, или Раман, почитался как бог атмосферы и ее явлений: дождя, грома, молнии.

Наряду с небесной троицей стояли пять богов планет: Адад, то есть всевышний (Сатурн), Мардук (Юпитер), Нергал (Марс), Иштар (Венера) и Небо (Меркурий). Иштар имела таинственного мужа, Думузи. Его преждевременная смерть заставила богиню отправиться в подземный мир, в страну, откуда нет возврата.

Боги планет, вместе с обоими триадами и Белитой, составляли систему двенадцати богов – «высший ранг в иерархии халдейских богов». Наряду с этими высшими богами, из которых каждый, кроме своей жены, имел еще и многих возлюбленных, стояло еще безличное множество второстепенных местных богов.

Вавилонский пантеон повторяется в Ассирии. И здесь поклонение звездному небу является основной формой культа. Но главным богом считался Асур, национальный бог – покровитель народа. Его защите подлежал главным образом царь, отправляющийся на войну. Легендарные победы Асура в битвах со львами и другими дикими зверями символизировали всепобеждающую силу нации. Гигантские статуи крылатых, с головами бородатых мужчин сурового вида, львов и быков, которые в качестве гениев-хранителей красовались

при входах во дворцы ассирийских царей, являются первыми скульптурными изображениями ассирийского национального божества. Такое художественно выполненное изображение свидетельствует о высоком развитии техники.

Изыскания, искусно сформулированные религиозные построения Вавилонии и Ассирии, являются далеко не первоначальными формами религиозного мышления. Напротив, они были конечным выводом продолжительной работы жреческих школ в течение нескольких столетий, результатом всесторонней реформаторской деятельности жречества. И здесь, как и в Египте, халдейские жрецы сумели постепенно подставить свои абстрактные построения на место первоначальной народной религии и на таком перевороте основали свое широкое религиозное влияние.

Вавилонско-ассирийский жреческий орден и его тайное учение

Почти все наши сведения о вавилонском пантеоне почерпнуты из богатых материалов громадной библиотеки царя Ашшурбанипала, который приказал сделать множество списков с древних документов саргонской библиотеки. Остатки этой коллекции, приблизительно в 200 глиняных таблицах клинообразных надписей, сопоставлены так, что образовали одну большую священную книгу. Главное содержание ее составляют магия и астрология. Таблицы свидетельствуют о том, что самой древней шумерской религией страны было наивное почитание духов и основанные на обмане заклинания их.

Давнее учение о духах не имело ничего общего с позднейшей государственной религией, которую мы только что рассматривали. Долгое время обе системы существовали совместно, пока наконец около XX в. до Р. Х. не началось великое реформационное движение. Результатом его было то, что все шумерские жрецы вошли в многочисленную компанию вавилонского клира.

Эта корпорация образовала замкнутый, связанный строгими правилами союз, в котором жрецы-маги заняли самое последнее место. Жреческое достоинство, как и в Египте, было наследственным. Члены союза занимали особую часть города и в специальных школах заботливо подготавливались к своему призванию. В эту же эпоху были образованы дошедшие от прежних времен заклинания духов и включены в священные книги. Они составили теперь особый священный кодекс, из которого преданные магии жреческие классы еще в продолжение целых столетий черпали свою мрачную и таинственную мудрость.

Религиозные представления, которые лежали в основе магии, логически вытекали из натуралистического мировоззрения и из обожествления сил природы. Так как невежественный обитатель земли все еще рассматривал природу как царство, населенное бесчисленными полчищами своенравных, постоянно враждующих между собой злых и добрых духов, так как под влиянием такой антропоморфизации он все еще считал своих богов подчиненными в качестве созданий природы законам ее, то в его ребяческом понимании религии легко могло укрепиться убеждение, что при помощи священных формул и слов, при помощи особого образа жизни и т. п. он сможет овладеть таинственными силами, которые сильнее самих богов, и что сумеет заставить их служить себе. Но чем ниже был общий умственный уровень, тем легче отдельным ловким личностям удавалось убеждать людей в своей сверхчеловеческой власти над богами и духами и в том, что избранные имеют силу предавать людей злым духам или, напротив, предохранять от враждебных нападений, которым всегда подвергается человек.

Тайны вавилонской магии заключались, судя по дошедшим до нас отрывкам, в трех книгах. Первая содержала в себе заговоры и заклинания, назначение которых заключалось в том, чтобы изгонять злых духов, отражать их враждебные выходки и предохранять беззащитных людей от нападений. Во втором томе были собраны заговоры против болезней.

Древнее шумерское верование в происхождение болезней от наваждений злых духов объясняет также и тот факт, который привлек внимание даже Геродота, а именно: Вавилония и Ассирия никогда не имели действительно сведущих ученых врачей. Врачебная наука находилась исключительно в руках кудесников и являлась одним из разветвлений их мрачного искусства. Само же лечение сводилось к страшным заклинаниям или же к применению волшебных напитков, к которым, вероятно, кое-где подмешивались и целебные, одним жрецам известные снадобья.

Наконец, третья книга заключала в себе целый цикл гимнов и покаянных псалмов, обращенных к отдельным богам; содержание их, отчасти совершенно непонятное для нас, должно было производить сверхъестественное, таинственное воздействие.

Формулы заклинания открывают нам целый мир злых духов, «иерархия которых установлена с большою ученостью и личности которых строго различаются». Прежде всего здесь перечислены те духи, на которых должны были воздействовать заклинания; говорится об их силе и их мужестве. Далее следует молитва с правильно повторяющейся, таинственной заключительной формулой: «Дух неба, закляни их! Дух земли, закляни их!»

Точным и всесторонним знанием всех заклинаний обладали, само собой разумеется, одни лишь жрецы-маги. Это была особая таинственная наука, в которую посвящались воспитанники жрецов, изучавшие волшебство.

В волшебных формулах нередко упоминается также о так называемом талисмани. В одной из них говорится: «Талисман, талисман, предел, которого не снять, предел, которого не переступить богам, пограничный камень между небом и землей, которого не сдвинуть, глубины которого не измерил ни один бог, которого ни бог, ни человек не может постичь, запор, которого не отомкнуть, запор, который сохраняет от злых сил, которого избегаете вы все, злые духи...» Далее они названы по именам. «...Вы, злокозненные гении! Добрый бог, близкий духу земли! Призвание бога, сильного, сильного, сильного. Да будет так!» Одним из наиважнейших талисманов, которым пользовались хитрые жрецы, был волшебный жезл, первоисточник их могущества.

Как надежную защиту против злых духов и предохранительное средство от всех болезней на шее носили также амулеты, которые изготовляли из различных материалов.

Магия, проникшая из Вавилона, кроме Ассирии, также в Мидию и Персию и повсюду встретившая радушный прием, имела особый язык. Это был древний шумерский. И вера в его всемогущее влияние на мир духов была так глубока, что чем менее он употреблялся как живое народное наречие, тем ярче становилось представление о его сверхъестественной силе. На шумерском языке всегда писались имена богов, из него были взяты также все известные жреческие титулы. Своим непонятным, одурманивающим набором слов жрецы производили на простодушный народ подкупающее впечатление и усыпляли внимание любопытного, который слишком настойчиво пытался проникнуть в их сокровенные тайны.

В то время, когда древняя магия шумеров присоединилась к жреческим наукам Вавилона, господствовавшую семитскую религию одушевляли уже совершенно иные, несравненно более глубокие идеи.

С верхнего этажа своего пирамидального храма целая коллегия жрецов наблюдала звездное небо, светящиеся пути планет, высокое или низкое положение некоторых неподвижных звезд. Вавилонские астрономы умели провести полуденную линию, определить положение солнца или время дня, высчитывали с приблизительной точностью солнечные и лунные затмения.

Но под могучим влиянием поклонения звездам эти многообещающие задатки скоро выродились в сомнительное искусство астрологии. В неизменно правильном движении небесных светил жрецы увидели действие вечного закона, у них зародилась мысль о неизбежной, естественной необходимости. И так как опыт, казалось, убеждал в том, что распо-

ложение звезд имеет таинственное влияние на явления природы и судьбы людей, на их собственное земное существование, – ведь более или менее высокое положение солнца, луны или некоторых звезд имело своим следствием смену времен года, умирание и пробуждение к жизни растительности, ведь от восхода и заката светил зависели свежесть и вялость, сон и бодрствование всех живых существ, – жрецы пришли к убеждению, что можно в самом деле постичь законы отношений небесных тел ко всему происходящему на земле и таким образом найти ключ к пониманию будущего.

Светила в их различных положениях и фазах казались не только истинными руководителями всего безграничного мира, причиной, определяющей все земные события, все перемены в человеческой жизни, но также и провозвестниками будущего, достоверными предзнаменованиями. Поэтому, например, о луне говорилось: «Если луна видима в первый день месяца, то страна будет блаженствовать и сердце ее будет ликовать», «Если луна окружена двором, то царь одержит победу», «Если луна кажется особенно большой, то будет затмение», «Если, напротив того, она кажется очень маленькой, то жатва будет обильна». Каждая планета была посвящена какому-нибудь богу: каждому из них принадлежал также один день недели. Суббота, с которой у семитов начинается неделя, была посвящена Адару; второй день – богу солнца, третий – богу луны. Вторник принадлежал Нергалю (Марсу), красноватый огненный блеск которого угрожал несчастьем. Среда принадлежала Небу, четверг – Мерадаху, а последний день недели был посвящен Иштар. Этой системе обязана своим происхождением семидневная неделя – одно из тех вавилонских изобретений, которые сделались неотъемлемым достоянием всех цивилизованных народов.

Путем точной записи всех, даже самых незначительных фактов, которые, казалось, обуславливали связь человеческих судеб с явлениями природы, считавшимися верными предзнаменованиями будущего, вавилонские и ассирийские астрологи, по-видимому, овладели самыми основными и безошибочными приемами для распознавания сокровенных тайн судьбы и вместе с тем создали строго разработанную науку – умение искусно предсказывать будущее. В связи с мрачными приемами чародейства этот дар прорицания дал жрецам такую огромную, ужасающую силу, всестороннее действие которой они стремились использовать самым невероятным образом. И на самом деле они господствовали над всей жизнью и деятельностью народа, они оказывали воздействие на все общественные начинания и с ужасным жестокосердием заковывали человеческий дух в стальные оковы рабского страха, суеверного ужаса, мучительной агонии.

Широкое, систематическое изучение всех небесных и теллурических явлений и предзнаменований привело жрецов и к толкованиям птичьего полета, к предсказаниям будущего по внутренностям жертвенных животных, к разъяснению всех явлений природы и снов. Полет и крик определенных пород птиц, как это было впоследствии также у греков и римлян, служили пророческим предзнаменованием. В окраске и внешнем виде внутренностей жертвенных животных видели пророческие приметы – искусство, которое из Вавилона перешло в Малую Азию, Грецию и Италию, в Финляндию и Карфаген.

Падение дождя, общие очертания и окраска дневных и ночных облаков, землетрясение, блеск молнии, раскаты грома, шелест деревьев и кустарников и, наконец, всякий случайный шум, всякие случайные движения видимых предметов, даже линии руки, относительно которых сказано в Книге Иова, что в них записана вся судьба человека, – все это давало богатый материал для мистических пророчеств. Как известно, Давид делал предсказания по шуму тутового дерева, Девора пророчествовала по движению священной пальмы, а в Древней Греции высоким почетом пользовались говорящие дубы в Додоне и пророческие лавровые деревья в Дельфах и на острове Делосе, и даже в Италии высококультурный народ – этруски говорили о «благоприятствующих» и «неблагоприятствующих» деревьях. Сны прямо считались пророческим предзнаменованием. Ассирийцы были так убеждены в

их пророческом значении, что записывали их содержание с величайшей тщательностью, как важнейшие исторические события.

Обширные познания и искусные приемы, которые жрецы применяли к магии и астрологии, составляли ревниво охраняемую тайну их касты, тем более что для полного усвоения их требовалось много времени и труда.

Но кроме этих каббалистических познаний мы находим здесь и следы философских размышлений. Не говоря уже о развитии догмата единосущности всех богов и богинь, который с давнего времени принадлежал к важнейшим тайным учениям школ Вавилона, – некоторые беспокойные умы углублялись в исследование эпического повествования о «путешествии в ад богини Иштар», и главным образом содержавшегося в нем сообщения об «источнике живой воды». Умозрительная философия приводила их постепенно «к бесконечности, к загробному миру». Живущее в сердцах громадного большинства людей, ничем не заглушаемое желание существовать после смерти привело к учению о загробной жизни, а отсюда, неизбежно, к признанию и вере в существование этого загробного мира. Там исчезнут, надеялись они, непримиримые в этом мире противоречия, и все диссонансы земной жизни разрешатся в вечную гармонию.

Глава 3. Иранцы

Многочисленные племена большой семьи арийских народов, подчиняясь смутному влечению к передвижению, еще в доисторические времена покинули заселенные ими лесистые страны между Балтийским и Черным морями, чтобы найти себе новую родину. В то время как греки, италийцы, кельты, германцы и другие отправились на запад, другие племена через Кавказские Ворота, отчасти также через Уральский проход и через Босфор перешли в Азию («Азия-Ария»), часть из них осела на покрытых пастбищами горных склонах к северу и западу от Гиндукуша и в хорошо орошенных долинах Ирана, другая часть проникла через юго-западные проходы персидско-индийских пограничных гор и завоевала благословенные плодородные равнины Инда. Здесь, в море темных индийских народностей, в течение столетий исчезли последние волны арийского потока.

Впоследствии нам предстоит еще заняться обитателями Индостана или индусами. Поэтому остановимся сначала на их братьях, иранцах, которые по их священному языку называются также народом Зенда.

Иран и его обитатели

Иран, окруженный скалистыми горами, образующими как бы природный вал, представляет собой плоскогорье, которое в виде продолговатого четырехугольника расположено между бассейнами Тигра и Евфрата и, направляясь с востока на запад, доходит до Гиндукуша. Начинаясь у Кавказа и Каспийского моря, оно простирается до берегов Индийского океана. Внутри страны пустыня создала безжизненные, необитаемые пространства. Глаз беспрепятственно скользит по равнине, совершенно лишенной природных красот. В бедной растительностью, безлесной пустыне только кое-где встречаются обильные водой источники и колодцы, плодородные оазисы, которые «составляют владение господствующего деспота». И над всем этим простирается почти всегда безоблачное, залитое солнцем небо.

Однообразная пустыня постепенно переходит в роскошные пастбища, дающие обильную пищу табунам лошадей, стадам коз и овец.

То более крутые, то более пологие склоны гор создают местности с различным климатом и природой.

Северная гористая страна на берегу Каспийского моря соединяет в себе роскошную прелесть южной природы с бедностью сурового негостеприимного пейзажа.

Склоны гор покрыты густым лесом старых тенистых дубов, вязов и буков. За ними простираются лесистые луга, где чудесно окрашенные гиацинты и примулы, благоухающие лилии и фиалки кивают своими нежными головами.

Древний географ Страбон рассказывает об этой местности, что горы были покрыты здесь обширными лесами елей и дубов, что виноградная лоза давала ежегодно по ведру вина, а фиговое дерево – по 60 четвериков плодов. В лесах роились пчелы в таком количестве, что мед капал с листьев, а земля была так плодородна, что хлеба без обработки вырастали из опадавших семян. По удостоверению новейших путешественников, это описание и теперь еще вполне отвечает действительности.

Восточная горная страна поднимается до высоты 12 тысяч футов. Плодородные долины Кабула, с их роскошной растительностью, с их чистым, ароматным воздухом, представляют собой единственный удобный «сухопутный проход в окруженную со всех сторон неприступными горами Индию». Этот проход пользуется большой известностью. Извилистые реки, шумящие водопады, великолепные сады и дворцы, свежая зелень лугов и разнообразные очертания окружающих гор, над которыми возвышаются блестящие вечными снегами и льдами вершины Гиндукуша, – все это нежит и ласкает взор. В южной же части возвышенности мы, напротив, видим лишь бесплодные, сожженные солнцем равнины с песчаной, глинистой или каменистой почвой.

На западе ряд тянувшихся с северо-запада и юго-востока горных цепей образует несколько хорошо орошенных, плодородных горных долин.

Эти долины, изобилующие живописными видами, обладают прекрасным умеренным климатом. Перед утомленным угрюмыми пейзажами взором путешественника внезапно открывается очаровательная, как прекрасное сновидение, роскошная панорама.

Живописные склоны окружающих гор покрыты отягощенной плодами виноградной лозой, которая обвивает деревья до самых верхушек, смело перебрасываясь с ветки на ветку. Розовые кусты и плодовые деревья распускаются там во всей красе, достигая высоты лесных деревьев, их плоды отличаются необыкновенной сочностью и нежными восточными ароматами. Здесь находится «сад роз Ирана», очаровательная страна вина и соловьев, прекрасный Шираз, где под чудным, синим небом «действительно царствует вечная весна, майские дни, благоухающие тысячами цветов», где вечно все цветет и зеленеет, где залитые солнцем холмы и покрытые цветами луга сменяются тенистыми рощами миртов, кипарисов и апельсинов. Здесь природа как бы с безмятежной улыбкой раскрывает богатейшую сокровищницу своего растительного царства, собирает воедино всю красоту и плодородие, которые она отняла у степи и пустыни.

Южная горная страна у Персидского залива состоит по преимуществу из крупных, прожженных солнцем возвышенностей, перерезанных дикими ущельями. Лишь кое-где у подножия круто поднимающихся кверху скал скудная растительность оживляет бесплодную почву, усеянную обломками горных утесов.

Вследствие резкой противоположности и богатого разнообразия в устройстве поверхности большая часть Иранского плоскогорья подвержена сильным и внезапным переменам температуры. Зима и лето непосредственно сменяют друг друга. Как только прекратятся снежные бури зимы, которые приносятся с арктических ледяных полей Сибири и обширных снежных пустынь Турана, наступает жаркое лето с атмосферой, пропитанной тонкою пылью пустынь, и с апреля по ноябрь небо почти не омрачается облаками. Весны и осени нет совсем. Если они и бывают иногда, то имеют весьма мало значения.

Лишь центральная горная система обладает действительно здоровым климатом. Палящий зной солнца сильно смягчается высоким положением страны. «Воздух особенно сух и

чист, на ясном небе с необыкновенной отчетливостью обрисовываются очертания гор и весь пейзаж, а необычайно яркий блеск ночных звезд почти равен дневному свету».

Вся огромная горная страна, как мы видели, уже в далекой древности была занята родственными иранскими племенами, которые, подобно индусам, присваивали себе почетное наименование Ария (арийцы), что означало – благородные, вернее, благочестивые; но еще в раннюю эпоху они распались на мелкие государства и поселения и забыли свое общее происхождение, первоначальную родину и племенное родство. Еще и в настоящее время главная масса населения Иранского плоскогорья, в общем уменьшившаяся под влиянием ужасных, неслыханных ударов судьбы, поражавших ее в течение многих веков, состоит из потомков тех древних, способных к развитию арийцев, которые однажды завоевали и колонизовали эту страну. Еще и поныне афганцы и персы обладают отчасти выдающимися способностями их предков: острым, проницательным умом и высокоразвитым чутьем к поэзии.

Насколько нам известно, западная часть Ирана была заселена юношески сильным, закаленным в тяжелом труде народом – мидянами и персами, которые вели простой, скромный образ жизни, это были земледельцы, пастухи, охотники, воины.

Восток был заселен множеством территориально разобщенных племен. Среди них бактрийцы наиболее сохранили характерные черты арийцев и с любовью лелеяли национальные предания. Этому, по всей вероятности, значительно содействовала тесная связь и общение с индусским миром.

Мидяне и персы, напротив, в течение долгого времени подвергались нивелирующему влиянию западных культурных народов, ассирийцев и вавилонян, которое становилось интенсивнее и решительнее, по мере того как, вследствие удаления и разобщения с восточными родственными племенами, исчезали национальные обычаи и национальное мировоззрение. Но все же внутреннее родство и национальное единство между Западным и Восточным Ираном осталось неприкосновенным, не подверженным влиянию семитских элементов. В особенности наиболее твердую основу составляли религиозные представления, которые мидяне и персы принесли с собой с востока и которые впоследствии в Авесте Заратуштры нашли свое частное выражение.

Предания Авесты, совпадающие с отдельными смутными воспоминаниями обитателей Западного Ирана, говорят о великом Бактрийском царстве, первоначальная история которого скрывается во мраке сказочной древности. Легендарные отголоски деяний его царей отразились в Шахнаме Фирдоуси.

Это огромное произведение, изображающее далекое прошлое Ирана, представляющее собой чисто национальное творчество, является не только величайшим продуктом восточной художественной поэзии, но также и поистине несравненным героическим повествованием, «определявшим в течение многих веков все мировоззрение Востока», «своего рода мировой историей». В своих основных чертах оно служило богатым источником для незаслуженно преданной забвению истории Восточного Ирана.

В 1100 г. до Р. Х. над всем Восточным Ираном, по-видимому, господствовала могущественная, воинственная династия. Как и все позднейшие цари, древние властители принуждены были вести непрерывную кровавую борьбу с алчными сынами негостеприимных, туманных степей, с кочевыми ордами Турана скифами, саками, гуннами и тюрками. Прекрасно возделанные земли Ирана всегда были легкодостижимой целью для их разрушительных разбойничьих набегов. Славную жизнь героических сынов Ирана, павших в этих войнах по воле неумолимой судьбы, персидский эпос с поразительной силой воспекает в погребальных песнях, и «над могилой этих своих любимцев с глубоким трагизмом он воздвигает траурное знамя».

Начиная с IX в. до н. э. ассирийцы неоднократно предпринимают завоевательные набеги на иранские земли. Следствие этого – к середине IX в. западная часть их – Мидия и Персия – должны были подчиниться Ассирийскому царству.

Но мидийцы вскоре восстали и отвоевали свою свободу и независимость. Туземный, могущественный и знатный род стал во главе их, основал военную деспотию, придал царской власти внешний блеск и внутреннюю прочность, а государству – долговечное единство и могущество. В союзе с остальными родственными племенами – персами – они многократно отражали набеги старого непримиримого врага – ассирийцев. Но затем над Мидией разразился ряд тяжелых бедствий. Страна была покорена дикими полчищами скифов, до тех пор победоносно отражаемыми. На своих быстрых конях скифы пронеслись по Передней Азии, предавая все вокруг смерти, огню, разорению и расхищению и страхом и ужасом наполняя сердца всего азиатского мира, – время, которое юный Иеремия так трогательно изображает в своих жалобных песнях, – пока наконец храброму царю Киаксару не удалось освободить свою страну от этого ужасного бича и вместе с тем отомстить ненавистной Ассирии, население которой давно уже было обессилено.

В 606 г. до н. э. пала прославленная преданиями Ниневия. Огромная, блестящая столица была окончательно превращена в пепел. С тех пор «затих шум мирового города, уснули страсти и над равниной проносится порой дух пустыни, в образе песчаного крутящегося столба, перед которым отступает даже алчно ищущий добычи араб». «Ужасно, грандиозно было опустошение. Вид запустения, царствовавшего среди безмолвного мира развалин, напоминает пророческие слова Иеремии: «Как Вавилон сделался ужасом между народами! И поселятся там степные звери с шакалами и не будет обитаема вовеки и населяема в роды родов» (Иер., 50: 23, 39).

Астиаг, преемник воинственного Киаксара, был дряблой натурой. Это беззаботный, женственно слабый и изнеженный, но все же жестокий деспот. Поэтому неудивительно, что власть перешла к персам.

Этот переворот и основание Персидского мирового царства произошли при Кире. Между тем относительно исторического хода этих событий мы имеем весьма мало достоверных сведений. Уже в очень раннюю эпоху они были искажены множеством легендарных прикрас, включены в романтическую область чудес и мифов и сохранены в сокровищнице поэзии, «в которую юные народы вкладывают свои чувства и свои желания».

Мощное государство, какого еще не видела Передняя Азия, выросшее в течение немногих лет, и появление человека, энергия которого создала все это, произвели на человечество ослепительное, потрясающее впечатление. Поэтому весьма легко понять, что поэзия немедленно завладела образом персидского национального героя, его судьбой и деяниями, разукрасила их легендарными чертами, окружила религиозным поклонением, а его самого в конце концов причислила к богам. История Кира вполне соответствует «поэтическому полумраку, в который облечена жизнь и юные годы выдающихся героев и основателей государств доисторического времени».

Известен рассказ Геродота о полной чудес юности Кира, рассказ, живо напоминающий историю Ромула и Рема. Хотя этот грек посетил родину Кира спустя 100 лет после его смерти, он все же не был в состоянии, при своем наивном прагматизме и глубокой вере в Божественное правосудие, карающее всякое высокомерие и наказывающее по заслугам всякое дерзновение, критически разобраться в персидских сагах, которые он тут слышал, и с некоторой достоверностью установить историческую истину.

Какое мощное и глубокое впечатление произвел вообще персидский герой на последующие поколения, доказывает тот факт, что греческий полководец и писатель Ксенофонт, который лично ознакомился с Персией в 401 г. до н. э., изобразил его в историческом романе идеалом государя.

Историческое величие и великолепие Древнего Ирана пало в 331 г. до н. э. перед военным гением Александра Македонского, между тем как созданное целым рядом политических и социальных революций Новоперсидское царство безвозвратно рухнуло под всеуничтожающим натиском магометанства.

Как некогда иудеи после разрушения Иерусалима, так и верные последователи Ормузда рассеялись преимущественно по обширному азиатскому миру. Здесь, под названием парсы, влчат они свое плачевное существование и с нежной заботливостью лелеют старинные традиции отцовских верований.

С крушением всей иранской цивилизации культура человечества потеряла чрезвычайно много. Лишь жалкие остатки обширной религиозной литературы были спасены парсами, которые унесли их с собой на чужбину.

Религия Ирана

Иранцы разделяли с индусами ведийского периода поклонение божеству небесного светила, солнца, «которое каждое утро вливает в человеческие сердца энергию и показывает мир в новом блеске», а также его земному отблеску, огню прозрачному, ясному воздуху в его победоносной борьбе с враждебными силами природы, духами засухи и бесплодия.

Поклонение огню, как таинственной силе, в форме близкой к фетишизму, встречается у большинства первобытных народов. Облагороженную и более осмысленную форму огнепоклонства мы находим у германских народов, где оно и поныне сохранилось в виде пасхальных и Ивановых огней.

Культ очага был в особенности распространен среди индогерманцев. Священный огонь очага является для них как бы центром каждого дома, а вместе с тем – вообще символом оседлого образа жизни, который один только и обуславливает возможность земледелия и материальной культуры, служащей прочным фундаментом для культуры духовной. Погашение огня означает оставление жилища, которым завладевают злые духи ночной тьмы и запустения.

Вокруг священного очага в известные праздники собиралась греческая семья. У очага в доме римлянина стояли статуи ларов и пенатов. Здесь же, как у древних индусов, совершался обряд бракосочетания. В Риме даже само государство заботилось о поддержании вечного священного огня в храме Весты. В хижине древнего германца на очаге пылал неугасающий огонь как символ вечной жизни его семьи и его рода.

Во вспыхнувшем, ярко пылающем огне, «подымающееся пламя которого считалось символом стремления человеческой души к вечному источнику света», иранцы видели не только основу всей культурной жизни, но вместе с тем также самый священный и самый чистый элемент, это был символ нравственной чистоты, источник всего нравственно-прекрасного. На залитых светом горных высотах, вблизи текучих, прозрачных вод, без храмов, без алтарей воздавалось ему нелицемерное поклонение. Постоянно заботясь о поддержании огня, питая его сухим, ароматическим деревом, они надеялись по его пламени и дыму угадать волю божества. К пророческой силе огня обращались в особенности за разрешением в спорных вопросах права – обычай, часто применявшийся также в карательном правосудии немецкого Средневековья.

Возвышенным, благожелательным духам света и огня противопоставлялись иссушающие ветры пустынь, холодные снежные бури как враждебные, страшные силы. Это злые духи тьмы и смерти, которые препятствуют всем человеческим начинаниям. Они обитают на холодном севере, в негостеприимном Туране, население которого, ведущее жизнь кочевников, осталось дикими и невежественными варварами, не имеющими истории; они живут и в знойных пустынях, которые местами прорезывают и окаймляют Иран.

Иран же, где загорается раньше живительный дневной свет, служит обиталищем дружелюбных духов света, которые с благожелательной заботливостью способствуют плодородию страны и доставляют человеческому труду успех и удачу. Две эти силы борются за власть над землей и человеческим родом.

Глубокомысленная, но далеко не бесспорная теория А. Ф. Гумбольдта и Томаса Бокля, что природные условия страны определяют проявления духовной жизни, что физический мир влияет на моральный, что между чувственным и сверхчувственным существует какое-то таинственное взаимодействие, как будто бы находит изумительное подтверждение в особенностях духовного развития обитателей Ирана. Землетрясения, снежные бури, суровые зимы, наводнения – все это безнравственно угрожало уничтожить плоды тяжелого труда. Жизнь иранцев протекала в безнравственном колебании между страхом и надеждой, робким ожиданием и бодрящей радостью. Непреодолимые силы природы и ее безграничная власть над миром и человеческой жизнью должны окончательно овладеть сознанием и пробудить веру в добрых и злых, вечно борющихся между собой, духов.

Реформатор иранской религии, мудрый Заратуштра, то есть сын звезд, – натура глубоко религиозная, – связал это дуалистическое поклонение природе в одну изумительную, построенную по строгому, глубоко продуманному методу поэтически-философскую систему.

Включать основателя религии в священную хронологию, относить полученное им откровение к той золотой эпохе, когда боги еще общались с некоторыми смертными, было обычным явлением в истории религии.

То же случилось и с Заратуштрой, имя которого всегда с почтением упоминается среди великих основателей религий доисторических времен. Это уже не историческая фигура. Его личность и наиболее интимные обстоятельства жизни сделались достоянием легенды. Она говорит, что пророк Ирана был царского, даже божественного происхождения. Вся его деятельность подсказана ему непосредственно самим божеством. Его молодость полна чудес. Уже на пятнадцатом году он проявил свой выдающийся ум.

Жизнь и деятельность Заратуштры нужно отнести к очень ранней эпохе. Он жил не позже XI в. до Р. Х. Уже около 800 г. его учение господствовало в Восточном Иране и обладало достаточной силой, чтобы отсюда распространиться среди родственных племен, мидян и персов.

Как обо всех основателях высших религий, о Моисее, Будде, Мухаммеде, так и о Заратуштре говорится, что он долгое время жил в уединении пустыни, предавался аскетизму и самосозерцанию и обдумывал принципы своей религиозной реформы.

Глубоко правдивое замечание, что именно между «небесным сводом и безграничной равниной пустыни одинокого и покинутого странника неизбежно охватывает монотеистическое настроение, ибо сухой и прозрачный воздух не вызывает в воображении всех тех чарующих обманчивых образов, которыми наполняет его воображение лесистая страна; здесь нет солнечных лучей, которые, прорываясь сквозь просветы древесной листвы, играют на дрожащих, отражающих свет листьях, здесь нет сучковатых ветвей, ползучих корней странной формы и дуплистых деревьев, того треска и ропота, шороха и шума, шелеста и шепота, вообще всех тех звуков в рощах и лесах, которые так легко дают нам иллюзию невидимой жизни».

Когда пророк приготовился и все обдумал, он начал публично проповедовать свое учение. Повсюду воздвиг он алтари огню и вблизи Каспийского моря посадил кипарис, на коре которого записал, что бактрийский царь Виштауста принял его учение. Вплоть до появления ислама благочестивые служители Ормузда совершали постоянные паломничества к этому священному дереву.

Упоминание в легендах именно о кипарисовом дереве отнюдь не случайность. Вечнозеленое дерево с давних времен и до наших дней служит для обитателей Востока глубоко-мысленным символом бессмертия и вечности, а также примирения и успокоения.

С той же мыслью мы встречаемся и в древнехристианском мировоззрении. Так, например, на саркофагах первых времен христианства кипарисовое дерево, которое отец церкви Августин назвал деревом праведных и листья которого никогда не увядают, изображено как символ бессмертия. Теперь же кипарисовое дерево под влиянием поэтов, придерживавшихся римского толкования, является преимущественно символом могилы и смерти.

Заратуштра построил свою религиозную систему на основных принципах древнего поклонения природе пантеистического материализма.

У всех умственно развитых народов наступает период, когда натуралистические божества преобразуются в носителей духовных свойств. Проснувшееся в человеке самосознание превращает дурные и хорошие побуждения души в добрые и злые божества и представляет борьбу, которая происходит в человеческой душе между обоими враждебными началами, как борьбу божественных существ, происходящую вне человеческого «я».

На этом поворотном пункте религиозного развития стоит Заратуштра. Он становится выразителем народного духа и пробуждающегося самосознания. Как говорится на языке религии, божество открыло ему то, что должно было стать содержанием новой веры.

Перенеся физическую противоположность между Ираном и Тураном на мир моральный, Заратуштра прежде всего разделил весь мир на два царства: на чистый мир света и мир тьмы. Во главе первого он поставил Ахурамазду как «всеведающего творца и властителя всего существующего видимого и невидимого миров». Из Ахурамазды впоследствии образовалось имя Ормузд. Царство тьмы было подвластно Ахриману, «зло замышляющему». Каждому из этих высших богов были подвластны полчища распределенных по иерархическим рангам духов, которые представляли собой лишь аллегория понятий физических, космических, этических сил и сил природы, но не воплощались в живые образы и были лишены исторической жизни.

Эти два основных принципа существовали с самого начала. Если Ормузд был творцом света и жизни, радостных полей и смеющихся полей, то Ахриман был родоначальником тьмы, ночи и смерти, ибо именно он посылал ледяные зимние вихри и создавал палящий зной пустынь. Если первый сотворил корову, лошадь и собаку, полезных домашних животных, то второй был творцом хищных зверей, змей и вредных насекомых. Если Ормузд старался удержать людей на стезе добродетели, то Ахриман постоянно стремился завладеть человеческой душой, чтобы склонить ее к постыдным порокам, бросить ее в объятия лжи и сладострастия.

Эта непрерывная борьба за власть над землей и человеческим родом оканчивается поражением Ахримана и всех злых духов, полным примирением великого дуализма между светом и тьмой, добром и злом. Царство света, царство всеобщего совершенства и вечного блаженства должно владеть миром. Души верных последователей Ормузда соединяются для вечной жизни со своими воскресшими телами.

Таким образом, учение Заратуштры свидетельствует о превращении поклонения природе и свету в духовную религию с моральными тенденциями. Поклонение солнцу и звездам и культ огня получили символический смысл и эпическое направление. Существенной стороной и характерной чертой реформаторской деятельности Заратуштры является то высокое значение, которое он придал обработке земли. Его учение представляло собой «религию рациональной культуры земли».

Из сущности этой религии вытекали нравственные задачи жизни человека, служение добру и борьба со злом, как во внешней природе, так и в собственной душе. Только тот человек, который уничтожает вредных животных, змей, гадов, хищных зверей, усердно обраба-

тывает и орошает землю, сажает полезные деревья и т. п. – потому что такая работа приравнивает его к добрым духам, – только тот человек, который оберегает свою душу от греха и порока, от лжи и обмана, лицемерия и клеветы, который чист словом, делом и помышлением, – только такой человек защищен от злых духов. Они не могут вселиться в него, и после смерти его душа уходит в лучезарное небо и блаженствует пред светоносным ликом Ормузда. «Чистый в помыслах и словах, чистый в своих поступках, молюсь я тебе, – говорит Заратуштра в Ясне, – дозвожь чистоте моего сердца стремиться к тебе, о Ахурамазда. Дай мне крепость устоять в добре, чтобы я мог достичь святости в делах моих, которые служат для меня источником радости и блаженства».

Злой же человек, порочный, лживый, несправедливый после смерти попадет в ад. Но это не наш ад, с его ужасной безысходностью; назначением его служит не наказание, а просвещение, очищение от грехов. Души злых очищаются всерастворяющим жаром огня, пока наконец они не соединятся с другими просветленными существами на освобожденной от всего порочного земле для общего дела, где, сплотившись в одну семью, с общим языком и общей жизнью, они будут блаженствовать до скончания веков.

Благочестие в мыслях, словах и делах – основное требование, которое учение Заратуштры предъявляет к моральной жизни верующих. Главными добродетелями считаются правдивость и верность, милосердие и сострадание, в то время как ложь, измена и неверность были самыми позорными пороками и преступлениями.

Что эти добродетели, в связи с рациональной обработкой полей, с разведением тенистых садов и плодовых деревьев и т. д., действительно составляли основу государственного общежития, главную характерную черту моральной и религиозной жизни Ирана, – это следует заключить из описаний Геродота и Ксенофонта, так же как представление о сказочном великолепии позднейших дворцов и престолов халифов заимствовано лишь из воспоминаний о прежнем величии Персии. Но будет весьма благоразумным не предъявлять к милосердию и сострадательности последователей Заратуштры слишком высоких требований: и менее всего нужно ожидать от античного мира тех взглядов, какие впервые выработало лишь христианство. Милосердие поклонников Ормузда распространяется на одних лишь верующих, тогда как помощь неверующему равносильна полному подчинению злым стремлениям Ахримана.

Более счастливый, чем большинство других пророков, – смелые рыцари духа очень редко или даже никогда не находят на земле награды, – Заратуштра уже при жизни видел плоды своего учения и был вынужден погибнуть для этого мученической смертью.

Основанная им государственная религия Ирана принадлежит к изумительнейшим проявлениям человеческого духа. Это величественное явление привлекло внимание греков и вызвало в них живой интерес. Богатством содержащихся в нем мыслей учение Ормузда пробудило умственную деятельность греческих мыслителей. С целью изучить его на месте Пифагор, Эмпедокл, Демокрит и Платон предприняли путешествие в Персию.

Философские системы этих мудрецов во многих пунктах обнаруживают близкое родство с иранским религиозным учением. Эсхил, Феопомп и Плутарх также были знакомы с религиозным дуализмом.

Персидская государственная религия представляла собой не только логически законченную систему, но вместе с тем и гениальное поэтическое повествование, «смело задуманный, логически развитый, облаченный в художественную форму религиозный эпос, которому нет равных».

Как религиозный поэт, Заратуштра остается недосягаемым образцом во все исторические эпохи. Ни один из великих религиозных писателей позднейших веков, ни Данте, ни Мильтон, ни Клопшток, не могут сравниться с ним. Никогда даже творческая фантазия не

возвышалась до такой степени неотразимого влияния и всепокоряющей мощи убеждения, которая действительно была присуща великому Заратуштре.

Глубоко искренний сердечный порыв сказывается в его учении. Ясно чувствуется, что оно было для него откровением. Призывая к неустанной борьбе с царством Ахримана, он совершил величайший нравственный подвиг, равного которому мы не знаем; могучим порывом он вырвал дух человеческий из оков тьмы и суеверий и указал ему путь деятельной любви к человеку, тогда как все остальное человечество – индусы и семитские народы – путем допускающего даже человеческие жертвы примирительного культа пытались смягчить злое начало в природе и человеке, олицетворенное в виде разрушительного божества.

Благодаря своему столь утешительному, столь дорогому для человеческого сердца верованию в воскресение мертвых, в конечное превращение зла в добро смелый поэт, в душе которого, несомненно, таилось неиссякаемое сокровище чистой любви к человеку, не только сумел осветить радостным светом всю жизнь и деятельность древних персов, но косвенно оказал также большое влияние и на христианство, предшественником которого он является. И там, как и здесь, примирение и успокоение являются конечной целью.

Орден атраванов и магов

Из книг (21 книга) Зенд-Авесты, иранского священного писания, которые по традиции приписываются Заратуштре, сохранились лишь Вендидад (то есть «данная против злых духов»), содержащая в себе очерк иранского вероучения; Ясна (то есть «книга жертв»), собрание гимнов и молитв; Висперед (то есть «все властители или гении»), меньшего объема сборник молитв в таком же роде, как Ясна. Но в том виде, в котором эти книги дошли до нас, они составлены не Заратуштрой, хотя несомненные признаки свидетельствуют о том, что великий поэт сам сочинил многие из сохранившихся до нас песен и стихов, в которых он высказывает свои размышления. Несомненно также, что ядро учения, религиозные представления, законы и правила нравственности ведут свое происхождение от Заратуштры и составляют основу древнеперсидского культа огня и света.

Иранское священное писание было составлено многими жрецами уже много времени спустя после того, как замолкло живое слово учителя; писание было приспособлено к потребностям нового времени.

На это указывают нам достоверные признаки: между прочим, там перечислены точные постановления ритуала и богослужения, предписания для различных празднеств, на все часы дня и времена года. Сюда относится также пространное учение об обязанностях, касающееся всех жизненных отношений, казуистическое разделение грехов на роды и классы и определение искупающих их наказаний, очищений и покаянных правил; все это изумительно напоминает позднейший буддизм, с его бессмысленными молитвами, скучными церемониями, с туманными фигурами богов, которые не имеют ничего общего со свежестью и жизненностью мифологических образов у юных народов и весьма нередко переходят в малопонятные олицетворения моральных свойств.

Религия, требующая долгого, далеко не всякому доступного изучения, предписывающая религиозные действия и церемонии, произнесение длинных, точно установленных молитвенных формул, которые предполагают знание сложных обрядов, обуславливающих принять жертвы, – такая религия для выполнения всех полагаемых ею обязанностей нуждается в ученых жрецах, для которых такие действия являются задачей всей жизни.

Это сословие жрецов, как мы знаем со значительной долей вероятности, действительно возникло у восточноиранских народов уже очень рано. Подобно арийцам Индии, арийцы Ирана верили во всепобуждающую силу молитвы и жертвы. Точное знание заклинаний и различных видов жертвоприношений, необходимо подчинявших богов воле человека, пере-

давалось по наследству от отца к сыну в семьях певцов, жертвоприносителей и чтецов молитв.

Реформа, произведенная Заратуштрой, коснулась также и старых жреческих родов. При этом между последними и жрецами, представителями реформированной религии, дело дошло до жестокой борьбы, в результате чего жрецы – последователи Заратуштры, уже объединенные новым учением и твердыми правилами новой религии, сплотились еще теснее.

Жреческое сословие Восточного Ирана резко отличалось от остального населения и имело определенные права и обязанности. Только при содействии жрецов мирянин имел право приносить жертву, только их устами мог он надлежащим образом взывать к божеству и отгонять злых духов. Для мирянина не существовало никакого религиозного обучения. В вопросе о происхождении и смерти земных существ он был посвящен лишь настолько, насколько это его лично касалось.

Жреческая иерархия смотрела на свою премудрость – наследование религиозного учения – как на неотъемлемое достояние своего сословия. Поэтому в качестве учеников она принимала в свое общество обыкновенно только сыновей жрецов и лишь в исключительных случаях – других юношей. Сама церемония приема обставлялась весьма торжественно, причем применялись известные символические обряды и соблюдались определенные предписания ритуала.

В жреческих школах, которые заняли место прежних родовых преданий, переходящих из поколения в поколение, воспитанники обучались тайным наукам; занятия эти сводились главным образом к заучиванию правил ритуала и к упражнениям в совершении богослужения. Они посвящались здесь также и в трудное искусство письма, которым обладали одни лишь жрецы. Каждый молодой жрец должен был, кроме того, заучивать наизусть священные писания, и даже в наше время жрецы у парсов знают наизусть всю Авесту. Следовательно, обучение было обставлено такими трудностями, что уже одно это могло породить в жреческой касте стремление к возможной замкнутости.

Жреческое сословие разделялось на несколько классов. Во главе каждого стоял главный жрец. На одном из этих классов лежали определенные обязанности по богослужению. Главным его занятием и самой важной обязанностью было чтение Авесты и поддержание священного огня. Другой класс руководил очищениями, третий совершал жертвоприношения.

Члены общества имели особые знаки отличия, они носили при себе жертвенную чашу, жезл для умерщвления нечистых животных и закрывали платком нижнюю часть лица, чтобы их дыхание не касалось священного огня и этим не оскверняло его.

Жрецы Запада назывались магами. Они также составляли замкнутую, наследственную корпорацию, и на их существование можно найти указания уже в 700 г. до Р. Х.

Несомненно, что и у мидян, и у персов уже с древнейших времен существовали жрецы, которые умели вызывать светлых духов древнеарийской религии и поддерживать отгоняющий злых духов священный огонь. Когда впоследствии новое учение перешло с Востока в Мидию, древние жреческие роды, видя, каким широким и прочным влиянием пользовалось жреческое сословие заносного культа, продолжительная борьба с которым оказалась невозможной, вступили в союз с проповедниками нового учения.

Маги заняли очень влиятельное положение. На них возлагалось попечение о важнейших делах народа. Они являлись не только учеными – теологами и мыслителями, но также и искусными дипломатами, и опытными государственными деятелями, мудрый совет которых имел безусловное влияние на все решения царя. Постоянно сопровождая царя, они заботились о священном огне, который носили перед государем. Они были постоянными учителями и воспитателями царских сыновей. Им одним принадлежало право совершать жертвоприношения, выполнять предписания культа, петь хвалебные гимны, объяснять

необычайные явления природы и толковать сны – искусство не только выгодное, но и очень важное. Они были истинными наследниками славы халдеев, а также и их астрологических дознаний и приемов. Благодаря этой «науке» они после падения персидского могущества находили почетный приют повсюду, их имя было окружено таинственным очарованием, в особенности в жадных до всего чудесного странах юга.

Маги жили в огороженных стенами селениях, подчиняясь своим собственным законам; с течением времени у них сложился иерархический строй с жреческими школами, где сообщались древние заклинательные формулы и молитвы, новые очистительные предписания и религиозные постановления, где унаследованные верования получали, благодаря тщательной разработке их, разъяснение и дальнейшее развитие, где толкование священного писания передавалось как тайное учение, в то время как в народном сознании уже давно исчезли древний язык и древние представления.

К изучаемым наукам принадлежали также естествоведение и медицина. В жреческих кругах и школах Атраванов и, в особенности, в школах магов иранский культ огня и света воспринял некоторые новые представления и теоретические основоположения; этому содействовало, без сомнения, также и продолжительное общение со стоявшими значительно выше в научном и политическом отношении семитским и греческим мирами.

Учение Заратуштры требовало от человека душевной стойкости и вменяло ему в обязанность постоянный труд, оно поставило для него задачей соблюдение чистоты тела и души, власть над своими страстями. Если человек сохранял телесную и душевную чистоту, если он был правдив в словах и честен в поступках, если он приумножал полезные плоды земные в лесах, полях и лугах, если он умерщвлял зверей, посылаемых злыми духами, то ему была предуготована удача во всех его начинаниях, долгая жизнь на этом свете и вечная жизнь за гробом.

Но жреческие школы не остановились на этом. Они ревностно выясняли новое представление о божестве и вводили культ старых богов в новое вероучение; в реформированном вероучении старые предписания о чистоте превратились в детальные правила о соблюдении чистоты для всех человеческих отношений, для каждого часа дня, для всякого рода человеческой деятельности; наряду с древними заклинаниями богов сложились новые песнопения, пытавшиеся представить божества в качестве этических потенций.

Из утонченной диалектики жреческих школ выработалось чрезвычайно сложное учение о чистоте жизни, казуистические предписания об искушении и правилах покаяния и изобилующее обрядностями внешнее благочестие. Производились обстоятельные исследования по вопросу о формулировке закона и права. Религия предписывала собирать древние песни, сопровождавшие жертвоприношения, устанавливала порядок богослужения. Упорядочивались бесчисленные жертвоприношения и празднества, записывались правила врачебной науки. Врачебное искусство доставило магам приют и почет еще в древнейшие века при дворе халифа Гарун аль-Рашида.

Довольно туманное учение Заратуштры о конечной победе царства света над царством мрака и зла было разработано полнее. Когда настанет конец мира, придет победоносный герой Соейош (Сраоша) и произнесет свой суд над всеми восставшими от смерти, тогда праведные вознесутся в царство блаженных, неправедные же получат очищение в огненном потоке и, с обновлением тела, приобщатся к вечному блаженству.

Учение о бессмертии и возмездии в загробной жизни составляет, очевидно, основу всего тайного учения жреческой касты Ирана. У индогерманских племен страстная вера в посмертную жизнь являлась существенной частью их религии. В этом отношении изумительное сходство замечается в представлениях об ужасающих пустотах Аида, об елисейских полях Асфоделя, о светлых обителях Валгаллы.

Глава 4. Индусы

Страна и народ Индии

На южной окраине Среднеазиатской возвышенности поднимаются Гималаи, величайшая на земле горная цепь. Этот мощный горный хребет тянется в длину больше чем на 350 миль, направляясь на восток, определяет природу и жизнь обширной страны, лежащей на юг от него.

Гималайский хребет защищает Индостан от холодных ветров, которые несут с собой мороз и разрушение, дуют на Среднеазиатском плоскогорье; он задерживает также дождевые облака, которые приносятся с Южного океана пассатными ветрами и разливаются благодатным дождем над равнинами, расположенными по южным склонам Гималаев, превращая зной солнца в прохладу, а сожженную растительность – в роскошную зелень.

Как только путешественник минует необозримые снежные пустыни и вечные ледники, на которые не оказывает никакого влияния даже зной тропического солнца, «где ничто уже не расцветет, где не зеленеет ни один стебель травы и в воздухе уже не реют птицы, где не шевелится ничто живое и носится лишь ветер», он попадает в покрытую лесом холмистую страну, переходящую к западу в обильно орошенную низменность. Первая орошается Индом, вторая – Гангом и Брахмапутрой. Эти могучие реки, берущие свое начало в снежных полях Гималаев, извиваясь несут свои обильные воды к Индийскому океану и Бенгальскому заливу.

Чередование возвышенностей и низменностей, благотворное влияние климата, влажного благодаря обильным испарениям близкого океана, бесчисленным рекам и постоянным дождям. Дожди, благодаря муссонам, правильно распределяются в известные времена года по всей стране, вызывают к жизни ту изумительную южную флору, то изобилие и разнообразие растительности, которое с древнейших времен сделало Индию роскошнейшим плодородным садом мира и превратило ее в прославленную в тысячах песен благословенную страну счастья и красоты. Она была целью стремления всех завоевателей, туда направлялись все знаменитые мореплаватели, там зародилась мировая промышленность, отсюда доставлялись всему миру всевозможные продукты, драгоценные камни и пряности, отсюда начались разнообразные сношения со всеми странами света, во все времена и между всеми народами.

Во все времена народная фантазия рисовала Индию страной чудес. Необузданное воображение широко раскинуло свое безграничное царство. С особенной любовью занимались этой страной чудес легенда и поэзия.

Некогда вся Индия была заселена дикими чернокожими племенами. В один из последних веков 3-го тысячелетия до Р. Х. в горных проходах Северо-Западных Гималаев появились индийские арии, которые, отделившись от своих братьев, иранцев, победоносно спустились в чудесную страну, частью подчинить себе туземное население, частью оттеснить его к лесистым горам Среднего и Южного Индостана, где оно нашло для себя неприступное обиталище. В своей первобытной дикости эти туземные племена упорно сопротивлялись всякому влиянию чуждой культуры и создали себе свой собственный язык и свою литературу. Эти народности, часть которых еще и по настоящее время остается людоедами, представляют собой вырождающиеся племена, подобно австралийским аборигенам и индейцам Америки.

Историческая жизнь индостанских ариев зарождается впервые на Инде. К сожалению, относительно постепенного развития этой исторической жизни в первые века после переселения

ления ничего определенного не известно. Не говоря уже о полном отсутствии достоверных исторических документов, совершенно не сохранилось каких-либо определенных преданий о деяниях и судьбах этого народа, тем более что развившаяся в следующие века религиозная система брахманизма стремилась через своих жрецов уничтожить всякое воспоминание о прошедших временах и представить брахманизм как бы первоначальной силой, господствовавшей во все времена.

Тем не менее в древнейших гимнах Вед, сборнике главным образом религиозных песен и молитв, которые частью составлены за 15 веков до нашего летоисчисления и даже в еще более ранние времена, попадаются кое-где указания, проливающие некоторый свет на эту эпоху. Согласно данным свидетельствам, жизнь древних индусов во многих чертах обнаруживает сходство с древнегерманской. Веды рисуют ариев людьми, склонными к пьянству, они страшно увлекаются игрой в кости и в этом отношении нисколько не уступают древним германцам, обитавшим на прославленных легендами берегах прекрасного Рейна.

Но наряду с этим в гимнах обнаруживаются богатые природные способности, воинственный дух и мужество, юношеская свежесть и жизнерадостность новопришедшего народа. Верность, преданность и добрые нравы – вот прославленные Ведами добродетели.

Основой государства был строго установленный семейный быт. Несколько селений составляли округ, несколько округов – одно племя. Скотоводство и земледелие заполняли внешнюю жизнь народа, которая нарушалась лишь раздорами между отдельными семьями; духовная же жизнь проявлялась в жертвоприношениях и в поклонении силам природы. Женщина пользовалась значительно большей свободой, чем в позднейшие времена, при господстве брахманизма.

Сельские жители в определенные дни собирались для обсуждения их дел и для общественных развлечений. В собраниях всего племени принимал участие также и царь, сан которого был сначала выборным, а потом сделался наследственным. Царь был предводителем на войне и собственноручно приносил жертвы от лица всего племени. Иногда же он поручал это одному из певцов, которые в большом числе состояли при его особе, жили от щедрот его и в песнях прославляли его деяния.

Благодаря религиозности индусов поэзия рано достигла у них высокого расцвета. Ригведа, древнейший сборник религиозных гимнов и молитв, который поклонники Брахмы и в настоящее время чтят так же высоко, как последователи ислама – Коран, содержит более тысячи священных песен, обращенных к богам, с мольбой о хороших пастбищах и обильных источниках для стад, о даровании здоровья, долгой жизни и победы над врагом.

Мрачное учение о переселении душ, которое давило и угнетало сознание последующих поколений, еще незнакомо древнейшим песням. Земная жизнь представляла еще слишком много интересного, люди были еще слишком по-человечески привязаны к доставляемым ею наслаждениям, чтобы с трагической серьезностью, свойственной позднему времени, устремлять свой пылкий взор в неведомое и непостижимое царство будущего. Думали, что добродетельные люди после смерти перенесутся в тот мир, «где замолкают все страсти и все желания».

Этому светлому миру с его райскими радостями не противопоставлялся ад с его бесконечными муками и страданиями. «Представление это было чуждо эпохе Вед. Оно предоставило сделать это открытие позднейшим векам и воображению позднейших поколений».

Древняя индусская вера была простым, поверхностным и чувственным культом природы. В благотворных явлениях ее видели дружественное расположение добрых духов, в разрушительных же влияниях природы со страхом усматривали опасную деятельность злых сил. «Эти благотворные влияния наиболее явно проявились в согревающем и оплодотворяющем свете солнца. Среди торжественной ночной тишины бесчисленные звезды говорили человеку о далеком, полном таинственности мире небес. Его страшная и разрушительная

сила проявляется в молниях, сопровождающих грозы, которые производят также и благотворное действие, принося благодатный дождь. Наивному миропониманию первобытного человека молния, разрывающая облака, должна представляться деянием могущественного, страшного и в то же время доброго божества. Этим объясняется, почему жилище богов переносилось в воздух и на небеса».

Величайшим из главных божеств, которым индусы приписывали благотворную силу, был Индра, бог лучезарной синевы небес. Он производил молнию, и «как обруч охватывает спицы колеса, так Индра охватывает все существующее».

Наряду с ним большим почетом пользовался Варуна, многозначительное, таинственное божество. Он – творец вечных нерушимых законов, которым подчиняется мир и все существующее и на которые не смеет посягать ни смертный, ни бог. «Ветер, который проносится в воздухе, – это его дыхание, солнце – его глаз, реки текут по его предначертанию».

В глубине небес, наряду с Варуной, обитает Яма, бог смерти, к которому возносятся души умерших.

Кроме высших богов неба, поклонение создавалось также подчиненным им духам, населявшим воздух, в особенности утренней заре, солнцу и его земному прообразу – огню.

Яркое пламя пылающего огня казалось индусам, так же как и иранцам, добрым духом, прогонявшим злые силы тьмы и отпугивавшим хищных зверей от жилища человека и его стад. Этот дух, Агни (Ignis), был добрым другом и желанным гостем всех людей и, в образе священного пламени на очаге, покровителем дома и общины.

Божества, созданные религиозным сознанием древних индусов, являются, таким образом, олицетворенными силами природы: «свет, воздух, огонь – зарождение, существование, разрушение». Этическая точка зрения, приписывающая богам, наряду с высшей властью и мудростью, также и охрану права, обычая и добродетели, лишь случайно сказывается в ведийском культе природы. Брихаспати, покровитель молитвы, посредник, соединяющий духовными узами богов и людей, является наряду с Варуной почти единственным представителем этого направления.

По детски наивному мировоззрению Вед, человек является одним из звеньев в длинной цепи божественных существ. Боги, как эманация природы, сравнимы с людьми. Поэтому последние никоим образом не должны унижаться перед ними. Принося богам жертвы и молясь им, арийцы вместе с тем открыто признавались, что это делается лишь в надежде на их содействие и помощь в борьбе с противниками и врагами. Вымаливать у рассерженного бога пощаду и прощение, смягчать его гнев было чуждо их религиозному представлению.

Путем даров и жертвоприношений, – а самой действенной жертвой являлся «искусно приготовленный напиток из сладкой как мед сомы», горного растения, которое полагалось собирать при свете луны, – они, в своем ребяческом безумии, думали приобрести неотразимую власть над всеми богами.

И самый напиток таинственным образом превращался в могущественного бога. Поэтому боги не могут противостоять его влиянию, но в благодарность они должны оказывать помощь человеку, приносящему эту жертву.

Вследствие этого певцы жертвенных песен, знавшие самые действенные заклинания и умевшие наилучшим образом совершать жертвоприношения, уже в очень древнюю эпоху пользовались большим почетом. Эти кудесники имели власть над богами.

Эта духовная и общественная жизнь, обнаруживавшая еще основные черты, общие всему индогерманскому племени, изменилась, а когда, постепенно подвигаясь вперед, индусы заняли всю страну, до самого верховья Инда, основав по среднему течению его различные государства и вместе с тем вступив в период суровой завоевательной борьбы, в

героическую эпоху, преисполненную воинственной отваги, дремавшие силы и способности великой индийской нации пробудились к жизни.

К этой эпохе относятся также упоминаемый древними писателями набег ассирийцев и загадочные путешествия в Офир, предпринимавшийся финикийцами в X в. до н. э. к верховьям Инда, с целью добычи там золота и слоновой кости, сандалового дерева и драгоценных камней, обезьян и павлинов.

Одновременно с завоевательными походами на юг арийские народности заняли также низменность по Гангу – истинную родину и место расцвета индийской культуры. В результате кровавой борьбы на равнине, образующей вход в долину Ганга, где и в позднейшие века судьба Индии нередко решалась битвами, они завладели этой богатейшей страной, еще задолго до того времени, когда родственные им греки испытали свои юные силы в героических сражениях под Троей. Последующие полчища арийских племен оттеснили прежних переселенцев из завоеванной с такими усилиями страны дальше к востоку.

Это передвижение народов длилось несколько столетий, наполнив всю страну по Гангу страшным лязгом оружия и кровавой борьбы и, несомненно, сломив юную мощь индийского племени. Когда же наконец многочисленным племенам удалось осесть на одном месте и зажить спокойной, мирной жизнью, зародилась своеобразная индусская культура.

Великий индийский эпос, в руках брахманов впоследствии совершенно преобразившийся, также пользуется обильным материалом, доставляемым этими войнами и передвижениями народов.

Воинственный героический дух, высокоразвитое чувство чести и стремление к славе, вызывавшее на блестящие военные подвиги, отступали у индийцев на задний план перед нравственными качествами и добродетелями; пробуждалась жажда покоя и мирной жизни, страстное стремление к гражданскому порядку и законности.

Необузданная фантазия наполняла небо, воздух и землю вымышленными образами богов и странствующими душами и за мифологически-поэтическим миром грез забывала земное существование и действительную жизнь с ее изменчивыми судьбами. «Увлекаемые своей беспредметной чувствительностью и уносясь на крыльях своей фантазии, лишенной каких бы то ни было издержек, индийцы лишь изредка опускались из мира грез на твердую почву действительности». У них не было глубокого самосознания сильной личности, которая самостоятельно, за собственный страх борется с судьбой, роковой непобедимой судьбой, «которая, давя человека, возвышает его».

Историческая жизнь не была для них постепенным усовершенствованием, это был лишь печальный переход к уничтожению, небытию. «Поэтому в самосознании индусов звучит глубокое чувство грусти, тихая женственная печаль». Только жизнь богов представляла для них интерес и значение.

Вследствие этого они утратили представление об общей родине и об общих целях и интересах во всех земных делах. И вместе с тем историческая жизнь индийцев совершенно потеряла почву. Невольно вспоминаются здесь слова Шиллера: «Их жизнь началась и окончилась в священных книгах святой инквизиции», то есть вся историческая жизнь вылилась в религии. Блестящая яркими красками природа, богатое растительное царство, среди которого жил индус, пробуждали в нем любовь к природе и вызывали в его воображении нежные поэтические образы, отражая нравственные воззрения народа, нежность и мягкость его чувств. Но понять и исследовать материальный мир и мир изменчивого, преходящего существования он не был в состоянии.

Ввиду этого брахманам было легко подавить всякое деятельное проявление энергии в земной жизни, в зародыше уничтожить всякое стремление к внутренней и внешней свободе, изгнать из встревоженной души всякую жизнерадостность и светлое чувство; и люди, поверившие суровому учению о переселениях и адских муках – самое постыдное порожде-

ние человеческого безумия, – вечно томилась в беспредельном страхе. Кроме того, железная принудительность кастового строя с его сословным высокомерием, с презрительным отношением к человеку, ужасный деспотизм властителей с неслыханным гнетом налогов, полный произвол в области прав – все это сделало страну индусов великой долиной печали.

Вот почему эта большая ветвь арийского племени, несмотря на свои выдающиеся дарования и свою высокую духовную жизнь, оказала лишь едва заметное влияние на всеобщее развитие человечества. Религия индуса не возвысила, не облагородила его; жалко влачил он свое существование и жалко умирал.

Его природные духовные дарования заглохли в пределах его родины от чрезмерного изобилия ее природы. Даже великие продукты творчества индусов в области словообразования (они довели грамматику до такого совершенства, какого достигли только греки и арабы), поэзии и промышленности нашли весьма мало признания и распространения. «Индусы, которые казались призванными сделаться цветущей ветвью на древе жизни народов, уже очень рано превратились в мертвенный сук».

Тайное общество брахманов и его учение

Религия индусов, так властно порабощавшая умы, создавала ужасный кастовый строй; это всемирно-историческое явление навлекло на несчастный народ всевозможные бедствия.

После завоевания долины Ганга черные обитатели ее частью были обращены в рабство, частью добровольно подчинились новым властителям и приняли язык, образ жизни и культ победителей.

Таким путем вначале образовалось два класса людей, резко различавшихся по своему происхождению и правовому положению: победители – арии и лично – свободное туземное население шудры; в качестве рабов и поденщиков, слуг и носильщиков туземцы вели довольно сносное существование при жилищах и поместьях победителей.

Эта резкая противоположность между властителями и подчиненным, цветным населением не сгладилась. Арийцы во все времена были главенствующим классом.

В дальнейшем историческом развитии новые поселенцы образовали три сословия, или касты, различавшиеся по занятиям и происхождению; эти касты так же, как и египетские, напоминали до некоторой степени ученое, военное и земледельческое сословие христианско-германской эпохи.

Когда прошел тяжелый период борьбы за новые владения, когда уснул героический дух народа, главная масса победителей предпочла посвятить себя мирным занятиям, земледелию и скотоводству. За тяжелым ежедневным трудом арийский крестьянин вскоре забыл военное искусство и разучился владеть оружием. Эти занятия – борьбу с врагом и охрану границ – он охотно уступил тем, кого привлекала слава и добыча: предводителям и военной аристократии, выделившейся во время завоевательных войн. Мирно и спокойно жил он с женой и детьми на своей ниве. «Он живет по соседству со своей пашней, мирные поля окружают его сельскую хижину».

На всех этих хлебопашцев и пастухов – вайший – смотрели как на людей неравноправных.

С ростом культуры отношения становились все сложнее и жизненные потребности все разностороннее. «В пламенной борьбе разгораются соревнующиеся силы». Население не ограничивается одним земледелием и скотоводством, но постепенно обращается к ремеслам, торговле, промышленности. Из промышленного класса развивается городская буржуазия.

Индусская культура пошла по тому же пути. И в Индии вайшии также составляли большую часть обитателей многолюдных, гордых своим пышным великолепием городов, выраставших вблизи блестящих столиц.

Но арийской буржуазии не удалось занять более высокое общественное положение и добиться большого почета. Отстраненный от высшей духовной жизни нации, трудолюбивый горожанин был прикован железными узами наследственности к своему плугу или отцовскому ремеслу. Доступ в сословие воинов или в касту брахманов был для него навсегда прегражден. Период мира, сменивший эпоху завоевательных войн, умалил, правда, значение военного сословия, но тем упорнее оно чуждалось вайшии и с высокомерием суверена взирало на его трудовую жизнь. Отличаясь воспитанием, военным искусством и образом жизни как от трудящегося класса, так и от брахманов, это сословие составляло военную аристократию, которая вела беспечное существование, которая даже и при изменившихся условиях быта оставалась верной воинственным нравам предков, которая, вместе с родовой спесью и военной славой, передала потомкам также и уважение к жреческому сословию, покровительствовавшему ее обособленному положению. «Среди этих аристократических родов сохранилось воспоминание о подвигах предков, о жарких битвах прошлого. Певцы царей и высшей аристократии пели старинные песни во время торжественных жертвоприношений и погребальных пиршеств или же прославляли их в новых песнях, из которых постепенно складывался эпос индийцев».

Первым и самым почетным сословием была каста жрецов. Уже на Инде некоторые певцы и чтецы молитв высоко почитались и пользовались любовью и уважением всего народа. Предполагалось, что именно их молитвы и гимны, воспеваемые ими при жертвоприношениях, имели особую силу и влияние. Когда сомкнулись уста этих поэтов-певцов, воспроизводивших старинные напевы и создававших новые, их сыновья и наследники оставались хранителями священных песен, которые, как и всю священную науку, они передавали дальше из уст в уста.

Певцы превратились в жрецов. Как некоторые отдельные роды с течением времени вошли в более тесное общение между собой, так и жрецы постепенно объединились в одно сословие, что естественно привело к взаимному обмену молитвенными формулами, песнями и жертвенными обрядами.

Таким образом отдельные роды становились хранителями богатого сокровища песен и обширного ритуала жертвоприношения. И когда, под влиянием мирной жизни на Ганге, религия постепенно стала выдвигаться на первый план и сделалась одним из важнейших явлений жизни, престиж жрецов как хранителей священных преданий и древней веры все более и более увеличивался. Поэтому неудивительно, что жрецы преисполнились чувством горделивого самосознания, прониклись убеждением, будто жизнь, посвященная благочестивому служению богам и религиозным задачам, дает право на первое и наиболее почетное место в государстве и обществе.

Так возникла каста жрецов. Резко отграничивая себя как касту от воинов, земледельцев, ремесленников и купцов, они сделали науку и религию своим исключительным достоянием. На улице и на рынке различие между тремя классами обнаруживалось уже по покрою одежды, по величине и внешним признакам посоха. Брахман, опоясанный священным шнуром, постоянно появлялся с бамбуковым посохом и с сосудом, наполненным водой для омошений.

Но высших ступеней почета жрецы достигли, когда культ Индры и остальных стихийных божеств уступил место учению о Брахме.

Природная склонность к отвлеченным умозрениям, при более высоком уровне образования и усиленной умственной деятельности жрецов, побудила их обратиться к исследованию вопроса об откровении и к размышлению о высшем существе. Они стремились опре-

делить первоисточник всякого бытия и свести отдельные образы богов к одному духовному началу.

Занимаясь этим, они скоро поняли, что определенная, ясно очерченная личность Индры не может быть первоначальной причиной всего существующего. Для этого нужна была сверхчувственная сила. Она была найдена в Брихаспати, таинственной силе, обитающей на небесах вместе с богами и дающей силу жертвенным обрядам и молитвам жрецов, так как Брихаспати заставляет богов выслушивать их. Сила, присущая молитве, считалась поэтому божественным началом, сущностью высшего всемогущества, Брахмой.

Но богословская диалектика на этом не останавливалась. Слишком сильно было искушение распространить представление о духовной силе, имеющей власть над богами и также над окружающей природой.

«В правильном круговороте великой жизни природы, где творческие силы постоянно создавали новые формы явлений», сказывался закономерный порядок, необходимо указывавший на существование единой, скрытой, творческой первоначальной силы и первоисточника всякого бытия и всякой жизни, на существование мировой души, которая, подобно душе, живущей в человеческом теле, приводит в движение поток мировой жизни и господствует над духовным миром и над всей природой как высшее, невидимое божество. Оставался, следовательно, лишь один шаг к тому, чтобы признать Брахму первородной силой, дающей жизнь всему существующему, мировой душой. Во всяком случае, Брахма – уже мировая душа, не личный бог, а абстрактное понятие, не имеющее определенных черт.

Религиозное умозрение брахманов выводит решительно все из духовной сущности: старый мир богов и духов, человечество, разделенное на четыре неравноправные касты, а также вечный и неизменный мировой порядок, мир животных, растительное и минеральное царства. И как все существа берут свое начало в Брахме, точно так же все они должны вернуться к нему. Мир же наполнен существами, в которых преобладает духовная сущность.

Поэтому смерть – лишь переход от низшей ступени к высшей. Такие переходы будут продолжаться до тех пор, пока душа человека не достигнет наконец такой степени чистоты и совершенства, что окажется уже достойной войти в мировую душу.

К этому стремится все существующее на земле. Но достичь этого может лишь тот, кто откажется от всяких чувственных наслаждений, кто, в своем стремлении к святости, отрешится от материального мира, умертвит плоть, разобьет оковы, отягчающие его душу, – а таковы одни лишь брахманы. Кто же, вопреки священным законам, противится вечному, божественному, тот после смерти подвергнется самым ужасным адским мукам; и душа его, в зависимости от степени греховности, соединится путем нового рождения с более или менее низменным существом и принуждена будет до тех пор странствовать, не находя покоя в юдоли печали, пока не будет в состоянии найти вечное успокоение в царстве Брахмы. Это одна из самых оригинальных идей брахманизма: искупление человека собственными силами – коренная противоположность с христианством, которое искупление, вечное блаженство ставит в зависимость исключительно от Божественного милосердия. Для христианства вечное блаженство – дар, верующий же брахманист сам завоевывает, добывает себе это блаженство, с согласия богов или вопреки их воле.

Это и есть ужасное учение о переселении душ, которое с магической силой подчинило несчастный народ священным законам и строгим предписаниям о покаянии и окончательно омрачило и без того безрадостную жизнь. Куда бы ни обратил свой взор вечно трепещущий индус, всюду, и на том, и на этом свете, за малейшее прегрешение его ожидала строгая кара. Всякое живое существо жаждет освобождения. Для индуса оно не существовало. Жизнь была бесконечным паломничеством, полным горьких разочарований, ужасных страданий, непосильных обязанностей, без бодрящей «надежды на то, что вечно движущееся колесо когда-нибудь остановится», без одухотворяющей силы любви, без благотворительной под-

держки сострадания, а смерть часто приносила безысходное отчаяние. Впоследствии самоубийство сделалось даже религиозным долгом. Чтобы достойной смертью уменьшить число грядущих переселений, бесчисленные тысячи людей топились в священных водах Ганга или бросались под колеса священной колесницы, которая давила их. «Сколько должен был претерпеть народ, прежде чем вопрос о том, как освободиться от жизни и от личного существования, сделался единственной задачей его жизни?»

Знание божественных законов было и оставалось исключительным достоянием брахманов, которые превратили его в обширную и сложную науку. Все учение сохранялось в тайне, особенной же таинственностью облакалось спиритуалистическое учение о Брахме, к тому же оно и доступно было лишь людям мыслящим. Брахманы заявляли, что человек не может постичь его и что этому нельзя научить. Поэтому оно оставалось совершенно чуждым народу, тем более что в честь Брахмы не устраивалось никаких торжеств, ему не было посвящено храмов. Ибо не существует земного культа Брахмы: его царство и его владычество – не от мира сего. Он – бог жрецов, они – исполнители его воли на земле.

Внутри жреческой касты наиболее ученые и способные члены ее, а именно все знатоки священного писания, образовали тайный союз с верховным жрецом во главе. Своим высоким саном и влиятельным положением верховный жрец был обязан исключительно личным познаниям и ученым трудам. В союз принимались только сыновья жрецов, проявлявшие выдающиеся дарования. Новичок торжественно опоясывался шнуром брахманов, и церемония приема считалась законченной. Строгим соблюдением обрядностей, опутывавших всю внешнюю жизнь, точным выполнением всех предписаний, касавшихся выражения почтения к учителям, детальным изучением Вед ученики готовились к роли достойных представителей жреческой касты. Они должны были учиться обуздывать свои чувства и страсти, отказываться от всего земного и обращать свой взор к небесам.

Период учения – непрерывная цепь лишений и отречений – продолжался 15–20 лет. Он заканчивался тогда, когда юный жрец знал уже наизусть все священные книги настолько хорошо, что мог в любое время привести выдержки из них. К концу своего обучения избранный ученик посвящался в тайное учение Упанишад. Этот богословско-философский трактат о вечной первопричине, об абсолютной истине заключал в себе все «самое глубокомысленное и таинственное, что только произвела мудрость брахманов».

Основная мысль Упанишад следующая: «Познай самого себя». Это означает: «Познай свою истинную сущность, ту сущность, которая составляет основу твоего «я», найди и познай ее в высшей, вечной сущности».

Как единственные знатоки столь важной науки, жрецы имели возможность использовать суеверие народа исключительно в своих интересах, что они и сделали в совершенстве. Но все же было бы несправедливо забыть их разнообразные заслуги в области знаний. В качестве хранителей всякого познания наиболее ученые среди них были самыми ревностными покровителями всякого рода искусств и наук. Они ввели изучение грамматики, громадное значение и чрезвычайная важность которой признана сравнительным языкознанием, они изучали также эстетику и риторику, астрологию и медицину. Ими изобретены цифры, составляющие теперь достояние всего мира. Еще и в настоящее время брахманы считаются самыми одаренными и умственно развитыми обитателями Индостана.

Буддизм, его учение и сообщество

Последнее великое создание религиозного творчества Восточной Азии – буддизм. Возникший на индийской почве, он проявил по отношению к господствующей религии брахманов реформаторские тенденции. Основателем его был Будда, царский сын из Капилавасту, города в Северной Индии.

Родившийся в первой половине VI в. до Р. Х., Будда (то есть «Пробуждавший познанием истины в ночи заблуждения»), современник семи мудрецов Греции, на двадцать девятом году своей жизни отказался от блеска царской короны и решил, удалившись в уединение, предаться размышлениям о страданиях человеческого рода и о средствах его спасения. (Легенда мотивирует его решение тем, что однажды во время прогулки он неожиданно увидел старика с дрожащими членами, неизлечимого больного, и изъеденный червями труп монаха. Эта встреча заставила его задуматься о бренности человеческого тела и о жизни жрецов. Действительным же поводом для выбора иного жизненного пути была, быть может, неудачная война и изгнание всей его семьи.) Гордый сын царя стал отшельником. Шесть лет провел он в тихом уединении леса, предаваясь суровым лишениям и непрерывным размышлениям, пока наконец не дошел до полного познания истины. Тогда он выступил в качестве учителя и в нищенской одежде, с сосудом для сбора подаяний в руках стал бродить по всей стране, проповедуя свое учение.

После двадцатилетней неустанной проповеднической деятельности он снова удалился в уединение и восьмидесятилетним стариком умер, по словам легенды, под тем самым фиговым деревом, где на него снизошло просветление. Его труп был сожжен с большой торжественностью, и пепел погребен в золотой урне. Он умер, чтобы уже не родиться вновь.

Будда проповедовал равенство всех людей и обращался ко всем классам народа со своим учением, отвергавшим суровых богов брахманского пантеона, отрицавшим молитву, жертвоприношение, покаяние и внешнюю обрядность и, кроме того, обещавшим скорое освобождение от жизни, полной страданий; он обращался к свободным и рабам, к отвергнутым и презираемым, ко всем измученным и обремененным, кому оставалась одна лишь надежда, – замысел неслыханно смелый, революционный и имевший крайне важное историческое значение.

Светлым откровением прозвучало новое учение среди царившего мрака эпохи, и бесчисленны были толпы почитателей и учеников, которые последовали за кротким, гуманным, преисполненным искреннего религиозного чувства учителем.

Особенность религии и церкви вообще состоит в том, что преследования содействуют их росту. Эта старая истина подтверждается также и на примере истории буддизма. Число его последователей возрастало тем быстрее, чем ожесточеннее становились преследования и нападки, которым он подвергался со стороны брахманизма.

Многочисленные последователи Будды покидали родину и искали убежища в соседних странах, где они встретили радушный прием. И когда, уже после смерти великого реформатора, на общем соборе верующих было постановлено разослать миссионеров, чтобы сообщить всему миру дивное учение об искуплении, «индусы и китайцы, малайцы и монголы, выведенные из своего первобытного варварского состояния, по прошествии немногих веков протянули друг другу руки в признание бренности всего существующего».

Высшего расцвета буддизм достиг в Тибете, где он сделался могучим источником духовного и нравственного развития. С течением времени здесь возникла могущественная иерархия, глава которой, далай-лама, пользуется Божественными почестями.

Современный буддизм отчасти уже выродился. Распавшись на бесчисленные секты, он воспринял в себя в различных странах различные учения и религиозные формы; в особенности много внесли в него жрецы-кудесники. Религия составляет теперь монополию жреческой касты, а мирянам предоставляется лишь слепо верить в непостижимое для разума таинство. Искусно сделанные молитвенные машины и мельницы, развитая система реликвий и святых – вот характерные черты и отличительные признаки современного буддизма.

В своем первоначальном виде буддизм – это чистый атеизм. Божество его есть ничто. И, несмотря на это, буддизм – наиболее нравственная религия совершенно объективного мировоззрения. «Всем своим нравственным существом воспринял Будда идею мировой

скорби и человеческого страдания». С полным самопожертвованием «отдал он всю свою жизнь» на борьбу с ними и, в своем стремлении понять истинную причину страданий мира, пришел к выводу, что разрешение ужасной загадки заключается в идее, что «мир – не более как мыльный пузырь». Так провозгласил он свой догмат абсолютного ничтожества всего существующего и возвестил свое, дающее блаженство учение о небытии.

Небытие есть истинная первопричина, настоящая сущность мира, его начало и конец, его исходный пункт и его конечная цель. Из «ничего», из бесконечной пустоты возникают бесчисленные миры. На вопрос «как?» буддийский пессимизм не дает, правда, никакого ответа. По его учению, этот процесс непостижим для человеческого ума, которому доступен лишь мир явлений. Миры исчезают так же, как возникают, и над обломками «царит вечное, непреходящее небытие». И все наполняющее эти миры, подобно им, есть ничтожество и тлен. Все существующее осуждено на верную гибель.

Непременное изменение, «безостановочное круговращение мира» сопряжено с многообразными муками и страданиями. Четыре главных бедствия наполняют мир страданием: рождение, болезнь, старость, смерть. Существует еще множество других бедствий, тревоги и заботы, желание без удовлетворения, горькие разочарования, тяжелые утраты. Неудачи и горести составляют удел всех. «В глубоком страдании томится все живущее, пока не падет в борьбе со смертью».

Из безотрадного представления о тленности и ничтожестве всего существующего, из горького сознания, что все живые существа обречены в этой жизни на страдание, возникает естественное стремление человека «освободиться» от нее. И он приближается к этому, стремясь понять и уничтожить причину страдания. Размышляя об этом, он убеждается, что ощущение преходяще, следовательно, также подлежит уничтожению, и этим самым освобождается от него. Боль проходит, когда устранена причина ее. Человек уже не испытывает более ни любви, ни отвращения, ни отчаяния – одно только блаженство и радость успокоения.

Продолжая размышлять в том же направлении, человек приходит к неопровержимому выводу, что чувства и плоть также ничтожны и преходящи и что необходимо «освободиться» от них.

Но Будда не только дал душе успокоение и избавил ее от страданий в земной жизни, он освободил ее также от муки загробных переселений. Проповедуя, что земное существование есть величайшее бедствие и что для уничтожения его следует уничтожить также и корень его – рождение, он приходит к следующему выводу: подобно тому как конечная цель мира состоит в переходе к абсолютному «ничто», к Нирване, так и возрождению к новой жизни может положить предел лишь окончательное погашение души в блаженном покое небытия. Но это возможно лишь в том случае, если человек искренно стремится к блаженству, к высшему познанию и нравственности, если он совершенно отказывается от мира и ведет целомудренное существование отшельника и нищего.

Само собой разумеется, что суровая философия Будды, которая в конце концов неизбежно должна была привести к полной пассивности, к тупому, бессмысленному прозябанию (и в действительности именно в политическом отношении часто приводило к продолжительному рабству), была недоступна для неразвитых, невежественных классов народа, что они не могли постигнуть сурового понимания буддийской религии, предназначенной для немногих избранных. Глубокий мыслитель и великий мудрец не удовольствовался поэтому одними выводами из своих умозрений, но прибавил к своей философии нравственное учение для народа, это чистое и светлое учение во многих пунктах вполне совпадает с христианством.

Исходя из положения, что не все люди способны вести жизнь нищего и соблюдать целомудрие, он освободил большинство своих последователей от обета целомудрия и отшельнической жизни. Вместо этого он требовал от них уважения к собственности, обуздания своих инстинктов, желаний и страстей. «Победа над самим собой, – гласит древнее

изречение, – самая лучшая из всех побед». Подобно тому как он сам обошел весь мир, питаясь подаянием, и тем постоянно давал народу доказательства истинности своего нравственного учения, так и мирянин должен провести всю свою жизнь в мире и спокойствии, в простоте и бедности, в кротости и терпении и выказывать полнейшее равнодушие и к радости, и к страданию, к несправедливости, дурному обращению и оскорблениям. Чувство ненависти и мести должно быть изгнано из сердца последователей Будды. Они должны непрерывно стремиться к тому, чтобы путем самоотверженной любви ко всем людям, без исключения, смягчать земные горести и страдания.

Лучший цветок буддийской морали – это терпение, высшая форма проявления его – религиозная и национальная терпимость: черта настолько возвышенная и облагораживающая, что она ставит буддизм много выше всех прочих догматических вероучений. Понятие так называемого «избранного» народа чуждо ему, и так как на знамени буддизма написано: «Братство людей» – первое поистине пророческое прозрение единства и нераздельности человеческого рода, – то данная религия никогда не могла воспринять невероятно жестокой идеи разделения людей на правоверных и безбожников. В то время как брахманы предавали всех иноверных самым тяжким проклятиям, а Моисей и Мухаммед повелевали истреблять всех идолопоклонников, – не говоря уже о католической церкви, которая «по шею погрузилась в кровь язычников и еретиков», – Будда завещал с сердечной мягкостью и спокойной непредубежденностью поучать и убеждать людей других религиозных верований, последователей других культов. В истории буддизма напрасно стали бы мы искать кровавых гонений на еретиков, инквизиционных судов, процессов над ведьмами и других ужасающих религиозных преследований.

Какого глубокого уважения и восхищения заслуживает поэтому религия, которая, «не прибегая ни к идее божества, ни к молитвам, ни к обещаниям и угрозам относительно загробной жизни», сумела оказать такое глубокое влияние на смягчение нравов более чем 400 миллионов верующих.

Буддизм ведет свое начало от учрежденного индусским реформатором ордена нищенствующей братии. Сам Будда был довольно строг в выборе своих учеников.

Члены ордена назывались бикшу (то есть духовные нищие), они вели безбрачную отшельническую жизнь с целью сбросить с себя оковы плоти. Их жизнь была всецело посвящена созерцанию высшей истины, то есть Нирваны. Они одни были носителями и хранителями буддийской философии, которая для мирян навсегда осталась книгой за семью печатями и которая вследствие этого представляла собой нечто вроде тайного учения.

Бикшу, мужчины и женщины, после смерти учителя жили в основном в монастырском уединении, под руководством и покровительством старейшины. Буддийские мужские и женские монастыри основывались в священных местах, большей частью среди красивой природы, и снабжались всевозможными удобствами.

Чтобы сделаться бикшу или членом братства, кандидат должен был сначала подвергнуться целому ряду испытаний и доказать свою пригодность, выдержав кратковременный иску́с или выполнив несколько легких обетов. При этом требовались не одни только определенные физические, но и нравственные и гражданские качества. Так, больные проказой, горбатые и признанные преступники не принимались в общество.

Кандидат должен был просить о приеме старшего монаха. Если последний принимал такое заявление, то желающий вступить в орден обязывался повиноваться ему, а учитель, со своей стороны, брал на себя заботу о его обучении. Когда послушник достигал двадцатилетнего возраста, то через своего наставника он передавал собранию всех членов ордена просьбу о приеме в члены.

На таком собрании всего братства должны были присутствовать по крайней мере десять монахов, уже посвященных в духовный сан. Председатель поручал одному из пожи-

лых монахов подготовить кандидата к посвящению и составить требуемое в таких случаях заявление. Затем оба являлись в собрание, сначала монах, затем послушник. Последний три раза приносил торжественную формулу просьбы о посвящении, после чего начиналось испытание. Сначала ученику задавали вопросы по всем тем пунктам, которые делают посвящение возможным. Затем он должен был назвать себя и своего учителя и заявить, что имеет надлежащую монашескую одежду и сосуд для сбора милостыни. Если ответы оказывались удовлетворительными, то председатель предлагал совершить посвящение, причем три раза произносил формулу: «Если община согласна, то пусть она разрешит посвящение послушника». Если возражений не было, то председатель заявлял, что община согласна принять его.

Нового члена знакомили с правилами общества и сообщали ему четыре великих завета и запрета, неисполнение или нарушение которых влекло за собой исключение из общества. Посвящение – акт, сам по себе не заключающий священного таинства, – этим и заканчивалось.

Первые пять лет новый член братства должен был состоять при двух пожилых монахах, посвященных в члены ордена не менее 10 лет назад. Они становились его учителями и наставниками, он же – их слугой и неизменным спутником. Соответственно, с возрастанием его добродетелей и расширением познаний он постепенно возвышался до сана сакридагамина, анагамина и арката, приходил к свободе от пут и условностей земной жизни.

Глава 5. Греция

Страна и народ

Греция была страной свободы, гуманизма, красоты. Здесь человечество достигло высшего расцвета, какой только был возможен при условиях жизни Древнего мира; здесь представлялась полная свобода для гармоничного развития личности, здесь возможна была удачная попытка облечь всю жизнь, во всех ее разнообразных проявлениях, в художественные формы».

Греция, самая южная страна полуострова, протянувшегося к югу между Адриатическим, Черным и Эгейским морями, представляет собой узкую и изрезанную водными пространствами горную местность.

Мощные горные цепи, отчасти покрытые некогда высокими лиственными лесами, в самых различных направлениях пересекают окруженную морем страну, создавая природу, бесконечно разнообразную, часто поражающую своеобразной красотой, переходят дальше к востоку на группу островов Эгейского моря и образуют естественный мост к близлежащему малоазиатскому берегу. С этих гор во все стороны бегут бесконечные реки, но в засушливую летнюю пору они часто пересыхают под палящими лучами южного солнца.

Нижележащие скаты гор представляли прекрасные пастбища для скотоводства, которым в древности занимались с большой любовью.

На севере, среди плодородных, изобилующих пастбищами пейзажей Фессалии, мощный Олимп – пограничный страж Греции – воздымает свою покрытую вечными снегами священную голову, ниже раскинулся мрачный бор, а дальше к югу – роскошные лиственные леса, там и здесь пересекаемые крупными отвесными обрывами и горными утесами. Между неприступным обиталищем богов и возвышающейся к югу от него причудливой скалистой массой Оссы протекает под тесно сплетающимися ветвями лавров и платанов живописный Пиньос, извиваясь среди роскошных лугов, образуя многократно воспетую Темпейскую долину – родину заселивших города греческих народностей и их знаменитейших

героев. Эта местность представляет собой изумительное сочетание нежной прелести речной долины с дикостью и грандиозностью глубокого и узкого ущелья.

На южной границе Фессалии лежит знаменитый Фермопильский проход, единственно доступный путь в Среднюю Грецию. На том месте, где пролилась лучшая кровь греческого народа, до сих пор еще клокочут неиссякаемые горячие источники, от которых эта местность получила свое название.

К западу от Фессалии, по направлению к Адриатическому морю, тянется дикая береговая страна Эпир. Суровая и неприступная, она представлялась грекам страной варваров. Но все же Эпир с гордостью называл себя родиной греческого народа. Ведь именно здесь, в замкнутой котловине, среди густых дубовых лесов, находилось древнее святилище с его знаменитым оракулом.

Через Эпир к Ионическому морю несет свои бурные воды прославленный стихами Ахелос, самая большая река Греции. Она отделяет плодородную холмистую страну Акарпанию от мрачных гор Этолии.

Не имеющий истории полудикий народ, населяющий эту замкнутую, негостеприимную страну, не играл никакой роли в культурной жизни Греции. Гораздо большее значение имели восточные области, расположенные по берегам Коринфского залива, – Локрида, Дорида, Фокида и Беотия.

В маленькой Фокиде, на южном склоне священной горы Парнас – истинном центре всей Греции и всей жизни греческого народа, в торжественном спокойствии красовались Дельфы, богатейший и роскошнейший, но, как и все привлекавшие паломников местности, наиболее развращенный город этой области. Дивный храм Аполлона, из паросского мрамора, стоял на полукруглом склоне горы между двумя отвесными скалистыми стенами. Здесь, под божественным кровом, было собрано множество мастерских произведений искусства, бесценных сокровищ и благочестивых жертвоприношений народов, царей и городов, которые прибегали к дельфийскому святилищу, прося у бога совета, разъяснений и указаний.

Храм состоял из трех частей – преддверия, на стенах которого можно было прочесть глубокомысленные изречения семи мудрецов, залы для народа и святилища, откуда лестница вела в подземную таинственную пещеру оракула, где из бездны выходили одурманивавшие испарения. Над расщелиной был воздвигнут бронзовый треножник, украшенный лавровыми ветвями, – седалище прорицательной пифии.

На склоне горы выше храма бил из земли Кастальский источник, холодные, прозрачные воды его питали священную лавровую рощу, в которой бог будто бы некогда собственноручно сорвал победный лавр, убив своими стрелами дракона Пифона, то есть вредные испарения, тогда-то на этом месте был воздвигнут храм.

К юго-востоку от Парнаса трижды «рассеченный» горный проход Схисте вел в плодородную, изобилующую горами Беотию, «Орхестру бога войны», в которой произошла не одна кровавая битва. (Орхестра – в древнегреческом театре – круглая площадка, на которой выступали хоры и актеры.) Главный город густонаселенной Беотии – семивратные Фивы, арена трагического сказания об Эдипе и родина Пиндара, «царя лирических поэтов, в песнях которого лирическое искусство греков достигло высшего расцвета».

В центре Беотийской равнины находится изобилующее рыбой Копайское озеро, к которому относятся смутные сказания об ужасных наводнениях и потонувших городах и на берегах которого в седые доисторические времена обитали искусные минийцы, смелые моряки – пеласги.

Горные проходы через дикий Киферон вели в Аттику, юго-восточный полуостров Греции.

Эта маленькая страна, хотя и плохо орошенная, но с мягким и здоровым климатом, чистым, бодрящим воздухом и удивительно ясным небом, с резко очерченным рельефом гор, окаймляющих голубой горизонт и отливающих изумительными красками, Аттика, «ключок земли, столь прославленный в истории развития человеческого духа», воспеваемый без устали поэтами старого и нового времени, делится отрогами Киферона на две части. К западу расположилась Элевсинская равнина, посвященная за свое плодородие богине изобилия, Деметре. На восточной стороне лежит Марафонская равнина, знаменитое место битвы и победы афинян.

Между речками Кефисом и Плиссом находился главный город страны, богатые, украшенные храмами Афины, с их возвышающимся на крутой скале величественным Акрополем, в который можно было проникнуть только с западной стороны. Здесь Перикл выстроил великолепные Пропилеи с прекрасной мраморной лестницей, по которой можно было взобраться на самую вершину горы. Здесь возвышался Парфенон, храм девственной богини Афины, украшенный самыми лучшими скульптурными произведениями Фидия. Грандиозность размеров, блеск мрамора, безупречное соотношение частей наполняли сердце зрителя ясностью и спокойствием. Парфенон – это венец художественного совершенства. К северу от Парфенона находился самый древний и самый священный храм города, Эрехтейон, с древней деревянной статуей Афины; здесь бил источник соленой воды, пробившийся из земли под могучим ударом трезубца Посейдона, и росло священное оливковое дерево, посаженное самой богиней.

Весь Акрополь, все пространство, находившееся под открытым небом, и все прохладные портики были уставлены статуями богов и людей. Все сияло здесь ослепительным блеском мрамора, меди и золота. Вблизи Пропилей на художественном пьедестале возвышалась колоссальная статуя Афины, покровительницы города. Блестящее в лучах солнца острие ее копья было видно далеко с моря и возвещало возвращавшемуся на родину мореплавателю близость родной земли.

Гордостью страны было оливковое дерево: оно считалось благороднейшим продуктом аттической почвы. К северу от Афин на холме Колон шумела священная оливковая роща богини города. Туда отправился некогда замаливать свои совершенные по неведению преступления преследуемый роковой судьбой престарелый фиванский царь, и здесь он нашел наконец столь желанное успокоение.

В самой узкой части перешейка, среди соснового леса, находилось святилище Посейдона, вблизи которого устраивались Истмийские игры. Неподалеку отсюда находился также богатый Коринф и возвышалась на крутой скале величественная крепость его, Акрокоринф. Ряд великолепных зданий украшал многолюдный город, отличавшийся распушенностью нравов. Особенно опасен был чужеземцу храм Афродиты, с его тысячью гиеродул, «гостеприимных дев, служительниц сговора», как их лукаво называет Пиндар; греческая пословица предостерегает: «Не всякому мужчине я могу посоветовать путешествие в Коринф».

В центре Пелопоннеса находится горная страна Аркадия, греческая Швейцария, замкнутая от окружающего мира; обитатели ее, «бедные невзыскательные пастухи», в течение долгого времени вели простую привольную жизнь и, почти совершенно не принимая участие в культурной жизни Греции, сохранили древнюю чистоту нравов даже тогда, когда вся остальная Греция дошла уже почти до полного нравственного разложения. Вот почему поэты так превозносили Аркадию, пресловутую страну невинности и мира. Но когда новейшая сентиментальная поэзия говорит об «аркадских пастушках», – будто обвеваемые нежными зефирами, под сладкий любовный шепот в прохладе тенистых лесов они беспечно пасли свои веселые стада и под ласкающие звуки свирели водили веселые хороводы, – то это описание лишь в самой незначительной степени соответствует грубым нравам народа, этих отважных, необузданных ландскнехтов древности.

Аркадия была со всех сторон окружена высококультурными береговыми странами, игравшими важную роль в развитии греческого народа.

На северном берегу процветал древний Ахейский союз, с его двенадцатью городами, и полный таинственности Стикс: низвергаясь в бездну с черной скалы, среди дикой угрюмой местности, он представлялся древним прообразом реки подземного мира.

На западе расположились плодородные, блистающие дивными коврами цветов луга Элиды, орошаемые мрачными волнами Алфея, который, подобно всем главным рекам Пелопоннеса, вырывается из аркадских ущелий. В священной долине Олимпии, неподалеку от его устья, устраивались в честь Зевса Олимпийские игры, на которые даже из самых отдаленных местностей стекались греческие народы; и здесь же велась оживленная меновая торговля. Предохраняемая от войны и опустошения международным правом, Олимпия сообщала всей стране характер святости.

К Элиде с юга примыкала Мессения, прелестная, но в политическом отношении одна из самых несчастных стран Пелопоннеса. Богато орошенная многочисленными реками, прорезанная лесистыми горами и покрытыми роскошными травами холмами, огражденная аркадской горной страной от холодных северных ветров, а с юга доступная смягчающему влиянию моря, Мессения представляла собой вечно зеленеющий цветущий сад с роскошной южной флорой. Густые рощи лавровых деревьев, тысячецветные олеандровые и апельсиновые деревья, испуская нежный аромат, доставляли тень залитым солнцем берегам рек, стройные оливковые леса и обширные рощи шелковицы окаймляли прекрасно возделанные поля.

Границу между Мессенией и лежащей к востоку от нее древней Лаконией, государством спартанцев, составлял Тайгет, высочайшая гора Пелопоннеса. Эта дикая горная возвышенность была хорошо орошена в своих нижних частях и изобиловала стадами и дичью. Параллельно Тайгету широко раскинулся высокий Парнон, заканчивающийся мрачным мысом Малеа. Пространство между этими горами занимала плодородная долина реки Эрота, которая некогда катила свои стремительные волны у подножия не защищенного стенами главного города Спарты.

На севере Лаконию ограничивала Арголида. Морским заливом она делилась на две части: восточную, плодородную, «откармливающую коней», и на каменистую, бедную водой, «вечно томимую жаждой» – западную.

В этом маленьком государстве греческая жизнь широко развернулась уже в седой древности. Здесь, среди дикого уединения, покрытые густым мхом и быстро разрастающимися лишаями, лежат колоссальные развалины «прорезанных широкими улицами, богатых золотом Микен». Один из главнейших городов гомеровской Греции, Микены были некогда блестящей резиденцией могучего, но отягченного проклятием рода Пелопидов.

Вся Греция окружена венком цветущих островов. В Эгейском море, вокруг острова бога солнца, Делоса, расположились Кикладские и Спорадские острова, которые, вероятно, составляют остатки материка, некогда простиравшегося до самой Азии и поглощенного вследствие сильных землетрясений морскими волнами. Отличаясь изумительным плодородием и превосходным климатом, большая часть этих островов играла важную роль в истории греческой культуры. На этих островах, залитых солнечным светом, созревал виноград, цвели лавровые, кипарисовые и оливковые деревья, в их горах добывались драгоценные металлы и дорогие сорта мрамора, из которого строились многочисленные храмы.

Вблизи западных берегов Греции также расположены многочисленные острова; самый большой и плодородный из них, Керкира, прославленный Гомером, считался счастливым островом гостеприимного народа феаков, безмятежно наслаждавшихся жизнью. Неподалеку лежит каменистая Итака, знаменитая родина мудрого Одиссея.

Такова, в общих чертах, была страна, где достигла полного расцвета богатая, многообразная культура самого одаренного народа в мире. Естественное положение страны, необычайное плодородие почвы и превосходный климат, быть может, сыграли выдающуюся роль в этом расцвете культуры и предначертали главные формы социальной жизни.

Так, полная противоположностей, но в одинаковой степени чуждая недостаткам суровых и тропических стран, плодородная, но требующая от земледельца труда и нередко подвергающая суровым испытаниям изобретательность и энергию человека, изобилующая прекрасными образцами для искусства, горная и морская страна в одно и то же время – такова была Греция. Эта страна являлась достойной родиной народа, отличавшегося необыкновенной умственной подвижностью, пламенной фантазией, блестящими дарованиями, острым умом, глубокой отзывчивостью на все хорошее, благородное и прекрасное. В Греции человечество впервые дошло до полного самообразования, осознало свою природу, преисполнилось чувством собственного достоинства. Здесь лучшие умы достигли истинной гармонии душевной жизни и красоты в проявлении ее. Им удалось установить «художественную гармонию между духом и материей, то единство между чувственностью и духовностью, между действительностью и идеалом, то художественное понимание и устройство жизни, до которого человечество никогда более не могло возвыситься. Грекам удалось примирить дуализм духа и материи в идее чисто человеческого, наполнявшей их религию, их искусство и науку, определявшей их государственный строй, все их существование, вложившей в священные уста великого трагика прекрасную песнь победоносного человечества». Во времена, предшествовавшие каким-либо преданиям и какому-либо историческому знанию, на Греческом полуострове и отчасти на соседних островах расположились многочисленные большие и маленькие племена, которые в существенных чертах были сходны между собой и которых впоследствии называли пеласгами.

Эти племена, родственные итальянцам и кельтам, принадлежали к южноевропейской ветви великой индогерманской расы и переселились в Грецию с севера, по всей вероятности из отдаленных лесистых местностей Германии.

В эпоху пеласгов греки уже вышли из варварского состояния. Некоторые племена достигли в то время сложных форм жизни. Главным занятием их было уже не скотоводство, а земледелие. Чтобы предохранить свое имущество и свои святыни от алчных набегов соседних племен, они воздвигали мощные каменные укрытия, несокрушимые остатки которых можно видеть еще и в настоящее время. Другие же, обитавшие в богатых лесами и лугами гористых местностях, вели еще главным образом трудовую и бедную жизнь пастухов и охотников. Среди древних греков они являлись беспокойным, воинственным элементом.

Простой патриархальный земледельческий и пастушеский образ жизни пеласгов, по видимому, ничем не нарушался в течение долгого времени, пока наконец различного рода обстоятельства не вызвали коренного переворота в прежних условиях их существования.

Первое влияние на юный, богато одаренный народ оказала более высокая цивилизация финикийцев; эти хитрые и отважные купцы, пираты и искатели приключений, которых жажда барышей влекла из покрытой пальмовыми лесами родины на широкий простор неведомой чужбины, которые в XIII в. до Р. Х. проникли уже до самой Греции, основали здесь значительные склады товаров и открыли широкие пути для своей неустанной предприимчивости.

От сидонцев позаимствовали древние греки разнообразные познания, нравы и религиозные верования. Находясь в периоде расцвета всех своих духовных сил, греки совершенно переработали, соответственно особенностям своего народного духа, всю восточную культуру и придали ей национальный отпечаток.

К этим влияниям, занесенным с далекого Востока, присоединилось также сильное брожение внутри страны, вызванное главным образом неравенством в социальном положении обитателей равнин и горных местностей. И вот война, вечный спутник человеческого рода и

его страшный враг, начала проявлять свою разрушительную силу. Враждебные столкновения между варварскими горными племенами сменялись опустошительными набегами алчных пастухов на общины, заселявшие низменности и достигшие уже известного благосостояния. Вскоре оружие было направлено и против независимых финикийн. «Солнце Гомера в течение нескольких человеческих поколений освещало декорации, основными красками которых были кровь и огонь».

Бурная героическая эпоха, изобилующая ужасными сценами, превратила патриархальных старейшин в воинственных предводителей, вокруг которых собралась военная аристократия, вышедшая из среды земледельцев – пеласгов. Мифы и сказания о Данае, Персее, Пелопе, Кадме, Геракле, Тесее свидетельствуют о том, насколько живо сохранились воспоминания достопамятной эпохи. Героическая эпоха, блистающая множеством идеальных образов, изобилующая высокими подвигами, трогательными происшествиями, долго еще жила во впечатлительном сердце народа, в его пылком воображении в виде прекрасного мира грез, когда «действительность давно уже потеряла свою поэтическую окраску».

Самой мощной легендарной фигурой является, как известно, Геракл, сын Зевса и Алкмены. Он представляет собой образец непреборимой телесной силы и непоколебимого мужества, пример всяческого геройства; вместе с тем этот герой, благодаря мужественной, тяжелой борьбе, благодаря своей жизни, полной труда и самоотречения, был принят в среду небожителей; этот герой являл собой «образец высочайшей нравственной силы, возможной на земле, в условиях человеческой жизни»; он был идеалом, приковавшим взоры спартанской аристократии в самую блестящую эпоху Спарты.

Афинским героем, подобным Гераклу, был Тесей, его друг и последователь, истинный основатель и устроитель Афинского государства.

Подобно греческим сказаниям других индоевропейских народов, греческая легенда также любит соединять своих избранных в великих общих подвигах, в опасных военных предприятиях и морских странствиях. Самыми прославленными из общих героических подвигов были блестящий поход аргонавтов и яростный набег «Семерых на Фивы», яркая картина переходного периода от пеласгической эпохи к греческой истории, самое наглядное изображение финикийской колонизации и ее последствий. Но в самом блестящем поэтическом освещении представлена десятилетняя Троянская война, считающаяся самым крупным подвигом греков, объединившая почти всех героев доисторической эпохи.

Среди племен и государств этой героико-романтической эпохи, фигурировавших отчасти также и в греческий период, выдающуюся роль сыграли дорийцы, обитавшие в Северной Фессалии, беотийцы на реке Пиньосе, минийцы на озере Копайде, ионийцы в Мегаре и Аттике, обитавшие, рядом с ахейцами, и на Северном Пелопоннесе.

Но уже и в те времена между отдельными враждующими областями происходило примирение на почве культа, и под покровом Божьего мира возникали новые, более прочные жизненные устои. Таковы союзы Амфикионов, договоры о Божьем мире, заключавшиеся между несколькими племенами, для символического совершения торжественных жертвоприношений. Первый договор такого рода, содержащий в себе первые основные положения международного права, был заключен дорийцами, когда они жили еще около Олимпа; когда они перешли в новые места поселения, центр этого религиозного союза был перенесен на Парнас к Дельфийскому оракулу Аполлона.

Греческая жизнь успела уже достичь необычайного расцвета, когда новое стихийное передвижение народов потрясло весь полуостров.

Спустя 60–100 лет после завоевания Трои фессалийцы были оттеснены иллирийцами из Эпира в прелестную долину Пиньоса и изгнали дорийцев из их владений. Часть из них осела в Центральной Греции, главная же масса, со своими предводителями из рода Геракла во главе, переехала за Коринфский залив и, после продолжительной, упорной борьбы, заво-

евала большую часть Пелопоннеса. Дорийцы стремились подчинить себе всю Элладу, но мужество афинян положило предел их неудержимому натиску.

Как некогда в Ханаане завоевание финикийских приморских государств сынами израильскими имело следствием усиленное переселение на острова и западные берега Средиземного моря, так и передвижение народов, известное под названием «дорическое переселение», вызвало грандиозное переселение на Восток; это передвижение обогатило жизнь Греции во всех отношениях и оказало мощное всемирно-историческое влияние на дальнейшие судьбы нации. Ионийцы и ахейцы, вслед за которыми позже двинулись толпы дорийских переселенцев из Пелопоннеса, заняли группу островов между Аттикой и берегами Лидии и основали здесь многочисленные цветущие общины, которые по своему благосостоянию и роскоши, по утонченным формам жизни вскоре превзошли метрополию.

С расселением полных сил и жизни греческих племен по островам Эгейского моря и западным берегам Леванта в юной отважной Греции сильно развилась страсть к странствованиям. Море, соединявшее отдельные колонии водными путями, суля большие барыши, манило греческих моряков к смелым путешествиям, к достижению отдаленных берегов неведомого, внушавшего некогда страх, западного моря. Они проложили пути для новых переселенцев, которые постепенно большими массами осели на «варварских» берегах; благодаря своему богатому и многостороннему жизненному опыту, а также привычке к порядку и законности и стремлению к высоким формам жизни они с изумительным искусством создали культурную жизнь и завели разнообразные сношения с другими народами. «Всюду, куда проникали греческий язык и творческий дух греков, где искусство и организаторская деятельность эллинов создавали их особый разумный мир, там исчезало варварство, смягчались грубые нравы, воцарялся закон и порядок». В Африку, Сицилию и Италию, в Южную Галлию и Испанию, а затем и на плодородные берега Черного моря проник дух эллинов. И такие города, как Византия, Кирены, Тарент, Кротон, Сибарис, Сиракузы, Массилия, в течение целых столетий служили достойными представителями греческих нравов, культуры и творчества.

К середине VI в. до Р. Х. великое колонизационное движение по островам и берегам Средиземного моря приостановилось.

В самой Греции, и в политическом, и в гражданском отношениях, сказывалось столь свойственное грекам могучее стремление к независимому существованию. Лишь немногие области, как дорийская Лакония и ионийская Аттика, образовали единые государства. И только кровавые столкновения греческого мира с могущественным Востоком соединили, хотя и ненадолго, все греческие государства.

Эпоха этих войн составляет блестящую страницу в греческой истории. Но лишь только они прекратились и угрожающая со стороны Азии опасность, казалось, миновала, прежние порядки снова вступили в свои права и привели к губительному междоусобию соперничавшие государства, Афины и Спарту, которые одинаково претендовали на первейшую роль в Элладе. Вызвавший столько раздоров вопрос о главенстве мог быть окончательно разрешен только мечом. Так возгоралась междоусобная война, с беспримерной жестокостью тянувшаяся 27 лет подряд, пока наконец силы обоих государств не истощились окончательно.

Первое место среди всех греческих государств временно заняли тогда Фивы, во главе которых стояли великие государственные мужи, Эпаминонд и Пелопид.

Между тем македонский царь Филипп все более и более расширял свои владения. Независимости и свободе греческой нации стала угрожать опасность. Но когда греки решили наконец оказать энергичный отпор, было уже слишком поздно. Греция пала жертвой военного искусства Македонии.

Великий сын Филиппа, Александр, вполне подчинил Элладу своей власти. Этот «царь, преисполненный великих замыслов, герой до мозга костей», напоминающий свой идеал,

Ахилла, стал во главе греческой нации, чтобы выполнить давно задуманный план мести ненавистным персам, которые когда-то наглým высокомерием оскверняли греческие храмы и алтари; он хотел завоевать чудесную страну, о великолепии и неисчерпаемых сокровищах которой поэзия и предание передавали изумительные вещи, и «завершить ту борьбу, которую издавна вели между собой Европа и Азия». Так, говорит Гегель, греческая жизнь юношей была начата, юношей завершена, да и сама подобна юношескому возрасту истории.

Позднейшее время является лишь слабым отзвуком прежнего величия. После смерти Александра греческие государства частью сделались провинциями Македонии, частью стали зависимыми союзниками македонских царей. Полному подчинению власти последних воспрепятствовали этолийский и Ахейский союзы городов, «последний сильный отпрыск, выросший из корней засохшего древа греческой победы».

Но могущество Ахейского союза возбудило зависть других государств. Чтобы сломить его гегемонию, Этолия соединилась со Спартой, которая, благодаря внутреннему возрождению, придавшему ей свежие силы, очнулась от долговременной спячки. Тяжелая борьба безвозвратно поглотила последние силы Греции; угасла любовь к отечеству, заглохло национальное чувство, иссякла религиозность. Наконец во внутренние дела воюющих государств вмешался жаждавший власти Рим, – и Греция, ставшая провинцией, погрузилась во всеобъемлющее лоно мирового царства.

Религия и культура греков

В древней Элладе религия находилась в тесной связи с государством. Подобно ариям Ирана и Инда, пеласги поклонялись высшим небесным силам, посылающим жаждущей земле освежающий дождь, изливающим на землю живительный свет солнца, проявляющим себя в грозных явлениях природы, в молнии и громах, которые, согревая и освещая, облагораживают земную жизнь. К этим божествам уже очень рано присоединилось божество водяной стихии, пользовавшееся не меньшим почетом. Вследствие своеобразной природы страны море, привлекавшее к себе жителей со всех концов Греции, с давних времен играло весьма важную роль в ее культурной жизни. Царствующее в мрачных недрах земли таинственное божество, возвращающее семена и дающее им силы, чтобы они могли приносить обильные плоды, пользовалось поклонением благочестивых пеласгов.

Эти божества, изображенные в глубокомысленных мифах в виде Зевса, Деметры, Гермеса, Гестии, Посейдона и Аида, представляли собой олицетворенные силы природы, но с бесконечно более глубоким моральным и духовным содержанием, чем индийские природные божества. Этим и объясняется то обстоятельство, что при дальнейшем развитии культуры они не уступили места, как в Индии, бестелесным абстрактным созданиям ума, но во все времена занимали первое место в религиозной жизни Греции и составляли центральное ядро чрезвычайно разнообразного культа и главное содержание светлого жизнерадостного искусства.

В песнях Гомера пеласгические божества совершенно преобразовывались. Это произведение, первый пышный цветок пробуждающейся греческой культуры, во все времена было любимым чтением греческого народа, его учебником и его библией. Словно источник живой воды, выливаясь, благодаря присущей ей внутренней силе, из глубины души, поэзия завладевает восхищенным сердцем поэта и в дивной гармонии сочетает детскую простоту и высокий полет мысли, совершенное искусство и наивную безыскусственность; в нем находит свое возвышенное выражение прекрасное, гуманное мирозерцание, светлое настроение, беспечная радость, ясный ум, глубокое моральное чувство и искренняя грусть об изменчивости земных судеб и человеческого существования. Воспитанные на Гомере греки и на далекой чужбине сохранили свой национальный дух.

Боги, изображенные в этой героической поэме, уже не просто олицетворенные силы природы.

Зевс является теперь уже царем, могучим властителем мира, отцом богов и людей. Он обитает на небесах. Он – источник всех небесных явлений, грома и молнии, дождя и бури. Но он же умиряет стихии и в момент опасности посылает мореплавателю попутный ветер. Правильное чередование времен года, непреложные законы природы – все это создано им. С отеческой заботливостью и мягкостью он управляет жизнью природы и человека. Судьбы человеческие в его руках. Под его милостивым покровительством процветают род и семья, народ и царь, государство и свобода, право и закон. Этот всемогущий властитель, которому известны настоящее и будущее, является в то же время и богом прорицания. Свою волю и мрачные тайны всемогущей судьбы он открывает в сновидениях, в громах и молнии, полете птиц и предсказаниях оракула. Его столь же ясновидящий сын Аполлон вещает лишь волю отца.

Строгая, внушающая глубокое почтение супруга Зевса, Гера, олицетворяет мирный элемент небес, его величавое спокойствие, его безоблачную ясность. Она заботливая покровительница помолвок и брака, строгая блюстительница супружеской верности.

Но особенно близко к Зевсу стоит Афина Паллада. Эта богиня, каким-то мистическим путем вышедшая из головы отца богов в военном вооружении, сияя величавой красотой, – эта девственница со сверкающим взором была богиней победоносной отваги во всякой жизненной борьбе, властной и мудрой руководительницей и защитницей городов и государств. Она покровительствует всему, что служит к благу граждан: земледелию, торговле, ремеслам и мореплаванию. Эфирной чистотой и ясностью она наполняет все, куда только ни явится, как богиня мудрости, разумного совета, искусств и наук. Ей обязаны люди множеством самых разнообразных открытий. Она – неизменная пособница всех мудрых и смелых мужей, всех разумных и искусных женщин. На войне она – богиня хорошо обдуманной борьбы.

С именем богини, своей покровительницы, афиняне связывали все, что составляло их гордость: чудную синеву безоблачного неба и прекрасные рощи оливковых деревьев, свою воинственную отвагу, свои богатые умственные способности и свое тонкое художественное чутье.

Афина Паллада находится в тесной связи с Гефестом, богом небесного и земного огня, огромная сила которого проявляется прежде всего в вулканических горах, а уже затем в ее применении в человеческой жизни. Поэтому, наравне с Афиной, он является покровителем культуры и всяческого искусства. Он считался также основателем кузнечного искусства и гениальным мастером, тщательно обрабатывавшим металлы. В качестве бога – покровителя очага он создал и семейную жизнь.

Символическое значение очага для человеческой культуры, для гражданского мира, домашнего спокойствия и семейного благополучия проявлялось также в образе девственной Гестии, руки которой некогда домогались Аполлон и Посейдон; серьезная и строгая, она была религиозной эмблемой оседлости и благоустроенной семейной жизни, центром которой считалось священное пламя огня. Если человек, ищущий защиты, приближался к очагу и преклонял перед ним колена, то тем самым он становился под покровительство этого дома.

Одним из самых величественных образов мифологии, излюбленным героем греческих мифов и наиболее близким к Зевсу божеством был Аполлон, сияющая, ниспосылающая свет и жизнь, небесная сила. С человеком Аполлон вступает в самое близкое общение. Для пастухов он является любителем песен, приносящим счастье охранителем стад, для сельских жителей – добрым покровителем посевов, для мореплавателей – благодетельным спасителем, прогоняющим темную ночь и побеждающим грозные бури, для граждан он был вездесущим охранителем порядка, для воинов – непобедимым героем. Обладая всеми прекрасными дарованиями, возвышающими и обогащающими человеческий дух, певец и музыкант Апол-

лон является также веселым предводителем муз, вдохновенное искусство которых украшало празднества олимпийских богов. Он возвещал людям волю Зевса, властителя мира, и следил за выполнением ее. Кто восстает против божественных заветов, того постигает гнев всемогущего. Неустанно преследует он нечестивцев и преступников и беспощадно поражает их своими меткими смертоносными стрелами. Раскаявшегося и молящего о пощаде он освобождает от вечной муки страшных Эриний и предоставляет ему возможность очищения, которого тот жаждет. Большинство оракулов Греции находилось под покровительством бога света, его ясновидящий взор видит сокрытое, проникает тьму, и оракул вещает волю отца богов.

Прекрасная сестра Аполлона, Артемида, – первоначально целомудренная богиня луны, – является соответствующим ему женским божеством. Подобно Аполлону, насмерть поражает она своими стрелами, в особенности женщин и девушек. Но в то же время богиня эта приносит помощь и защиту, она сохранила тесную связь с жизнью природы, тогда как Аполлон перенес свою деятельность главным образом в область духа. Она искусная охотница и, в сопровождении прелестных лесных нимф, смело носится по лесам и горам, но вместе с тем она – добрая хранительница и защитница дичи и стад. Враждебная всякому разврату и всякой мужской любви, богиня-девственница превратилась постепенно в покровительницу женского целомудрия и чести.

Арес, воинственный сын Зевса и Геры, олицетворявший сначала небо, взбудораженное бурей и вихрем, в изображении поэтов превратился в бога войны, для которого нет ничего милее оглушительного шума брани и смертельной борьбы. Поэтому Афина Паллада – ожесточенная противница Ареса и отец его, Зевс, терпеть не может своего сына. Афиняне почитали его как учредителя священного суда за пролитие крови.

Его возлюбленной была золотая Афродита, богиня любви, с неизменно прекрасной улыбкой на устах. Ее прообразом является Ашера – Астарта. Из богини зарождавшейся и развивающейся жизни природы, из богини, радующейся цветущим садам и благоухающим цветам, в особенности миртам и розам, наслаждающейся тенистыми рощами, светлым весельем весны и чувственной любовью, из этой греческой богини дух создал чудное божество, полное прелести, физической красоты и обворожительной грации, – «совершенное воплощение любви, пленявшее взор, наполнявшее душу благородными образами и формами и пробуждавшее в груди смутные желания».

Благодетельный бог Гермес, которого древние пахари почитали как оплодотворяющую их поля и луга божественную силу, сделался проворным исполнителем воли богов, их посланником, благополучно улаживавшим все дела благодаря своей хитрости и изворотливости. Он же ниспосылает благотворный сон, своим золотым жезлом закрывая усталые глаза смертных и снова пробуждая их к жизни, он ведет ниспосылаемые Зевсом сновидения и сопровождает души умерших в ужасный ад. Он охраняет улицы, площади и границы, твердой рукой направляет одинокого странника на верный путь, оберегает его от всяких бед и посылает ему счастливую находку.

Древнее представление о том, что он умеет выйти из всякого затруднения посредством остроумных измышлений, сделало его могучим покровителем всех предприятий, которые требуют ловкости и хитрости, изворотливости и пронырливости, убедительных речей и таинственного молчания.

Боги неба постепенно утратили свой первоначальный характер олицетворенных сил природы, гораздо дольше сохранили этот характер таинственные силы, обитающие в мрачных недрах земли и в водной стихии.

Брат Зевса Посейдон властвует над морями и всеми водами вообще. Этот свирепый повелитель своим ужасным трезубцем возмущает безбрежный океан, и взбешенные волны бурно бьются о берег, затопляют целые страны и погребают в своих недрах города; и он

с гневом вонзает свой трезубец в землю, и земля содрогается и трепещет. Но этим же оружием он извлекает из твердой скалы журчащие ключи и нежно лепечущие ручьи, которые орошают чудесные долины. Он вызвал к жизни быстрого коня – пенящиеся волны – и обуздал его бурные порывы. Он покровительствует всем смелым предприятиям, совершаемым верхом на коне или в колеснице. Он посылает разрушительные вихри и попутные ветры. По мановению его руки корабли тонут в бушующем море или благополучно проходят в безопасную гавань. Поэтому он считается могущественным защитником и добрым покровителем морских предприятий, мирного мореплавания и жестоких морских сражений.

Ему подчинены переменчивый Протей – обладающий даром прорицания старец мира, бесчисленные полчища трубящих в раковины тритонов и прекрасные девы моря, сирены; притаясь на уединенных утесах, они подстерегают мимо плывущего моряка и, коварные, как зеркальная гладь океана, под которой скрывается гибельный коралловый риф, обольстительными песнями заманивают туда, где ожидает гибель. Они являлись «живым олицетворением рокошущей морской пучины и таинственных демонических сил, скрывающихся в ее недрах».

Наименьшую роль среди земных богов играет старая богиня Гея, дарующая плодородие, мать всего живущего, которая была в то же время богиней смерти. Зато особенное внимание привлекала возникающая из нее и пышно развивающаяся жизнь природы, которая уже в древнюю эпоху пеласгов олицетворялась в Дионисе и Деметре.

Дионис, великий бог радости, придававший плодам приятную сладость, а винограду – опьяняющую силу, считался воплощением могучего плодородия и изобилия.

Покровитель садов и виноградников, Дионис, подобно Деметре, был добрым блюстителем культуры и нравственной чистоты. Своими прекрасными дарами он радовал человеческие сердца: соединял людей для общественных увеселений, для радостного наслаждения жизнью, покровительствовал просвещению и обуздывал грубые силы природы. Пантеру и льва впрягал он в свою победоносную колесницу и принуждал к повиновению лесных духов, сатиров и искусных в волшебстве обольстительных нимф. Подобно Аполлону, внушал любовь к пению и поэзии, но созданная им поэзия отличается большею живостью, страстностью, его музыка более шумная, более звучная.

Деметра – олицетворение силы природы; она способствует созреванию хлебов и полевых плодов. В то же время она блюстительница чистоты нравов.

Вечно повторяющееся возникновение и разрушение в великом хозяйстве природы так тесно сплетались с человеческой жизнью, что греческий культ и народные верования, греческое искусство и религия связывали с таинственной деятельностью стихийных и земных богов.

В Древней Греции не существовало одной общей религии, не было церкви, – были только местные культы, но и они являлись государственными учреждениями.

Истинными исполнителями культа в Греции, как и у всех других народов, были жрецы. Но им не хватало единообразия в служении богам, и они не представляли собой особой касты. Они не были единственными посредниками между людьми и богами. Каждый признанный культ допускал к совершению обрядов, к чтению молитв, к принесению жертв и жертвенных даров и т. д. также и других лиц; отцы делали это за свои семейства, высшие должностные лица – за государства.

Служение богам лежало на обязанности жрецов, служение богиням обыкновенно предоставлялось жрицам. В период их служения им в большинстве случаев вменялось в обязанность соблюдение безбрачия и целомудрия. Уже у Гомера (Илиада. VI) встречаем мы жрицу Афины, Феано. То же имя носила другая жрица, которая отказалась проклясть Алкивиада, осужденного жрецами и преданного ими проклятию за оскорбление элевсин-

ских мистерий. Она мотивировала свой отказ в следующих прекрасных словах: «Я жрица, и я призвана давать благословение, а не изрекать проклятия» (см.: *Плутарх*. Алкивиада).

Жреческое достоинство отчасти было наследственным в известных семьях, отчасти же должности жрецов замещались по назначению правительства или же по избранию представителей родов, нередко также они продавались тем, кто предлагал наибольшую плату. Ничем не объединенные, жрецы различных храмов и мистерий даже и не пытались занять влиятельное положение в государстве или же начать преследование кого-нибудь из своих сограждан, принадлежавших к другому культу.

Влияние жрецов распространилось на местности, считавшейся местопребыванием тех богов, служению которых исполнители культа себя посвятили.

Жилищем же богов сначала считались леса и горы, пещеры и источники. Уже позже стали ставить идолы богов, затем наконец в городах построили прекрасные храмы и великолепные святилища. Главнейшей принадлежностью храма был жертвенник. Главное святилище, находившееся во внутренней части храма, иногда служило для тайных богослужений.

Роль образов богов в Элладе, как и в Египте, играли сначала животные, в особенности змеи, а также растения и камни. Позднее, когда богам стали придавать человеческий облик, место этих символов заняли те изумительные смешанные фигуры, которые нам известны в виде кентавров, сатиров и т. п. Мраморные и металлические статуи по своему художественному совершенству недостижимы еще для современного искусства и появляются лишь в ту эпоху, когда боги окончательно приобрели человеческий образ.

«Греческий храм не устремлялся с восторженным благоговением к небесам, подобно готическому, свободно и широко расположился он на груди матери-земли. Греческая архитектура, как и вся Греция, не выказывала никакой склонности перенести земную жизнь в заоблачный мир. Вся она как в целом, так и в деталях отличается соразмерностью частей, носит отпечаток ясного человеческого духа. Она не соперничает с Востоком в постройке гигантских сооружений, она хочет создать прекрасное, а не огромное. Не увлекаясь грандиозными планами, она придавала своим храмам размеры, которые делали возможным всестороннее развитие архитектурного замысла. Именно благодаря этому создались такие совершенные образцы архитектуры, как Парфенон и храм Тесея в Афинах или храмы в Агригенте и Пестуме. Внутри этих храмов и вокруг них царил жизнерадостный культ и кипела полная художественности праздная жизнь греческой религии».

С изображениями богов, принимавшихся простым народом за самые божества, были связаны разнообразные суеверия, чрезвычайно напоминавшие пестрый культ образов святых католической церкви.

Насколько распространена была вера в то, что боги действительно обитают в местностях, посвященных их культу, яснее всего доказывают обряды, в которых выражалось поклонение этим богам.

Самый простой религиозный акт – принесение жертвенных даров. Кто обязан был богам благодарностью или желал снискать их благорасположение, тот приносил в их храмы все самое дорогое и ценное: ремесленник – свои инструменты, земледelec – первые плоды своего поля, женщины – свои украшения, воины – свое оружие, победитель – часть своей добычи; жертвенными дарами бывали даже люди, большей частью рабы.

К жертвенным дарам относились также и жертвы: растения, плоды, вино, мед, молоко и животные, преимущественно домашние.

Древний греческий культ вначале знал даже человеческие жертвы, как это свидетельствует легендой о критском Минотавре. Прославленный легендами и поэзией Гомера царь Агамемнон принес свою собственную дочь Ифигению в жертву богине Артемиде в Авлиде. С наступлением более гуманной эпохи, когда нравы смягчились, Эврипид в своей гениальной трагедии «Ифигения в Авлиде» заставил богиню удовольствоваться оленем вместо

молодой девушки, Ифигению же она сделала своей жрицей в Тавриде. То же произошло и с еврейским преданием; в позднейшей обработке рассказа о принесении в жертву Исаака последний был заменен бараном.

У Гомера еще находят каннибализм, в форме принесения жертв покойникам. Так, в честь своего умершего друга Патрокла Ахилл убил двенадцать молодых троянских пленников. В Афинах еще и в позднейшую эпоху, когда город посещался голодом или чумой, мстительным богам смерти приносились в жертву юноши или зрелые мужи. Но с течением времени страшные жертвоприношения прекратились.

Вместо людей в жертву стали приноситься животные. Как совершавшие жертвоприношения, так и жертвенные животные украшались венками. Прежде чем животное убивали, со лба его срезали шерсть и в качестве первой жертвы бросали ее в огонь. Затем голову животного обсыпали ячменем, а жертвенник обрызгивали кровью. На нем сжигали внутренности и бедра животного. Остальные части поедались приносившими жертву на веселом пиршестве в сообществе жрецов. В начале и в конце трапезы несколько капель вина из кубка выливалось на землю в виде возлияния. Жертвоприношение было наивной сделкой с богами, не нуждавшимися в человеческих дарах. Им отдавались те несъедобные части, которые не годились для жертвователей. В этом отношении богов было легче удовлетворить, чем их земных представителей.

Все важные события в общине и в семье – рождение, брак и смерть – сопровождались жертвоприношениями. В особенно торжественных случаях устраивались гекатомбы – жертвоприношения из ста и более животных. Смотря по цели их, жертвоприношения делились на просительные, очистительные и примирительные.

Наряду с жертвами самым угодным богам религиозным актом была молитва. Грек приписывал ей непобедимую чудесную силу, заставлявшую богов внимать мольбам и удовлетворять желания людей. Молящийся не углублялся в сокровенные тайны небытия, не возвышался над мирскими интересами. С непокрытой головой и воздетыми к небу руками он молил богов о ниспослании ему всякого благополучия на этом свете. Свои молитвы он часто сопровождал свирепыми проклятиями и бранью, которые должны были побудить подземных богов к отмщению злодеям.

Немаловажную роль в греческой религии играла мантика прорицания. Свойственное человеку желание поднять непроницаемую завесу будущего, корыстное стремление некоторых лиц воспользоваться этой человеческой слабостью, чтобы достичь высшего почета и власти или же просто обогатиться, повсеместно вызывали и поддерживали веру в таинственное искусство предсказания и пророчества. В древности эта сила приписывалась отдельным одаренным ею свыше людям, которые считались избранниками управлявших мирами богов, эта вера укреплялась, с одной стороны, сознанием невозможности собственными силами прозреть темное будущее, а с другой – низким уровнем знаний о природе и ее явлениях, неясностью религиозных представлений и незначительным нравственным и духовным развитием.

Греческая мантика основывалась на таких же суеверных предпосылках и воззрениях и являлась потребностью масс. Религиозное искусство толкователей и прорицателей, вероятно являясь естественным следствием наблюдений над внутренностями жертвенных животных, постепенно превратилось в сложную систему толкования снов, птичьего полета и различных явлений природы и т. д. Вся жизнь нации наполнялась благочестивыми суевериями.

Высшими учреждениями для предсказаний будущего были оракулы, которые в пору своего наиболее блестящего расцвета оказывали на государственную и частную жизнь Греции весьма широкое и решительное, нередко весьма благотворное влияние.

Самым знаменитым и наиболее посещаемым оракулом был Дельфийский оракул Аполлона. Бог света и мудрости сообщал слабому человеческому сердцу, особенно жен-

скому, способность проникать в неизменные законы бытия, воспринимать божественные откровения и затем давать таинственные ответы на поставленные вопросы; хитрые, опытные, высокообразованные жрецы облакали затем эти ответы большей частью в стихотворную форму.

В течение многих веков Дельфийский оракул умел с удивительным постоянством сохранять свое почетное положение и быть средоточием не только религиозной и духовной, но и политической жизни Греции. Из святилища Пифии вышла идея общей родины и общности происхождения эллинского народа. Она обуздала дикие страсти греческого народа непреодолимой силой гуманности и пыталась внушить грекам идею международных соглашений. Следуя задуманному плану, она искусно руководила многочисленными общинами и поселениями. Как золотым кольцом охватили греческие колонии богатые берега Средиземного моря, являясь для невежественных варваров блестящим центром образованности и культуры, а для собственного народа – мощным рычагом, поднимавшим промышленность, торговлю и общее благосостояние.

По мере того как греческие боги, олицетворенные в человеческих образах, принимали все более и более возвышенный характер, облагораживался и характер самих греков и более возвышенными становились их нравственные, умственные и художественные идеалы. Чтобы быть достойным своих богов, проникнутых чисто человеческими страстями, необходимо было лишь обуздывать собственные стремления и страсти, подчинять их власти разума и, уподобляясь богам, облагораживать свои человеческие стремления и чувства.

Нравственная задача эллина не заключалась ни в безусловном подчинении своей телесной природе, ни в полном умерщвлении ее. Он должен был равномерно развивать все стороны своего духа и гармонически сочетать их в своей деятельности. Одаренный свободной волей и живым сознанием собственного достоинства, он не должен был, однако, злоупотреблять этими дарами, восставая против богов или оскорбляя других людей.

Грек хорошо чувствовал важное значение такого самоограничения. Представляя своих богов подобными существами, он служил им не под мучительным гнетом страха и мрачного аскетизма; грек радостно совершал свое богослужение, сопровождающееся светлыми празднествами и поэтическими обрядами, не в умерщвлении плоти, а в гармоническом развитии идей добра и красоты, в здоровом усовершенствовании всего человека, и духа и тела, он видел свою религиозную задачу.

Такое отношение между богами и людьми создало те гражданские добродетели, которые еще в героическую эпоху отличали греков от всех остальных народов, высокие формы семейной жизни, благочестие, святое право гостеприимства, великодушие по отношению ко всем молящимся о защите, к угнетенным и нищим, уважение к дружбе, любовь к отечеству. Такой народ – народ, который мог выделить из своей среды Сократа, Платона, Софокла, – должен был отличаться глубоким нравственным чувством, хотя бы и не в таком смысле, как мы это теперь понимаем.

Греческие мистерии

В образе своих богов отражается и сам человек. Это прекрасное изречение одного из величайших немецких поэтов превосходно характеризует греческую религию. Греческие боги – эти идеализированные люди, в эфирных телах которых бьется человеческое сердце, трепещущее от радости и горя, любви и ненависти, сострадания и гнева, – представляют собой создание художественного гения Эллады, греческая религия также имеет значение лишь художественного произведения, она является лишь культом красивой формы. Отвлеченные идеи, первоначально составлявшие основу ее, воплотившись в художественные образы, стирались все более и более.

Вследствие чисто внешнего характера общественного богослужения и чувственного направления поэтической народной религии уже в очень раннюю пору умы посерьезнее стали искать утешения и успокоения – в тайных мистериях.

Мистерии породили чувство подчиненности богам, чувство зависимости от них, потребность более глубокого благочестия и самоочищения, мистерии были порождены мыслью о бренности всего земного – идеей, которая нередко падала всей своей тяжестью на проникнутых полнотой существования греков. Они отрицали зависимость религии от красоты и искусства и подчиняли человеческую жизнь и деятельность служению богам, они побуждали человека к единению с богами, добивались божественной милости, искали утешения и душевного покоя – в обновлении жизни и смерти, в тесной связи земного и загробного существования. Все эти идеи они стремились выразить в драматических представлениях и особых обрядах, поражающих воображение.

В мистериях нет того яркого реализма, который придал греческой жизни и культу жизнерадостность и ясность, который искал свои идеалы здесь, на земле. Они проникнуты мрачной печалью, мистическим символизмом, игра воображения принимает в них болезненные формы.

Мистерии, несомненно, существовали во всех греческих государствах. Некоторые из них были доступны лишь небольшому кругу лиц и совершались лишь специально призванными для этого служителями культа, другие же совершались при участии многочисленного собрания верующих. Но как в первом, так и во втором случае лицам непосвященным воспрещалось, под угрозой строгого наказания, принимать участие в священных обрядах тайного служения, в формулах обращения к богам, в таинствах богослужения.

Почему именно эти культы отделились от остальных и облеклись таинственностью, остается загадкой, которую трудно разрешить удовлетворительным образом. В древности же верующие очень мало или совершенно не интересовались этими вопросами.

Элевсинские мистерии

Это были древнейшие из греческих мистерий, они совершались в Элевсине, неподалеку от Афин, и были посвящены Деметре и ее дочери Персефоне. Позже к этому присоединилось еще и мужское божество, Вакх (Дионис), бог творческих сил природы.

В основе элевсинских мистерий лежит миф о Деметре. Когда богиня странствовала по земле в поисках своей дочери, похищенной мрачным Аидом, и, погруженная в глубокую печаль, села отдохнуть на цветущем берегу ручья в Элевсине, служанка Иамба, пришедшая к ручью за водой, отвлекла ее от мрачных мыслей и своими веселыми шутками побудила принять пищу. Она нашла в Элевсине радушный прием и отдохнула здесь от своих безуспешных исканий. Затем, благодаря заступничеству отца богов, властитель царства теней разрешил похищенной проводить полгода у матери и лишь остальное время у нелюбимого мужа. Деметра, в благодарность за гостеприимство, научила элевсинцев хлебопашеству и подарила им хлебные злаки и мистерии.

На месте источника воздвигли храм и зал посвящения; это были чудесные здания, о чем свидетельствуют сохранившиеся еще и по сию пору величественные стены. Священная дорога, украшенная превосходными памятниками и произведениями искусств, соединяла священный округ с главным городом Афинами, где воздвигли Элевсинский храм, служивший для целей тайного культа.

Этот мистический культ принадлежал к тем тайным служениям, которые выполнялись собраниями верующих. Он считался особенно священным и угодным богам и вскоре распространился по всей Греции, а затем на островах и в колониях, вплоть до Малой Азии и Италии.

Элевсинские мистерии находились под покровительством и наблюдением государства и поддерживались с такой же ревностной заботливостью, как и народная религия. Подобно ей, это религиозное учреждение ни в каком отношении не могло быть вредно государственной церкви. Посвящаемый в его мистические таинства не отвергал общепринятого вероучения, но лишь иначе понимал его, чем народная масса.

Высшие жреческие должности этого культа принадлежали именитейшим, древнейшим родам Элевсина – Эвмольпидам и Керикам.

Важнейшими священнослужителями при мистериях были верховный жрец (иерофант), выполнявший богослужебные функции во время торжеств, факелоносец (дадух), герольд (иерокерикс), на обязанности которого лежало призывать собравшуюся общину к молитве, произносить молитвенные формулы, руководить священными обрядами при жертвоприношениях и т. п., и, наконец, жрец, состоявший при жертвеннике (эпибомиос).

Кроме этих высших должностных лиц культа в мистериях принимали участие еще многочисленные прислужники, музыканты, певцы, без которых не могли обойтись торжественные процессии.

Все относившееся к тайному богослужению находилось в ведении коллегии жрецов. В основе элевсиний лежит уже упомянутая выше легенда о похищении Персефоны. Богиня олицетворяет собой растительное царство, увядающее при наступлении сурового времени года. Тот факт, что в течение лета похищенная богиня пребывает у матери, то есть на поверхности земли, а зиму проводит в подземном царстве, символизирует плодородие почвы и вместе с тем идею воскресения человека, тело которого, подобно хлебному зерну, погружается в лоно матери-земли. Сочетание Персефоны с Иакхом было принято в смысле единения человека с божеством и определяло задачу мистерий. Но главное содержание их, символически связанное с новым расцветом растительного царства при наступлении золотой весны, заключалось, несомненно, в возвышенном учении о личном бессмертии.

Желавший, чтобы его допустили к участию в мистериях, должен был обратиться для этого к посредничеству кого-нибудь из посвященных уже афинских граждан, последний передавал заявление кандидата служителям культа, обсуждавшим и решавшим дело. Если община выражала согласие принять нового члена, то он представлялся ей. И тогда член, явившийся посредником (мистагог), посвящал его во все предписания и правила, которые кандидат должен был выполнять.

К тайному служению допускались одни только эллины. Лишь в единичных случаях принимались особенно заслуженные и выдающиеся чужестранцы, но и то не раньше, чем они получали афинское гражданство.

Зато доступ, безусловно, воспрещался всем, кто обвинялся в убийстве или в другом каком-либо тяжелом преступлении.

Элевсинские мистерии состояли из двух празднеств, происходивших, правда, не одновременно, но находившихся в тесной внутренней связи.

В то время года, когда природа в Греции пробуждается от своего зимнего сна к новой жизни, в феврале, торжественно справлялись малые мистерии. В сентябре, после того как жатва была собрана, наступали празднества великих мистерий. Первые относились главным образом к культу Персефоны и Иакха и совершались в Афинах, в храме Деметры и Коры. Они служили как бы подготовлением к великим мистериям, в которых никто не мог принять участия, не будучи предварительно посвященным. Посвященные назывались мистами, они становились зрячими (эпоптами), когда посвящались также и в великие мистерии.

Празднование мистерий начиналось с середины сентября. В первый день все мисты, желавшие принять участие в предстоящих торжествах, должны были собраться в Афинах и заявить о своем прибытии. Иерофант и дадух произносили старинную формулу недопущения всех непосвященных и варваров. Затем всем мистам предлагалось отправиться к

берегу, когда море прибывало сильно, чтобы очиститься в его священных соленых волнах и стать достойным участия в торжествах. Следующие после очищения дни были, по-видимому, заполнены шумными шествиями, торжественными жертвоприношениями в храмах трех богов, в честь которых справлялись мистерии.

Так продолжалось до 20 сентября. В этот день мисты, празднично разодетые и увенчанные миртовыми венками, торжественной процессией отправлялись по священной дороге из Афин в Элевсин, где происходило важнейшее торжество. Во главе процессии выступали жрецы, несшие изображение Иакха. Несметные толпы народа с шутками и смехом сопровождали процессию, заполняя священную дорогу, тянувшуюся на расстоянии почти 2 миль. Процессия мистов останавливалась у многочисленных встречавшихся на пути святилищ и совершала известные торжественные обряды. Лишь к вечеру процессия достигала Элевсина, где изображение Иакха тотчас же устанавливалось в храме Деметры и Коры.

Следующие дни проводились частью в разнузданном веселье, частью в торжественном благоговейном настроении. И лишь последние дни продолжавшегося почти две недели праздника посвящались собственно мистериям.

Как сказано было выше, доступ к ним имели одни лишь мисты, отличавшиеся от непосвященных не одним только миртовым венком, но также и пестрыми перевязями вокруг правой руки и левой ноги. Кроме того, они узнавали друг друга по таинственной формуле: «Я постился, я пил киксон, взял из ящика, я вкусил, я положил в корзину, а из корзины в ящик». Видимо, мисты в воспоминание о глубоком горе Деметры, которая в поисках любимой дочери не принимала ни пищи, ни питья, по-видимому, подвергали себя строгому посту. С наступлением ночи они пили священный напиток киксон – смесь, сделанную из муки, воды, приправленной пряностями, медом, вином и пр. Питье этого напитка сопровождалось символическим обрядом. Из одного ящика вынималась пища. Ее вкушали, остатки складывали в корзину, а потом снова перекладывали в ящик. Мы не имеем точных сведений о настоящем значении этого символического обряда.

В особом отделении храма совершалось главное торжество. Открывался полный таинственности мир залов и переходов, предназначавшихся для совершения мистерий. Полные нетерпения, с бьющимися сердцами верующие ожидали начала мистерий. Таинственная полутьма, прорезанная волшебными лучами света, окружала их со всех сторон, и торжественная тишина царила в святилище. Сладкий запах благовоний, наполнявший храм, стеснял дыхание. Жаждавший таинственности зритель испытывал смутную тревогу под влиянием окружавших его магических, мистических, никогда не виданных им знаков, фигур, изображений. Но вот сразу падала завеса, скрывавшая святилище. Яркий, ослепительный свет вырывался оттуда. Впереди стояли жрецы в своих полных символического значения одеяниях, из глубины неслось стройное пение хора, и звуки музыки наполняли храм. Иерофант выходил вперед и показывал верующим древние изображения богов, священные реликвии и сообщал все, что надлежало знать о них посвященным. Когда замолкало пение, прославлявшее богов, их могущество и благость, начинались драматические представления, живые картины, в которых наглядно изображалось то, что священные легенды передавали о делах и страданиях богов, о похищении Персефоны и ее возвращении из мрачного царства теней в солнечный мир.

Представление сопровождалось разными таинственными, волшебными явлениями: слышались странные звуки, небесные голоса, быстро сменялись свет и тьма. Затаив дыхание, объятые благоговейным трепетом, восхищенные, но в то же время онемевшие от благоговейного страха мисты взирали на открывшееся пред ними зрелище, которое сковывало их чувства и поражало воображение.

Мистерии заканчивались полным символического смысла обрядом. Два круглых глиняных сосуда наполнялись неизвестной нам жидкостью, которую затем выливали из этих

сосудов; из одного – по направлению к востоку, из другого – к западу; при этом произносились магические формулы.

После этого мисты в торжественной процессии возвращались обратно в Афины, и этим празднества заканчивались.

Среди афинян было мало непосвященных. Кто не участвовал в мистериях в юности, тот спешил принять в них участие в зрелые годы, чтобы получить свою долю в тех разнообразных благах, на которые посвященные могли надеяться после смерти и из-за которых мистов прославляло не только невежественное и суеверное простонародье, но и такие люди, как Пиндар, Софокл, Сократ, Диодор. Так, Плутарх заставляет мудрого Софокла высказаться относительно элевсиний: «Трижды благословенны те смертные, которые видели этих посвященных, спускающихся в Аид, для них одних предуготована жизнь в подземном мире, для всех прочих – горе и страдание».

Таким образом мистерии, по-видимому, укрепляли веру в загробное существование, вселяли надежду на возмездие после смерти и давали утешение в страданиях и превращениях жизни. Хотя нам достоверно известно, что во время празднества не излагалось никакое учение в догматической форме, но все же «предписанные очищения и посвящения могли напомнить о необходимости нравственного очищения, а молитвы и пение, как и изложение священных преданий, могли пробуждать представление о том, что жизнь не кончается с земным существованием и что после смерти каждого человека ожидает то, что он заслужил своим поведением».

Весьма сомнительно, чтобы мистерии производили на большинство посвященных то нравственно-религиозное влияние, которое именно и составляло задачу обрядов. Скорее можно предположить, что невежественная толпа смотрела на них лишь как на легкое средство приобрести небесную милость. Механическим выполнением установленных обрядов участники мистерий рассчитывали приобрести право на благосклонность богов; но вместе с тем, не умея понять внутреннего смысла, совершенно не заботились об истинной чистоте мыслей и сердца – явление, которое часто замечается также и в религиозной жизни наших дней.

С другой стороны, элевсинии ничего не давали людям, уже проникнутым религиозным настроением и благочестивы ми стремлениями, – ничего, чем бы те уже не обладали. Символические изображения, которые им показывали, мифы, которые им рассказывали или представляли, были слишком грубы, чтобы служить «достойным воплощением высших религиозных идей». Кроме того, символическое изображение религиозных идей для многих мыслящих умов могло казаться, скорее всего, романтически разукрашенной и извращенной историей обожествленных героев легендарной эпохи, как об этом, несомненно, свидетельствуют слова Цицерона в беседе с Аттиком и многочисленные сказания христианских апологетов.

Но, как бы то ни было, слава элевсинских мистерий сохранялась в течение долгого времени. Даже знатные римляне, побуждаемые, вероятно, пустым любопытством, не пренебрегали посвящением. Императоры Октавий, Адриан и Марк Аврелий принимали участие в празднествах мистерий. Лишь завоевания христианства положили конец как священным элевсиниям, этому последнему оплоту античного язычества, так и всем полным таинственности религиозным празднествам древности.

Самофракийские мистерии

После элевсиний видную роль в древности играл тайный культ, господствовавший на островах Самофракии в Эгейском море.

Геродот, который первый из всех античных писателей упоминает об этих мистериях, называет их оргиями кавиров. Но какое именно отношение имели к ним кавиры, нам не сообщают ни он, ни другие авторы. Можно предположить, что странствующие финикияне, уже в очень раннюю эпоху осевшие на Греческих островах и перенесшие туда азиатский культ, положили также основание культу кавиров на Самофракии. Слово «кавиры» (*kabirim*) семитского происхождения и значит нечто вроде «великие» или «могущественные».

Во главе финикийских божеств – кавиров – стояли бог солнца Мелькарт и богиня луны Ашера – Астарт. Этого бога солнца, который, кажется, соединял в себе благотворные и разрушительные силы неба, который обитает в свете и во тьме, который, преследуя бегущую от него богиню луны Астарту, настигает ее наконец на крайнем западе и вступает с ней в брак, после чего приносившая гибель богиня превратилась в кроткую, дарующую жизнь Астарту, – этого бога солнца греки на Самофракии отождествляли со своим Гермесом, добрым руководителем душ умерших. Исчезновение богини луны, которую они называли Гармонией, появление ее из подземного царства, где отыскал ее Мелькарт Термес, священный брак этих божеств, дающий начало новой жизни, – все это составляло центральное ядро самофракийских мистерий.

Но так как странствующий бог солнца и странствующая богиня луны признавались финикиянами главным образом за могущественных защитников путешественников и мореплавателей, то греки узнавали в кавирах своих Диоскуров, успокаивавших бушующие волны моря и в минуту опасности являвшихся на помощь мореплавателю.

Этот культ, представлявший собой вначале, поскольку можно судить на основании немногочисленных сохранившихся преданий, поклонение небесным светилам, продолжал существовать и после того, как финикиян вытеснили переселившиеся из долины Пиньоса и из Беотии греки; пришельцы присоединились к туземному культу, который продолжал существовать, никогда не зная недостатка в последователях.

Но, вначале отправлявшийся публично, в греческую эпоху культ этот облекся в непроницаемую таинственность и в глубочайшей тайне выполнялся лишь немногими верующими. Неизвестно, вследствие каких причин за самофракийскими мистериями постепенно установилась слава особенной святости и благодатной силы, вследствие чего число их членов беспрерывно возрастало, в особенности в V в. до н. э.

Не одни только отважные мореплаватели, желавшие обеспечить себе божественное покровительство в своих далеких путешествиях и благополучное возвращение домой, просили о посвящении в культ. Нет, в этот священный мистический союз стремились быть принятыми также и немало других греков. Они надеялись найти утешительную веру в загробное существование и светлое упование на скорое возвращение из мрачного царства смерти. Очевидно, поэтому, что жрецы тайного культа кавиров стремились так обставить свои мистерии, чтобы они отвечали даже самым смелым ожиданиям посвященных.

Посвящению в самофракийские мистерии, как и в элевсинские, предшествовало тщательное очищение, при этом обряде большую роль играли огонь и окуривание. Нам известно также, что от посвященных требовалось нечто вроде покаяния.

Посвящались мужчины, женщины и дети, но в самые сокровенные тайны мистерии эти последние, несомненно, не вводились. Посвященные, которые делились на два разряда – мистов и эпоптов, получали оливковую ветвь и опоясывались пурпурной перевязью, служившей отличительным признаком членов братства и в то же время верным предохранительным средством во всех опасностях, в особенности на море.

Тайные общества кавиров, кроме Самофракии, существовали также в Амфиссе, Локриде, на Лемносе и Имбросе, в Пергаме и Македонии.

Мистерии Исида

Оживленные сношения, которые греки поддерживали со столь славной с незапамятных времен страной фараонов, не остались, как указано выше, без влияния на развитие греческой культуры. Все науки, и в особенности философия и теология, черпали из богатого кладезя премудрости, веками накопленной на берегах Нила, некоторые идеи, которые затем, в своем дальнейшем развитии, оказали существенное воздействие на духовную жизнь греческой нации.

И так как греческая религия по самому существу своему не была враждебна чужеземным культам, а, напротив, даже относилась к ним терпимо и дружелюбно, представляя им процветать в самой Греции, то неудивительно, что египетский культ Исида скоро привился в Греции. Этому содействовало еще и то, что могучая властительница Исида, подобно Деметре, почиталась на Ниле как добрая богиня, дарующая драгоценное хлебное зерно, как великая основательница брака, как могучая покровительница государства.

В честь ее в Элиде не только устраивались публичные празднества, но разыгрывались также мистерии.

Ежегодно, весной и осенью, справлялись два народных празднества. Но большая часть участников торжества имела право входить лишь в преддверие храма, доступ во внутренность святилища Исида дозволялся лишь тем, которых сама богиня указала для этого в пророческом сновидении. Само собой разумеется, что вопрос об истинности божественного избрания на самом деле решался жрецами. Если ответ их был утвердительным, то происходило торжественное посвящение новых членов и они таким образом вступали в замкнутый круг избранных служителей Исида. Последние с гордостью утверждали, что они более преданны и более близки к божественной властительнице, чем остальная масса ее почитателей.

Перед посвящением новый член совершал омовение. Затем неопита вводили в храм, где ему сообщались правила поведения в период его испытания. Оно продолжалось десять дней. Кандидат должен был воздерживаться от мяса, бобов, лука и вина. Вечером последнего дня посвящавший его жрец вводил его в святая святых. Он прочитывал ему из священной книги, что именно разрешалось видеть и слышать одним только посвященным.

О самом акте посвящения мы узнаем кое-что из одного замечания у Апулея, известного риторика, сатирика (р. ок. 125 до Р. Х.) и автора литературного произведения «Амур и Психея», которое Гердер считал самым нежным и интересным. Образование свое Апулей получил в Афинах и во время своих многочисленных путешествий проник в тайны нескольких культов, между прочим культа Исида. Как член последнего, он и сообщает о своем посвящении то, что можно было сказать, не нарушая обета: «Я вступил в обитель смерти, перешагнув чрез порог Прозерпины, меня провели чрез все стихии. В полночь я увидел солнце во всем его блеске; я увидел всех богов неба и земли, и перед лицом их молился им. Утром я, одетый в драгоценный плащ, разукрашенный изображениями легендарных животных, с горящим факелом в руке, взошел на трибуну, воздвигнутую перед изображением богини. Тотчас же упала завеса, и я предстал пред собравшимися там членами братства. За этим следовало торжественное пиршество, а на третий день такое же торжество и благочестивая утренняя трапеза заключили всю церемонию».

Судя по этому, тайный смысл мистерий Исида в значительной степени соответствовал смыслу элевсинских мистерий. Там поклонялись Деметре, Прозерпине и Иакху, здесь прославляли Исиду и Осириса. Для посвященных первая являлась божеством, господствующим на земле, на небе и в подземном мире, властвующим над жизнью и смертью, награждающим и карающим по заслугам. Кто посвящал себя служению ей и с этой целью вступил в более замкнутую общину мистов, тот был обязан уже всегда вести аскетический образ

жизни, предписанный для периода испытаний, кроме того, ему предписывалось носить тонзуру и только льняное платье.

Посвящение, обходившееся довольно дорого, было, очевидно, обложено большими поборами, так что лишь немногие избранные могли достичь высшей ступени. Возможно также, что посвящения в великие мистерии Исиды добывались преимущественно просвещенные люди. «Их религиозные потребности не находили уже удовлетворения в лишенных глубокого содержания антропоморфической поэзии и искусстве; они искали поэтому более осмысленных форм и более содержательных обрядов, в которых божественная сущность выразилась бы вся, в своем единстве и в своей всесторонности».

Для массы народа существовал более грубый культ Исиды. Подобно современным миссионерам, жрецы Исиды бродили по всей стране, предлагая за небольшое вознаграждение посвящать желающих, суля отпущение грехов и милость богов.

Подобно элевсинским, мистерии Исиды также существовали в течение долгого времени. Они служили последним оплотом языческой религии, стремившейся оказать отпор победоносному шествию христианства.

В Рим культ Исиды проник во времена Суллы, он привлек много последователей; высшего же расцвета культ этот со своими мистериями, превратившимися в чувственные оргии, достиг в эпоху императоров.

Дионисии, Дионисиевы религиозные братства и римские вакханалии

Последним крупным отпрыском греческой религии был культ Диониса, того божества, которого мы знаем как покровителя растительного царства, виноделия, пастушеской жизни, общественности и необузданного веселья.

Культ Диониса, по-видимому занесенный с Востока, греки заимствовали у своих соседей – фракийцев. Они придали ему национальный характер и создали для него мифическую генеалогию, соответствующую общему духу их религии.

В культе этого бога отразились все те разнообразные чувства, ощущения и настроения, которые вызываются во впечатлительной человеческой душе периодическими сменами в жизни природы: светлая радость и беспечное веселье, испытываемые человеком, когда плодородная земля украшается цветами и прекрасными плодами; тихая грусть, когда растительное царство увядает осенью, когда уже недалеко мрачная смерть. Эти чувства, тесно связанные с оргиями и мистическими обрядами восточного культа, привели к тому иступленно-восторженному настроению, которое проявлялось в диких оргиях менад.

Повсюду, где созревала виноградная лоза и цвели фруктовые деревья, опьяняющий культ Диониса находил восторженный прием и вызывал многочисленные грандиозные празднества.

В середине февраля, когда земля снова начинала покрываться свежей зеленью, жители Аттики устраивали великое, полное глубокого смысла торжество антестерий. Под звуки музыки и веселых песен пирующие веселились, разукрашенные венками, в то время как перед ними разыгрывались символические представления, изображения возвращения Персефоны и ее соединения с богом, убитым разрушительной силой зимы. На третий и последний день празднества афинские женщины в торжественной процессии отправлялись с жертвенными дарами к храму Диониса, в Ленсону; тут происходило бракосочетание супруги первого государственного сановника, архонта-басилевса, с богом Дионисом, сопровождавшееся таинственными обрядами – страшный обычай, посредством которого надеялись снискать милостивое покровительство бога. Тогда же, в знак наступления нового года, увенчивали головы трехлетних мальчиков.

В марте месяце совершались городские, или великие, дионисии – то блестящее весеннее торжество афинских граждан, во время которого светлый бог роскошной природы прославлялся как освободитель от бедствий зимы.

Великолепные, пышные процессии двигались по улицам, раздавались звуки страстных дифирамбов; ликующие певцы, увенчанные виноградной лозой и плющом, в самых фантастических одеяниях, прекрасные девушки, с корзинами цветов и свежих плодов в руках, окруженные веселыми масками, сопровождали древнее деревянное изображение бога из Ленсона в маленький храм в Керамеике (Kerameikos).

Необычайная роскошь, которой было обставлено это торжество, привлекала в Афины большие толпы сельских жителей из аттических селений, а также массы чужестранцев. С развитием культуры эти торжества, становившиеся все более пышными и торжественными, положили начало высокохудожественной греческой драме, «самому совершенному художественному выражению античного мирозерцания».

Совершенно иной характер носили триэтерии, или празднества менад, которые совершались раз в два года, в середине зимы, при участии одних только женщин. В них находило себе выражение более глубокое, но вместе с тем и более чувственное понимание культа Диониса.

Под шумные звуки дикой музыки участницы, опьяненные сладким вином, приходили в состояние неистовства и исступления, что приписывалось непосредственному воздействию бога; но, по существу, это было лишь нравственным извращением страстного религиозного чувства общества.

Оргии совершались ночью на пустынных горных высотах при мрачном свете факелов. Одетые в шкуры молодых серн, вооруженные жезлом Вакха, обвитым плющом и виноградной лозой, менады рыскали повсюду, совершали тайные жертвоприношения или плясали, громко кричали, как сообщают греческие мифы, в исступлении уничтожали все, что не подчинялось воле божества и не участвовало в их беснованиях; так, например, бык почитался символом божества и предназначался в жертву ему; мясо его менады пожирали сырым. Этот акт должен был символизировать смерть Загрея, то есть Диониса; дело в том, что по приказанию ревливой Геры Дионис был в образе быка разорван титанами, ибо отец богов Зевс назначил его своим преемником и завещал ему небесный престол. Обезумевшие женщины в исступлении бросались искать исчезнувшего бога. Не находя его, они успокаивались в сладостной надежде, что все оживляющая весна воскресит также и погибшего бога. О чисто животной дикости этой религиозной общины можно получить представление из рассказов греческой героической эпопеи, она повествует о том, как легендарный Орфей и фиванский царь Пентей были растерзаны неистовыми менадами: первый за то, что после смерти своей возлюбленной Эвридики воздерживался от женской любви, а второй за то, что, не будучи посвященным, подсмотрел ночную оргию.

Но в этой грубой форме тайное торжество совершалось лишь в немногих областях Греции, как, например, на покрытой снегами вершине Парнаса у Дельф, в которых нередко принимали участие даже и афиняне, также бесновавшиеся в религиозном исступлении. В Аттике же, в роковую эпоху Пелопоннесской войны, был распространен тайный культ Диониса, выливавшийся в форму религиозных союзов.

Это были замкнутые общества со своеобразными обрядами и учениями. Их члены не употребляли мясной пищи, у них были особые очистительные обряды и свои священные книги. Религиозная аффектация, как это нередко бывает, сочеталась у них с чувственными излишествами, легко и смело преступая все естественные и установленные границы: к этому свелись в конце концов все их религиозные служения и все их чувства.

Братства Диониса представляли собой болезненное проявление народной жизни, ибо они являлись следствием гражданской войны, со всеми ужасами и зверствами. Стремление к

аскетизму было естественной реакцией против развивавшейся в Элладе нравственной распущенности и развращенности. Вследствие отсутствия нравственной устойчивости верующие то поддавались соблазнам, то пытались отделаться от своих грехов путем выполнения пустых формальных обрядностей или же предавались духовным и телесным излишествам и извращениям в напрасной надежде скорее забыть о превратностях жалкого земного существования.

Благодаря всему этому и, в особенности, вследствие своей заманчивой таинственности культ Диониса был встречен в Греции с большим сочувствием и широко распространился преимущественно в эпоху Александра Великого.

Постепенно культ Вакха, со всеми его извращениями, проник в Италию: религиозное чувство, по-видимому уже не находившее удовлетворения в прежних верованиях, жадно воспринимало всякую чуждую форму религиозного поклонения, а напуганное воображение искало успокоения в диком смешении самых разнообразных религий и культов.

Мистическое стремление эпохи к тесному общению с божеством нашло полное удовлетворение в культе Исиды, так и в служении Вакху и создало в Риме вакханалии, эту ужасную смесь диких оргий и мистического поклонения Вакху.

Роцца Стимулы, вблизи Вечного города, была главным местом сборищ участников ночных празднеств. Посвящение в мистерии Вакха совершалось лишь после десятидневного искуса и предварительного омовения, допускались к ним одни лишь женщины.

По мере того как развращенность римских нравов все увеличивалась, нравственно-религиозный элемент культа Диониса все более отступал на задний план, пока наконец не воцарился самый разнузданный разврат. Тайные вакхические празднества превратились теперь в бесстыдные оргии, во время которых участники предавались самым гнусным порокам, в особенности с тех пор, как одна жрица – конечно, по божественному указанию – допустила к участию в общине также и мужчин. Правда, с внешней стороны мистерии все еще были облечены сложными бессодержательными обрядностями, но вынужденное воздержание быстро сменялось самыми ужасающими излишествами.

Религиозный разврат пришелся настолько по вкусу римлянам, что число посвященных достигло невероятных размеров. Вместе с тем среди этой развратной шайки непомерно распространялись самые ужасные пороки и самые гнусные преступления; и неисчислимы толпы несчастных жертв, хладнокровно зарезанных или, что еще хуже, истерзанных морально и физически развращенными до мозга костей, потерявшими образ человеческий служителями Вакха и умиравших медленной смертью. Дело доходило до настоящих заговоров против существующего государственного и общественного строя и общественной нравственности. В 186 г. до Р. Х., благодаря показанию одной знатной римлянки, пред изумленным правительством открылась ужасная пропасть, на краю которой стояло тогда культурное государство и в которую оно ежеминутно готово было низринуться. Жених этой знатной дамы собрался вступить в культ мистерий по совету своего отчима, который, растратив его имущество и опасаясь законной кары, надеялся легким и простым способом навсегда избавиться от него. Пробудившийся от летаргического сна сенат проявил энергичную деятельность. Около 7 тысяч человек подверглось уголовному преследованию и большей частью было предано смерти. Постановлением сената запретили все мистерии. Но героический период с его чувством гражданского долга с его доблестью уже миновал, и вскоре, в особенности в разнузданную эпоху императоров, снова беспрепятственно воцарился культ Вакха, со всем его развратом.

Союз пифагорейцев

Мистерии, которые мы до сих пор рассматривали, возникли исключительно из греческого культа богов. Не преследуя никаких практических целей, не касаясь повседневной жизни народа, они не имели большого значения.

Совсем иначе обстояло дело с союзом пифагорейцев. Здесь мы впервые видим общество, возникшее независимо от церкви, выросшее и развившееся на почве действительной жизни и ставившее своей задачей нахождение высшего закона для всех явлений; оно не только содействовало развитию знаний, но подняло также нравственный уровень своих многочисленных последователей.

Основателем этого этико-политического и вместе с тем философско-религиозного союза был Пифагор, человек с глубоким творческим умом, с пылкой фантазией, широко образованный, высоконравственный.

Его жизнь облечена мифическим и мистическим полумраком. Но между бесчисленными заведомо ложными и апокрифическими рассказами об этом замечательном человеке имеются также важные и достоверные сведения о некоторых фактах его жизни.

Пифагор, родившийся в 580 г. до Р. Х. на острове Самос, еще на родине изучил математику, геометрию и музыку, а затем, согласно тогдашнему обычаю, в продолжительных путешествиях по Азии, Индии и Галлии с ее друидами стремился, по-видимому, пополнить свое образование. Несомненно, что он провел продолжительное время в Египте. Из страны Нила, где его приняли в египетскую касту жрецов и посвятили в ее премудрости и тайные обычаи, обогащенный новыми сведениями и более полными астрономическими познаниями, он вернулся на Самос, бывший тогда средоточием международных сношений. По возвращении на родину он намеревался привести в исполнение свои реформаторские планы, имевшие целью установление нового строя жизни.

Но пребывание его на Самосе было непродолжительно. Деспотическое правление Поликрата, беспощадно губившего в зародыше всякое свободное проявление ума и с понятным недоверием относившегося к такому философу, как Пифагор, отравило ему существование на родине. И герой древней философии уже в пятидесятилетнем возрасте переселился в Южную Италию, в ахейскую колонию Кротон – один из первых и самых счастливых городов, носивших греческое имя. Среди свободного народа, способного к восприятию высших истин, Пифагор, изумительная разносторонность знаний которого признавалась даже его противниками, а высоконравственная жизнь и благородный облик жреца внушали глубокое почтение, приобрел многочисленных друзей и приверженцев.

Подобно ионийским философам, Пифагор обратил свою любознательность на исследование явлений природы и Вселенной. Но вместо того чтобы вникать в сокровенные тайны мировой сущности, он опутал весь мир «символической сетью» удивительного учения о числах и пространстве.

В простых числах, которые составляют основу всех фигур и тел, он нашел закон, управлявший всеми отношениями и формами вещей, уяснявший единство и разнообразие. Они представлялись ему чем-то вроде магического ключа ко всем физическим и моральным явлениям. Точка соответствовала у него единице, ибо она неделима, прямая линия – числу 2, ибо она определяется двумя точками; площадь, ограниченная не менее чем тремя прямыми, соответствовала числу 3, тело – 4, так как самое простое правильное тело ограничено 4 плоскостями.

И не только фигуры и формы, но также и тела представлялись математическому мирозерцанию Пифагора в виде вечных, неизменных чисел. Так, элементы воды сводились к

форме двадцатиугольника, элементы огня – к форме пирамиды, элементы воздуха – к восьмиугольнику.

Чудесная сила проявлялась далее и в звуках, она являлась причиной таинственного явления музыки. Пифагор находил, что гармонические интервалы соответствовали соотношению между числами. Основной тон относился к октаве как 1 к 2, к квинте – как 2 к 3, к кварте – как 3 к 4. Таким образом, в звуках слышались числа; числа звучали.

Когда Пифагор установил соотношение тонов и чисел, он вообразил, что открыл сокровеннейшую тайну жизни Вселенной. Таким образом, он построил все мировоззрение на соотношении между числами. В них он видел высший закон и сущность явлений.

Отыскивая везде гармонические соотношения, его смелая мысль пыталась разрешить труднейшие научные проблемы и создала новую систему мироздания: земля – это шар, а не плоскость или цилиндрическое тело, как учили до него Фалес и Анаксимандр; не она составляет центральное ядро всего мира; таким центром является огонь, вокруг которого в вечном и неизменном порядке движутся и земля, и другие планеты. Это был первый шаг к правильному представлению о земле. Но конечно, его попытка определить расстояние между небесными телами оказалась совершенно неудачной, его идея о гармонии сфер была лишь ни на чем не основанной фантазией.

Итак, по представлению Пифагора, форма, порядок и закон, управлявший каждой вещью, задавались числами. Закон же, определяющий каждое явление, составляет его сущность. Таким образом, числа означают сущность вещей.

Составляя существо, душу вещи, они являются самой вещью. Таким образом, положение «Все есть число» сделалось основным принципом пифагорейской системы. И как Вселенная есть великая гармония, так и мир, и каждая вещь в нем есть гармония. Положение «Все есть число» философ расширил таким образом: «Все есть число и гармония».

От исследований природы Пифагор перешел к психологии и этике. Как все существующее определяется числом и гармонией, так и человеческий дух и мир нравственный также подчинены этому закону; и здесь все есть число и гармония. Отсюда вытекает этическая задача человека – побеждать бурные инстинкты и страсти холодным разумом и размышлением, а непримиримые противоречия человеческой души разрешать в спокойную гармонию. Эта гармония, достижение которой является непрременной обязанностью каждого человека, должна господствовать и в отношениях с другими людьми – в браке, в дружбе, государственной жизни.

Центр тяжести этики Пифагора составляло загробное существование души. По представлению мудреца, душа соединена с телом лишь в виде наказания. Когда же смерть освободит ее от этого соединения, то душа возвратится на свою истинную родину, к бестелесному существованию в сверхчувственном мире. Но в этот высший мир порядка и гармонии она может проникнуть только в том случае, если сама она настроена гармонично. Негармоническая, омраченная страстями душа не находит себе места в царстве вечного созвучия, где царит бог чистого света Аполлон: она должна снова вернуться на землю и вселяться в тела людей и животных до тех пор, пока наконец не очистится в этом испытании и не достигнет совершенной чистоты и полной гармонии, – идея, которую Пифагор, несомненно, позаимствовал у египетских жрецов.

Необходимыми средствами для приготовления души к достойному возвращению в космос философ считал воздержание и очищение, выполнение предписаний культа, религиозных обрядов и церемоний. Но в этом он оставался преемником народных верований и религиозных преданий. И вообще он не противопоставлял своего учения господствующей народной религии, но лишь видоизменял ее соответственно своим воззрениям, а именно особенно выдвигал единство божества. Поэтому Аполлон, бог чистого света, чистой жизни и вечной гармонии, являлся высшей и единственной силой, которой Пифагор поклонялся

с глубоким благоговением. Служение именно этому богу должно было сообщить человеку совершенную чистоту, а душе его открыть доступ в невидимое царство света и гармонии.

Поэтому Пифагор воспринял из культа Аполлона древние правила очищения и развил их, создав целую систему посвящения, которая главным образом состояла в омовениях и очищениях.

В Кротоне Пифагор явился провозвестником нового учения, новых форм культа и нового строя жизни; он казался посвященным в небесные тайны. Его идеалом было восстановление прежней жизни греческого народа в ее простой, благородной чистоте.

Свое учение он проповедовал словом и примером. Его одежда была сделана из блестящей шерсти. Его пища состояла из меда, хлеба и овощей. Никто никогда не видел, чтобы он до захода солнца пил вино. Он всегда оставался спокойным и ровным, никогда не смеялся, не плакал, не жаловался, не раздражался. Всем своим последователям он внушал упование на лучшую жизнь после смерти.

Таким образом в короткое время ему удалось привлечь на свою сторону общественное мнение. Слава о его высокой мудрости распространилась по всем странам и привлекла к нему множество учеников. Вместе с ними он основал в Кротоне союз пифагорейцев; союз этот, благодаря своим твердо установленным правилам, являлся лучшим орудием для осуществления широких планов гениального основателя. Путем религиозного служения, выполнения нравственных и известных символических обрядов члены союза готовились «к чистой жизни, к соблюдению правил нравственности». Члены союза делились, по-видимому, на два разряда: эзотериков, принявших тайное посвящение и познавших всю истину, – их число ограничивалось тремястами, – и экзотериков.

Последние составляли класс испытуемых и числились в этом разряде до тех пор, пока община не находила их достойными войти в ее тесный кружок путем торжественного посвящения.

Посвящению новых членов предшествовал строгий искус и испытание характера. Им предписывалось строжайшее молчание, безусловное повиновение авторитету священного учения союза, полное подчинение духовному авторитету учителя, душевное самообладание, воздержание и строгая самопроверка.

В тихом монастырском уединении своей мирной обители, в стороне от бушующих волн житейского моря эзотерики вели свою суровую, точно распределенную жизнь. Сообща выполняли они физические и умственные упражнения, сообща приступали к своей простой трапезе, не потребляя ни вина, ни мяса, сообща же совершали торжественные богослужения. Они узнавали друг друга по тайным символическим знакам и формулам и по особенной льняной одежде. Недостойные члены с позором изгонялись из общины.

К своему учителю члены союза относились с глубоким уважением и страстной преданностью. Заявление «Он сказал это!» считалось безусловным доказательством истины.

Одушевленные такой же искренней любовью к добродетели, как и он, пифагорейцы составляли единую согласованную общину, внутри которой каждый член, «как колонна в дорическом храме», имел свое великое значение, лишь будучи частью единого целого.

Самым святым в жизни пифагорейцев, истинной целью их существования было, как сказано, стремление «поддерживать порядок и противодействовать беспорядку», установить гармонию между жизнью отдельных лиц и целого общества. Ввиду этого они изучали прежде всего математику и музыку – искусства, возвышающее и очищающее влияние которых казалось особенно пригодным, чтобы создать в человеческой душе то гармоническое настроение, которое представлялось им высшей задачей человека. А для того чтобы тело сохраняло силу и жизнедеятельность, они усердно предавались утомительным гимнастическим упражнениям и, благодаря внимательному изучению природы, выработали практические способы лечения.

При этом они всегда стремились строго, точно, без внешнего принуждения соблюдать учение о долге, выполняли нравственные заветы и правила жизни общины, как это завещал учитель в своих загадочных и символических «золотых изречениях». Все человеческие и гражданские добродетели, глубочайшая вера, искреннее благочестие, почтительная признательность родителям и благодетелям, добровольное подчинение государственным законам, истинная непоколебимая верность в браке и дружбе, смиренная кротость и мягкость, неподкупная справедливость и строгая нравственность – все это не только проповедовалось на словах, но и в действительности выполнялось пифагорейцами. В мужественной борьбе со страстями, в мудрой умеренности и самоограничении находили пифагорейцы достойнейшее выражение полной гармонии души, истинное счастье и удовлетворение.

К союзу принадлежали знатнейшие и достойнейшие люди всех городов Греции. Поэтому неудивительно, что союз этот постепенно, быть может совершенно не ставя себе этого целью, достиг высокого политического значения и приобрел глубокое влияние на общественную жизнь. В собраниях совета пифагорейцы, благодаря своей выдержанности и замкнутости, благодаря своей неизменной солидарности, обыкновенно одерживали верх.

Союз, представлявший собой вначале исключительно религиозно-нравственное общество, преобразовался таким образом в политическую партию, честолюбивые члены которой держались определенного направления. Политические клубы – гетерии, члены которых при вступлении присягу, существовали в той или иной форме почти во всех греческих городах.

Новая партия стремилась к преобразованию государственного строя на основах учения Пифагора. Отказавшись поддерживать как идею развития государства древнейших родов, так и смелые притязания демократии, пифагорейцы способствовали тому, что власть перешла в руки аристократии ума и образования.

Но вследствие этого союз навлек на себя всеобщую непримиримую вражду и жестокую ненависть. Больше всего ненавидела его деятельная, достигшая глубокого самосознания народная партия, в особенности с тех пор, как союз стал проявлять безграничное высокомерие. Гордые своей высокой ученостью, они резко расходились в представлении о земном и загробном существовании с наивной народной верой; превознося свое учение, свою добродетельную жизнь, они горделиво замыкались в своем кругу, «не желая смешиваться с толпой», и своими таинственными знаками и символическим языком вызывали в народной массе открытую вражду.

При таком поведении избранных рано или поздно должна была наступить катастрофа. Долго сдерживаемое недовольство прорвалось раньше всего в Кротоне. Когда после разрушения демократического Сибарита (500 до Р. Х.) черни не было уплачено обещанное вознаграждение, вспыхнуло страшное восстание. С бешеной яростью городская чернь напала на ненавистных пифагорейцев. Красивый дом их общины был разрушен и сожжен, собравшиеся там члены большей частью перебиты. Такие же восстания поднялись и в других ахейских городах. Пифагорейцев повсюду преследовали и убивали, долголетнее влияние и значение их союза в родной стране было подорвано в корне.

Среди немногих, избегнувших ужасного избиения в Кротоне, был также и сам знаменитый мудрец. Здоровым и невредимым он прибыл в Метанонт. Там он и умер, достигнув глубокой старости.

Учение Пифагора продолжало жить в сердцах его учеников и приверженцев и дальнейшее свое развитие получило в Таренте. Важные результаты естественно-научных изысканий, которые, при неясном представлении о физических законах, в искусных руках жрецов оказывались прекрасной поддержкой благочестивым обманам древности, мистические стремления и склонность человеческого сердца ко всему таинственному, чудесному, непо-

стижимому не дали исчезнуть пифагорейству. Правда, в течение последующих веков все более и более оно вытеснялось другими философскими системами.

Но пифагорейство мощно расцвело вновь в ту эпоху, когда человечество, достигнув чрезмерной утонченности и пресытившись всевозможными наслаждениями, лишилось высшей цели жизни; когда «неверие и суеверие – различные стороны одного и того же исторического явления – шли рука об руку, многие, соединяя в себе оба этих настроения, подобно Эпикуру, отрицали богов и все же преклонялись и приносили жертвы перед каждым алтарем»; когда измученное сердце человека жаждало освобождения от тяжелых оков философской диалектики и от обременительных целей уже мертвой народной религии; когда среди апатии и всеобщего смятения стала сказываться потребность в глубокой духовной жизни, побуждавшая слабые натуры искать прибежища в гуманном мистицизме и сложных, запутанных учениях; когда охватившее верующих отчаяние толкало их к тайным греческим и восточным мистериям и культам, опутавшим слабый человеческий разум обманчивыми представлениями о силе магического искусства, о чудесных дарах прорицания и ясновидения и т. п. Вслед за этим философские мечтатели и основатели новых сект, идя навстречу страстной потребности в чудесном, воскресили славное имя Пифагора, и тогда пустившее глубокие корни преклонение перед святым человеком привлекло к нему пестрые толпы верующих последователей и почитателей.

Имя Пифагора связали даже с легендарной историей Рима (художественное изваяние мыслителя можно было видеть на вершине Капитолия). Римское народное предание провозгласило благочестивого царя Нуму, славившегося своим миролюбием и считавшегося основателем религии и высшим образцом всех добродетелей, учеником знаменитого мудреца, вопреки явному нарушению хронологии, так как Нума царствовал приблизительно между 715–673 гг. до н. э.

К числу этих искусных магов и предсказателей принадлежал также реформатор нравов, пифагорец Аполлоний из малоазийского города Тианы.

Он жил с 3 до 96 г. до Р. Х. Романтическое описание его жизни и деятельности относится лишь к III в.

Юное христианство с величавой простотой и непоколебимой твердостью двигалось вперед, грозя разрушить античный мир. Полный веры в свои силы и близкую уже победу, тон христианских писателей и апологетов производил неотразимое впечатление и принуждал представителей умирающего язычества напрягать свои последние силы, чтобы спасти глубоко опустившуюся государственную религию от верной гибели.

Тогда-то софист Флавий Филострат, человек глубоко и всесторонне образованный, по поручению императрицы Юлии Домны, прекрасной и высокопросвещенной супруги Септимия Севера, написал свою фантастическую историю о «святом эллинского мира».

Аполлоний является в его описании истинным мудрецом, боговдохновенным учителем и благодетелем несчастного человечества. Человеческие судьбы и сверхчувственные явления открыты его пронизательному уму; следуя божественным указаниям, он совершает чудеса, являясь таким образом высшим существом – представлением, еще более укрепившееся вследствие его облеченной таинственностью кончины.

Блестящее по форме, но совершенно не представляющее никакой ценности с исторической точки зрения, сочинение Филострата не было прямо направлено против христианства. Оно написано скорее с целью прославления пифагорейской философии, в лице ее последнего великого учителя, с целью возвышения выродившейся государственной религии и очищения нравов. Но сравнение Аполлония с Христом было настолько естественно, напрашивалось само собой, что уже в эпоху страшных гонений Диоклетиана (303–311) пифагорец противопоставлялся мудрецу из Назарета как языческий идеал ниспосланного богом мессии. Трудно с достоверностью решить, насколько близок был исторический Аполлоний к

созданному Филостратом романтически-идеальному образу его. Несомненным представляется лишь то, что святой пророк из Тианы, соединивший в себе мудрость брахманов и египтян, греков и римлян, в качестве исцелителя больных и заклинателя духов достиг великой славы, в особенности на Востоке, погруженном в религиозный синкретизм. Аполлоний благодаря своей преисполненной достоинства внешности, своей безупречной жизни, а также благодаря своим обширным познаниям приобрел многочисленных учеников.

И на самом деле, идеальный античный образ Аполлония, каким его обрисовал Филострат, во многих отношениях напоминает высокую личность основателя христианской религии: он сын Божий, он обладает сверхъестественной силой творить чудеса и провидеть скрытое от глаз других людей царство будущего, он исцеляет больных и бесноватых и воскрешает дочь римского консула. Он странствует в сопровождении своих учеников и подвергается преследованиям вследствие предательства одного из них. И как Христос видел Свою миссию не в том, чтобы нарушать закон, а в том, чтобы выполнять его, так и Аполлоний считался не основателем религии, а религиозно-нравственным реформатором язычества. Разница лишь в одном: Аполлоний не в силах был преобразовать широко развившееся и уже искаженное учение пифагорейцев, так как это сделал Иисус из Назарета с религией Иеговы.

Аполлоний учредил тайный союз по образцу пифагорейцев и, стремясь поднять нравственный уровень глубоко павшего человечества, подобно Пифагору, «этому основателю теоретической и практической религиозной философии», проповедовал искреннее стремление к самопознанию, справедливость и человеколюбие и старался осуществить все это в своей собственной жизни. Он был смелым борцом за свободу и естественные права человека, попираемые свирепым деспотизмом цезарей.

Но, несмотря на все свое нравственное величие, Аполлоний не оказал на своих современников такого могущественного влияния, как его великий предшественник. Язычество, доживавшее свои последние дни, не имело сил для настоящего возрождения.

Орфики и орфеотелесты

После распада пифагорейского союза его члены, изгнанные из Южной Италии, нашли себе приют в Элладе, где они присоединились к тайному союзу орфиков; подобно элевсинским мистериям, союз этот ведет свое происхождение от легендарного Орфея.

Орфей символизировал первоначально мощный расцвет природы, быстрое увядание которой оплакивалось в грустных религиозных гимнах. Оплакиваемый в этих песнях герой превратился и сам со временем в прославленного певца. Песни его, впрочем, до нас не дошли, но обаяние чудесных напевов было так неотразимо, что они оживляли даже мертвую природу, вызывали восторг в сердцах людей и смягчали гнев неумолимых богов.

Впоследствии Орфей изображался главным образом первым провозвестником тайного религиозного учения жрецов, совершавших посвящения и искупительные очищения. Он считался основателем и главой мистической секты орфиков, возникшей в 600 г. до Р. Х.

Эта секта приписывала Орфею установление множества очистительных обрядов и правил посвящения, всевозможные мистические писания, пророчества и т. п. По указанию Дельфийского оракула тайное учение это было допущено в Афинах в царствование Писистрата (560–527), когда чума и всевозможные бедствия опустошали страну, а гомеровский мир богов стал посмешищем для мудрых и не удовлетворял уже верующих.

Во главе орфиков стоял тогда афинский поэт Ономакрит. Он принадлежал к числу тех ученых, которые по поручению Писистрата собирали гомеровские песни. Наряду с нередко игривыми сказаниями о богах он собирал, а иногда и сочинял сам пророчества, тайные учения, обряды посвящения и гимны, приписывавшиеся Орфею и Музею; ввиду этого он и является, вероятно, настоящим творцом орфической поэзии, теологии и мистики.

Уличенный в подделке пророчеств и искажений Гомера и Музея, он был изгнан из Афин и в сопровождении писистратидов отправился ко двору персидского царя Ксеркса, которого он побудил предпринять поход на Грецию, сообщив ему некое древнее пророчество.

Опираясь на тайный культ Деметры и Диониса-Загрея, умный, мыслящий, глубоко интересующийся теоретическими вопросами, Ономакрит учил о греховном происхождении человеческой природы и о мистической связи души и тела. По его учению, человеческая душа в виде наказания заключена в телесную оболочку, как в темницу, чтобы искупить свой первородный грех. Избавиться от этой тяжелой доли, вернуться к вечному блаженству она может лишь путем покаяния и очистительных обрядов, предписанных тайным союзом орфиков. «Так, вместо светлой радости, возбуждаемой благами жизни, явилось глубокое сознание бедственности земного существования и страстная мечта о вечном блаженстве».

Мистерии орфиков имели нечто общее с элевсиниями. Посвященным было предписано изучение писаний орфиков, строгое воздержание и усердное выполнение мистических обрядов союза, заимствованных у египетских жрецов и пифагорейцев. Они составляли тесно сплоченную корпорацию и благодаря этому обеспечили за собой на некоторое время влияние и почетное положение в государстве. Но вскоре учение орфиков стало сильно искажаться.

Некоторые орфики пользовались своим знанием священных обрядов и сказаний об Орфее, приписывающих ему формулы заклинаний против недугов и волшебных чар для того, чтобы нагло обманывать легковерных.

Окруженные священным обаянием древних мифов, они странствовали в качестве нищенствующих жрецов, называвшихся орфеотелестами, и показывали священные писания, на основании которых совершали жертвоприношения; они рассказывали наивным и легковерным людям, будто посредством этих жертвоприношений и ребяческих забав могут даровать всем временное и вечное очищение от грехов, а посвящением в таинства доставить вечное блаженство. Они приписывали себе также силу, посредством таинственных грозных заклинаний, принуждать богов к выполнению своих желаний и, в случае нужды, жестоко мстить врагам. И здесь, как это всегда бывает в жизни, обнаружился тот печальный факт, что нерассуждающая толпа рукоплещет лжи и обману, если только они преподносятся ей с достаточной наглостью и холодным расчетом.

Вера в новую природу, которую орфеотелесты будто бы могли даровать человеку, волшебная сила их волхваний, твердое упование на воздаяние после смерти привлекали к ним многочисленных последователей. И вместе с тем все наглее становился обман, а злоупотребление отпущением грехов доходило до полного бесстыдства.

Но дни их были сочтены. Все мыслящие и более возвышенные умы, как, например, Демосфен, посвященный в союз еще в молодости, отказались от бессмысленного фиглярства и беспощадно раскрыли всю нелепость излюбленных мистерий и бесстыдное хищничество и мошенничество орфеотелестов.

Глава 6. Кельты

Страна и народ

Великое кельтское племя, ветвь индогерманской языковой семьи, еще в доисторические времена отделилось от родственных племен и, вытесненное ими, расселилось главным образом по плодородным долинам и живописным холмам нынешней Франции и западной

части Германии и Швейцарии; около 2000 г. до Р. Х. оно дошло до западного побережья океана и, быть может, уже в те времена заселило окруженную морем Британию и Ирландию.

Галлия, с ее теплым климатом и богатой природой, была центром их могущества. Вследствие перенаселения страны отсюда делались воинственные набеги. К ужасу культурных наций древности, кельты проникали до реки По, в горы Кастилии и Каринтии, наводняли Грецию и Малоазиатский полуостров, где утвердились среди иноплеменного населения, дав занятой ими стране название Галатия.

Постоянное общение и сознание духовного родства связывали кельтские народности, в особенности те, которые расселились по Роне, Рейну и Темзе.

IV в. до Р. Х. является моментом высшего развития кельтского племени. Галлия была густо заселена. Хлебопашество распространилось довольно широко, о чем ясно свидетельствует уже исконный кельтский обычай варить пиво из ячменя. Но свободолюбивому кельту не нравилось земледелие, гораздо более привлекала его бродячая пастушеская жизнь. Поэтому у кельтов процветало скотоводство, в особенности на севере страны. Многочисленные стада огромных полудиких свиней паслись на плодородных лугах нынешней Фландрии и Лотарингии и в девственных дубовых лесах, тянувшихся от Северного моря до Рейна.

От природы общительные, кельты жили в многочисленных деревнях и в окруженных стенами городах, которые в минуты опасности служили надежным убежищем для людей и скота. Повсюду были проложены дороги и мосты. Речное и морское судоходство достигло значительного развития. На своих крепких судах, оснащенных парусами и железными якорями, обитатели западного берега привозили из родственной Британии олово и другие металлы и продукты и сплавляли их по судоходным рекам в торговые города залитого солнцем побережья Средиземного моря. Кельты установили правильное судоходство на парусных судах по Атлантическому океану и довели искусство судостроения и мореплавания до изумительного совершенства – «культурное приобретение, которым не сумела достаточно воспользоваться замирающая деятельность старого мира».

Довольно значительного развития достигла также и промышленность кельтов, хотя в большинстве отраслей они не возвысились над уровнем посредственного. Кельты были мастера в обработке меди и благородных металлов. При низкой цене на рабочие руки галльские рудники и золотые россыпи по берегам альпийских и пиренейских рек приносили тогда большие богатства. Лужение меди есть изобретение кельтов. «Превосходная медная посуда и золотые монеты с отличной арвернской чеканкой, находимые в кельтских могилах еще и в настоящее время, свидетельствуют об искусстве кельтских мастеров в обработке меди и золота».

Пластических искусств в Галлии почти не существовало, зато поэзия, тесно связанная с религией и политическим строем народа, ставилась очень высоко. Естествознание и философия также не были в забросе, а эллинский гуманизм находил ревностных последователей среди кельтов.

Не меньшего внимания достоин также политический строй этого народа. «Происходя от одного корня с италийскими, греческими и германскими народностями, кельты, при всех своих прекрасных и блестящих свойствах, были лишены основных нравственных и гражданских доблестей, которые создают все прекрасное и великое в истории человечества». Кельтам недоставало серьезного сознания гражданского долга, прочного государственного порядка, единодушия и постоянства в стремлениях.

Государственный строй основывался у них, как и всюду, на родовых союзах. Соответственно воинственному духу нации быт их имел военный характер. Во главе союза стоял наследственный князь. Он считался главным военачальником и судьей и вместе с советом старейшин и собранием свободных, способных носить оружие мужей обсуждал обществен-

ные дела. Город, как и на Востоке, имел лишь торговое и стратегическое значение, но не играл никакой политической роли.

Незадолго до вторжения Цезаря наследственные князья принуждены были уступить место господству феодального рыцарства. Происходя отчасти из старых княжеских родов, тесно связанных общими интересами, родством и постоянным общением, привилегированные роды сосредоточили в своих руках экономическое, военное и политическое главенство. Старый общинный строй оставался, правда, в силе, но он потерял все свое политическое значение и оставался лишь внешней формой. Вследствие этого свободный, но незнатный человек оказывался совершенно беззащитным перед лицом всякого насилия. Чтобы обеспечить себе личную безопасность, он не видел иного исхода, как отдаться под защиту какого-нибудь могущественного главы рода, лишаясь таким образом своей свободы. С этих пор прекратилось существование самостоятельных граждан и крестьян, которые, подобно свободным германским крестьянам, являлись бы опорой государственного строя. Вся власть в государстве принадлежала богатой родовой аристократии, которая владела всей страной, разделенной на латифундии без точных границ, и при помощи толпы вооруженных слуг беззащитно применяла грубое кулачное право.

Все это привело к полнейшей политической разрозненности кельтов. Но, несмотря на это, в них продолжало жить крепкое сознание их племенного единства. Помимо религиозно-национальных уз, которыми друидизм охватил всю Галлию и Британские острова, их объединяли нашествия чужеземцев с юга и востока. Более слабые области присоединялись к более сильным, и нередко несколько государств собирались для общего совещания и объединялись для общей защиты.

Но соперничество более могущественных областей из-за первенства не давало упрочиться политической централизации, постоянно нарушая и без того слабую связь и приводя в конце концов к полному уничтожению кельтского народа.

В грандиозном водовороте мировой истории, беспощадно уничтожающем все народы, которые не являются твердыми и упругими, как сталь, такой народ, совершенно не приспособленный к жизни в политическом отношении, не мог долго существовать: кельты, обитающие на материке, подчинились господству римлян так же, как и родственные им племена в Ирландии попали под владычество саксов, от которого и по сию пору не могут освободиться.

Он должен был слиться с нацией более сильной в политическом отношении и являлся как бы дрожжами, вызывающими брожение, необходимое для дальнейшего исторического процесса.

Религия и культ кельтов

Религия и культ, которые, как и у северных народов и латышей, долгое время не могли возвыситься от культа природы до представления о едином духовном начале и представляли собой первоначально грубое поклонение природе и видимым космическим и атмосферным явлениям.

Затем в круг религиозных представлений постепенно стали вступать отдельные множества, олицетворявшие собой эти силы природы и являвшиеся даже их первопричиной.

Так, Таранис считался богом неба, властелином огня, молнии и грома, и потому, подобно северному Тору, разрушительным, приносящим смерть богом войны. Беленое был благодетельным богом солнца. Как создатель растительного царства, дарующий травам целебную силу, он являлся в то же время представителем врачебного искусства. Тевтат был покровителем промышленности, искусства торговли и путей сообщения, вследствие чего римляне сравнивали его со своим Меркурием. Несколько родственным ему является Огма, добрый бог красноречия, искусства, письма и наук.

Наряду с более или менее просвещенным взглядом жрецов на истинную сущность религии кельтов, среди невежественной толпы царила вера в разнообразных духов и демонов. Земные, водяные и лесные духи мужского и женского пола, добрые и злые призраки дня и ночи, карлики, эльфы и феи, «девы-матери», ткущие нить жизни и судьбы смертных, – все эти существа оказывали свое влияние на судьбу стран и народов, как и на судьбы отдельных лиц.

Кельты совершали свое богослужение или под сенью непроходимых дубовых лесов, или на возвышенных круглых площадках, обнесенных грубыми каменными оградами, среди которых возвышались могильные курганы и столбы.

Знаменитая священная роща, которой никогда не касался топор, находилась недалеко от Массилии. «Тесно сплетенные ветви не давали доступа солнечным лучам, и в прохладной тени дубов журчали ручьи. Там находились алтари, деревья, забрызганные человеческой кровью, неотесанные пни – грубые символические изображения божества. Но не это зрелище возбуждало ужас, страшна была близость неведомого. Ни малейшее дуновение не шевелило листьев, ни одна молния не касалась деревьев, но из недр сотрясающейся земли часто раздавался глухой грохот, упавшие дубы поднимались снова, лес светился неведомым светом, и ужасные драконы обвивались вокруг древних дубов. Птицы боялись сидеть на ветвях, а звери опасались селиться в пещерах. Народ, охваченный священным трепетом, лишь изредка заглядывал в рощу, а в полдень и в полночь сам жрец не осмеливался входить туда из страха встретить владыку. Из этого описания мы видим, как умели друиды возбуждать воображение и, устрашая ум, вселять веру в сердце».

Источники, озера, скалы и в особенности острова считались священными обиталищами богов и были поэтому излюбленными местами поклонения кельтским божествам. Таковы кельтские острова Сена, Джерси, британские – Уайт, Мэн, Англси, с могилой главного божества, – настоящее средоточие друидизма.

Важнейшими сторонами религии кельтов были необычайная вера в чудеса и какая-то зверская жестокость, требовавшая при жертвоприношениях человеческой крови как наиболее верного средства для умилоствления богов.

Богу войны приносились обыкновенно в жертву несчастные пленники, их целыми массами загоняли в огромные клетки, сплетенные из ветвей, и затем сжигали. В годы тяжелых бедствий приносились особые жертвы. Они состояли в массовых казнях приговоренных к смерти преступников, совершавшихся в торжественной обстановке. Таким жертвоприношениям приписывалась искупительная сила, так как смерть виновных смягчала гнев богов против общин, вызванный их преступлениями; кельты сопровождали это особенными обрядами. Одетый в белое и увенчанный дубовым венком, жрец стоял у алтаря, всеми своими движениями следуя движению солнца, гений которого вдохновлял его. Несчастному, осужденному на смерть, мечом наносили смертельный удар. По тому, как он падал, по тому, как он бился в предсмертных судорогах, по тому, как текла его кровь, жрец распознавал и предсказывал волю божества.

Но одаренные богатой фантазией жрецы могли предвещать будущее и по полету и крику птиц, по неожиданным поражающим воображение явлениям природы и даже по сновидениям. Посредством угроз или обещаний, провозглашаемых ими от лица богов, они подчиняли своему влиянию верующих.

Насколько известно, для этой цели они пользовались наблюдениями за небесными светилами. В особых случаях они вступали в сношения даже с духами великих народных героев, прося у них совета для себя и других.

Уже римский император Октавиан запретил в Галлии человеческие жертвоприношения и связанные с этим постыдные варварские обычаи. И, к чести последних императоров, нужно сказать, что они также прилагали все старания для того, чтобы при помощи реши-

тельных эдиктов положить конец постыдной деятельности кельтских друидов. Но потому ли, что они не имели достаточно власти, чтобы заставить выполнять эти указы, потому ли, что они не умели найти истинную причину ужасного обычая, – ни императорская власть, ни быстро распространявшееся христианство не могли добиться существенных изменений в этом отношении.

И таким образом суеверия кельтов с их причудливыми и страшными образами проникли в народную жизнь и пустили здесь прочные корни, а в Британии, где кельтское племя сохранилось в более чистом виде, чем в других местностях, так же, как во внутренних областях Франции и Англии, они продержались в течение всех Средних веков и вплоть до наших дней.

Особенно прочно укоренилась вера в добрых фей. С тех пор как мир фей был поэтически изображен в сказании «Ланселот Озерный», его воздушные образы стали достоянием романтической поэзии христианского рыцарства. В ней встречаются прославленные прекрасные, вечно юные феи Эстерелла, Малиура, Мелузина, Моргана и др. Французская писательница Жорж Санд (1804–1876) в своих изящных повестях *Jeanne* и *La petite Fadette* делает любопытные указания на сохранившуюся во Франции кельтскую веру в духов. В Англии в веселую эпоху королевы Бесс жизнь эльфов получила прелестное поэтическое изображение. Достаточно вспомнить лишь эльфов в шекспировском «Сне в летнюю ночь».

Друиды

Нельзя установить с достоверностью, образовалось ли название друиды от греческого слова «дуб», так как дуб играл выдающуюся роль в религии друидов, или из кельтского *drui* (вера), или же оно соответствует древнебританским, еще и в настоящее время употребляемым в Уэльсе словам *dryw*, *derwydd*, *dryod* (мудрец).

«Религия кельтов, представляя собой поклонение природе, являлась в то же время и религией жрецов, поскольку, находясь в руках особой касты, она сделалась предметом жреческой теоретизации и возвысилась до теологического учения».

Корпорация друидов, объединявшая всю Галлию и Британские острова религиозно-национальной связью, составляла тесно замкнутое общество, но не наследственную касту жрецов. Его члены, освобожденные от всех общественных повинностей, от налогов и военной службы, были не только служителями и проповедниками священного вероучения, знатоками угодных богам священных обрядов и религиозного ритуала, но также и законодателями, судьями и врачами и вообще представителями всей духовной культуры народа, они пользовались величайшим почетом.

Вследствие этого многие молодые люди, даже из высшей аристократии, добивались приема в общину, которая таким образом пополнялась, подобно католической иерархии. Новые члены давали обет строжайшего сохранения тайны и вели в братстве уединенную, тихую жизнь. Свою светлую одежду они заменяли жреческими одеяниями, коротким нижним платьем и плащом, премудрость друидов им сообщали в уединенных местах.

Обучение продолжалось довольно долго. У менее одаренных учеников нередко растягивалось на двадцать лет. Они обучались жреческому искусству письма, врачебному и счетному искусствам, математике, астрономии, их посвящали в учение о стихийных божествах и в догматическое вероучение. Обучение проводилось при помощи изречений, рассчитанных исключительно на механическое запоминание, оно имело характер глубочайшей тайны, его мистический язык мог быть понятным только посвященным. В целях соблюдения тайны ничто не записывалось и не обнаруживалось.

Во главе общины стоял верховный жрец, которого члены выбирали из своей среды пожизненно. Знаками его достоинства были скипетр и дубовый венок.

Община разделялась на три разряда: эвбаги, или ваты, барды и сенани, или дризиды. Кроме этих степеней, был еще один разряд членов-женщин, во главе которых стояли также женщины-друиды.

Внешне друиды различных разрядов отличались одеждой. Одежда друидов была богато заткана золотом, они носили, кроме того, золотые браслеты, шейные цепи и кольца.

Для низших разрядов глубокое символическое значение имели серп луны и рог изобилия с луной на нем, для высшего – яйцо змеи, весьма древний мистический символ жизни из восточных мифов, и священная омела. Это вечнозеленое растение, которое в шестую ночь после полнолуния одетый в белое друид срезал золотым ножом с вершины дуба с особой церемонией, считалось талисманом, обладавшим высшей силой, и на таинственном языке жрецов называлось «целителем всех скорбей».

Собственно жрецами были дризиды, они хранили метафизические и этические учения их традиционной мудрости, они руководили судебными разбирательствами и государственными делами. Они вступали в брак, но обыкновенно вели замкнутую, созерцательную жизнь в священных дубовых рощах.

Ваты заведовали священными обрядами и выполняли весь сложный церемониал заклинаний, прорицаний, волшебства.

Кроме того, в их обязанности входило обучение новых членов правилам богослужения, они же занимались астрономическими наблюдениями и календарными вычислениями. Их времяисчисление, как можно заключить по сообщениям древних писателей, достигло высокой степени совершенства. При наблюдении небесных светил они, по-видимому, пользовались даже увеличительными стеклами, так называемыми головами друидов.

В их руках находилось также врачебное искусство. Хотя они и употребляли целебные травы, но все же при этом естественным способом лечения они придавали меньшее значение, чем мистическим обрядам, сопровождавшим собирание трав, и символическим средствам.

И наконец, барды играли у кельтов такую же роль, как пророки у иудеев. Они сопровождали войска во время походов своими песнями, возбуждая в воинах мужество, на религиозных празднествах пели хвалебные песни в честь богов, а во время торжественных пиров воспевали подвиги древних героев. Безумная отвага, упорное сопротивление, твердая выдержка – всеми этими доблестями, которые проявляли кельты в тянувшейся целые столетия отчаянной борьбе со своими победителями – в Галлии с римлянами и готами, в Англии и Ирландии с саксами и норманнами, – они в значительной степени обязаны тому воодушевлению, которое вызывали песни бардов.

Поэтому барды находились под божественным покровительством, и их слова имели огромное влияние на простодушные умы наивного народа. Они были главными руководителями общественного мнения и в важнейших государственных делах пользовались таким же авторитетом, как друиды.

Об отношениях между друидами обоих полов до нас дошли лишь весьма отрывочные сведения. Женщины были, вероятно, жрицами богинь и совершали жертвоприношения, которые полагалось выполнять одним лишь женщинам. Но главным образом они занимались волшебством и прорицанием. Подобно суеверным народам, кельты приписывали женщинам дар предвидения.

Некоторые женщины-друиды заведовали хозяйством в домах друидов, другие проводили свою жизнь в монашеском уединении. Такое общество существовало на острове Сене и, благодаря знаменитому оракулу, пользовалось широкой известностью в кельтских странах. Главные жрицы давали обет вечного целомудрия. С благоговейным трепетом взирал на них народ, и верующие шепотом рассказывали друг другу, что жрицы могут превращаться в

зверей, предсказывать будущее и таинственными заклинаниями производить бурю на море, вызывать и умирять ветры.

Вследствие этого жрицы стали считаться повсюду божественными существами, приносившими исцеление и благодать, являясь таким образом в представлении Древнего мира высшим идеалом женщины, наряду с прекрасными женскими образами германского мира богов.

Тем более изумительно, что в представлении позднейших веков они превратились в злых ведьм, какими их изображает Шекспир в «Макбете».

Учение друидов, известное лишь посвященным и поэтому сохранившееся лишь в виде ничтожных отрывков, трактует главным образом о божествах, их силе, могуществе и иных свойствах, о происхождении и судьбе мира и о загробном существовании человеческой души.

Теологические исследования вопроса о множественности божеств, признаваемых народной верой кельтов, довели религиозное сознание друидов в скором времени до такой степени, что им уже нетрудно было возвыситься до монотеизма. В боге Таранисе они видели благодатную небесную силу, которая, обладая под различными именами самыми различными свойствами, объединяла в себе все божества кельтской мифологии; он был единым божеством, но только в народной религии представлялся в виде множества отдельных божеств. Весьма возможно, хотя это и трудно установить, что здесь сказалось влияние христианского воззрения.

Как это ни странно, фантастическая натурфилософия кельтских мудрецов приписала происхождение мира, который должен быть уничтожен огнем и водой, этому началу. По их учению, мир представляет собой страшный хаос, явившийся из ужасающей бездны. Вследствие этого и люди, зарождающиеся от этого хаоса, от природы злы и порочны, и потому они должны путем добродетельной жизни очиститься от прирожденной порочности. Это воззрение настолько близко к христианскому учению о первородном грехе, что можно было бы справедливо усомниться в его кельтском происхождении, если бы оно не было удостоверено неоспоримым свидетельством Юлия Цезаря.

Но фантастическое учение о возникновении Вселенной и человека с его порочными наклонностями имеет гораздо меньшее значение, чем тайное учение друидов о судьбе человеческой души после смерти.

Друиды верили в личное бессмертие и в переселение душ. Душа, покинувшая тело, должна была, чтобы удостоиться вечного успокоения, подвергнуться предварительному очищению, достигавшемуся лишь путем долгого странствования, во время которого она вселялась в людей, животных и даже в растения. Кельтская поэзия дает страшные картины ужасных, населенных мрачными толпами мертвецов Озер страха, ужасающих долин крови, через которые должна была проходить странствующая душа. А из пророчества одного бретонского барда, жившего в V в. до Р. Х., мы узнаем, что все люди трижды должны пройти через мрачную ночь смерти, прежде чем откроются перед ними двери небесного рая. Когда же душа достигнет необходимой чистоты, то перевозчики мертвецов перевезут ее на остров блаженных, где она будет вечно наслаждаться в блаженном покое, на вечнозеленых лугах, под сенью прекрасных яблонь. Ибо, испив прозрачной воды из источника, журчащего среди цветущих лугов, она возродится к новой, вечной жизни и, узнав дорогих ей людей, муж – жену, родители – детей, герой – героиню, среди веселья, пения и пляски будет ликовать, радуясь свиданию с ними.

Таковы были друиды и их учение. Если мы бросим теперь общий взгляд на внутреннее содержание друидизма, то поймем, что эта жреческая каста не только встречала среди верующей толпы благоговение и слепое подчинение в вопросах религии, но имела также решительное влияние во всех государственных делах.

Уже знание примет и применение этих познаний для практической жизни обеспечивало за друидами выдающееся положение. Кельт не предпринимал ни одного важного шага, не обратившись предварительно к своему богу. Волю же его мог знать один лишь жрец.

Сюда же нужно отнести и жертвоприношения, которые должны были склонять богов к выполнению желаний людей и которые могли совершать лишь друиды.

В качестве единственных знатоков обычного права друидам удалось взять в свои руки все важнейшие государственные и частные дела, особенного развития достигла криминальная практика. Им удалось также присвоить себе право решать вопросы войны и мира и даже исключать отдельных непокорных членов и целые общественные группы из религиозной общины. Кто исключался из культа, терял также все свои гражданские права и общественное положение. «Все это сильно напоминает теократическое государство с его папской властью, соборами, с иммунитетами, интердиктами и духовными судами».

Политическое могущество друидов, которое уже во времена Цезаря было поколеблено из-за постоянных раздоров в среде аристократии – а это в значительной степени облегчило завоевания великого римлянина, – впоследствии было окончательно сломлено римским владычеством.

Но за друидами утвердилась роль носителей религиозной и духовной жизни нации, и в течение долгого времени они противостояли победоносному натиску христианства, причем барды своими песнями поддерживали в народе воспоминание о прошлом, о древних народных преданиях. Отрывки из этих древних песен бардов сохранились и до наших дней. Печаль о прошлом величии и славе освещает их меланхолическим отблеском вечерней зари, и все, что еще могло бы оскорбить наше чувство, преобразуется в волшебном свете и очаровывает нас картиной далекой, медленно угасающей в красноватом сумраке героической эпохи. И после того как последние кельтские племена в Уэльсе, Ирландии и Шотландии были уже обращены в христианство, друидизм все еще продолжал бороться за существование, найдя себе оплот в реформированном союзе бардов.

Основателем его предание называет мифического Мерлина, наделенного громадной волшебной силой; он жил, как сообщает предание, в конце V в. и был передовым борцом за кельтскую независимость. Новые исследователи скорее склонны думать, что Мерлин, эта выдающаяся фигура в древнебретонских преданиях, «является скорее абстрактным понятием, чем личностью, – понятием, к которому приурочены победные клики и жалобы, пророчества и проклятия, раздававшиеся во время отчаянной борьбы бриттов с саксами и норманнами».

И этот союз, представлявший собой наследственную касту, делился на три разряда. К первому относились ученики, второй составляли надзиратели, к высшему же классу принадлежал один лишь глава бардов или председатель. Небесно-голубая одежда служила внешним отличительным признаком его звания.

С введением христианства поэзия древних бардов по лучила новое направление, смешав национальные традиции с идеями нового вероучения.

Величайшее произведение этой кельтско-христианской поэзии представляют собой саги о короле Артуре и его рыцарях Круглого стола, легенды о Мерлине и о Тристане и Изольде. Идеи, лежащие в основе этих саг, во всей их красе были развиты и разработаны тремя немецкими поэтами: Вольфрамом фон Эшенбахом в «Парцифале» и «Титуреле», Готфридом Страсбургским в «Тристане» и Карлом Циммерманом в «Мерлине» и «Тристане и Изольде».

«В пылу последней отчаянной битвы бриттов с англичанами еще раз мощно прозвучала песнь барда, и потрясающими звуками ее Груффуд аб ир Инад Ках проводил в могилу последнего властителя валлийского, Левелина, смерть которого во время битвы при Буельте положила конец национальной жизни его народа».

Эта погребальная песнь свобод народа является характерным для кельтов возгласом дикого отчаяния: «Услышь нас Бог, почему не поглощает нас море? Зачем продолжаем мы жизнь, трепеща от страха? Некуда нам идти в беде и несчастьях, некуда нам укрыться от неумолимо суровой судьбы. Всюду угрожает нам неизбежная гибель, нет нам спасения, нет для нас исхода. Одно лишь прибежище – спасительная смерть». В 940 г. были записаны статуты и особые права союза, а в 1078 г. он был реформирован и получил многочисленные привилегии, которые придали ему новую силу и доставили власть, нередко тяготившую народ.

Под владычеством кимров в Уэльсе, со времени завоевания страны Эдуардом I (1272–1307), барды подверглись жестокому гонению, но все же «они сумели сохранить свое политическое и общественное значение» до эпохи королевы Елизаветы.

В Ирландии барды распались, по роду занятий, на три главных разряда: филедов, ораторов и герольдов в совете князей, певцов в битве и во время богослужения, далее брейт-гемгеймов, которые в известных случаях творили суд, и, наконец, сенашейдов, историков и генеалогов знатных родов.

После завоевания Ирландии Генрихом II (1154–1189) прославленный союз бардов стал постепенно распадаться и наконец был окончательно уничтожен битвой при реке Байне (1690).

В Шотландии союз бардов принял такие же формы, как и в Ирландии. И здесь барды были наследственными слугами князей и аристократии, пока наконец с отменой наследственного права суда (1748) сословие певцов навсегда прекратило свое существование. Перенесемся теперь в иные страны и, следуя хронологическому порядку, обратимся снова к Востоку, к тому небольшому уголку земли, которому суждено было сыграть в истории человечества самую выдающуюся роль.

Глава 7. Палестина

Страна и народ

К западу от бассейна рек Тигра и Евфрата, по берегу Средиземного моря, в направлении с севера на юг, лежит горная страна, где уже в далекие доисторические времена процветала высокая культура. Наиболее знаменита была Палестина, или Ханаан, холмистая страна, занимавшая южную часть богатого лесами Ливана и покрытого снегами Гермона и Антиливана.

Это небольшое государство, природе которого Иордан – главная жизненная артерия страны – придает своеобразный характер.

Иордан образуется из слияния нескольких ручьев, берущих начало в покрытом вечными снегами священном Гормоне, стремительно мчится меж крутых скал, протекает через маленькое, заросшее камышом и болотными травами озерцо и через более значительное озеро Тивериада.

Розовые сады и пальмовые рощи Иерихона сменялись тоскливой пустынностью Мертвого моря, в горько-соленой воде которого не обитает ни одно живое существо. В его бездонных глубинах Иордан погребает свои свежие струи. Вблизи соленого моря совершенно исчезает всякая растительность. Далеко вокруг него почва пропитана солью, и многочисленные серные и асфальтовые источники свидетельствуют о былой вулканической деятельности. А вулканические извержения уже в историческую эпоху, как известно, разрушили порочные города Содом и Гоморру.

От Мертвого моря до самого Иерусалима тянется скалистая страна, пустыня Иудеи. В ее уединенных, но веселых долинах находили себе пристанище отшельники и общины ессеев.

К югу от Антиливана до самого Мертвого моря простирается плоскогорье Гилеад, принадлежавшее некогда племенам Рувима, Гада и отчасти Манассии, покрытое пастбищами, прекрасными дубовыми лесами, прорезанное долинами, засеянное хлебом и масличными деревьями и орошаемое пенистыми волнами Ябока.

Западная горная страна представляет собой узкую береговую полосу, на всем своем протяжении прорезанную и окруженную крутыми горными кряжами, которые в Ливане достигают 8–9 тысяч футов высоты.

«Ливан» означает «Белая гора». О его вечных снегах упоминает уже Иеремия, и теперешний араб говорит: на ее главе покоится зима, на ее плечах приютилась осень, у ног ее дремлет лето.

Северная часть занята холмистой страной Галилеей; вся страна покрыта зелеными горными лужайками, прелестными долинами, смеющимися фруктовыми садами, шумными лесами и изобилует густонаселенными городами и селениями. Здесь, «окруженный зелеными холмами», в прекрасном уединении, точно чудная келья, далекая от всей земной суеты, лежит Назарет, известный ныне под именем Насры.

К югу от Галилеи простирается орошаемая рекой Кисопом равнина Израиля, на небольшом пространстве которой природа развернула богатства всех времен года; на западном ее краю скалистым гребнем выдался в море суровый Кармел.

С юга к равнине Израиля примыкает богато орошенная и прекрасно обработанная страна Самария. С давних времен она славилась своими увенчанными лесом горами с их сочными пастбищами и своим умеренным здоровым климатом.

По мере приближения к границе Иудеи, «главному оплоту иудейства», исчезают постепенно луга и весело журчащие источники. Вся природа принимает более суровый и дикий характер. Непрístupные известковые горы большей частью пустынные и негостеприимны и малоприспособлены для обработки. Редко проливается обильный дождь на жаждающую землю, обвеваемую сухими южными ветрами, приносящимися из близлежащей Аравийской пустыни. Лишь неутомимое трудолюбие бедного наивного народа могло извлечь из скудной почвы кое-какие плоды.

Здесь находится главный город Иерусалим. Этот священный город, со своим храмом Иеговы, видевший некогда оживленные празднества во время великих религиозных торжеств иудейства, стал впоследствии «целью, к которой стремились крестоносцы и паломники и при виде которой они преклонялись с молитвой, приветствуя ее радостными возгласами; город, на который рассеявшийся по лицу земли народ израильский взирает с гордостью и с душевной болью и тоской, город, который даже мусульмане называют «священный».

Жители Палестины, окруженной самыми культурными народами Древнего мира, участвовавшей во всех великих событиях античной истории, находились постоянно в состоянии духовного напряжения. Этому слабому народу нередко приходилось оберегать свою веру – монотеизм – от чуждого влияния вавилонско-ассирийского всемирного господства, от внешнего блеска финикийской цивилизации, от премудрости египтян, от эллинской красоты. В этой борьбе за самое высокое, что у него было, израильский народ развил в себе, довел до полного расцвета свои природные задатки, свои индивидуальные черты. В израильянах выработались та энергия, та несокрушимая гибкость, та необычайная стойкость национального характера, равные которым вряд ли можно найти во всей истории человечества и которые многократно засвидетельствованы историей иудеев.

Считая известными важнейшие хронологические даты, мы ограничимся для своих целей лишь следующими указаниями.

Длившийся много веков тяжелый вавилонский и ассирийско-персидский плен сменился владычеством Александра Великого, господством Птолемеев и затем Селевкидов из Сирии; все это следовало одно за другим; наконец несчастный народ после почти сорокалетней борьбы был освобожден героическим родом Маккавеев (167–130 до Р. Х.). Один из членов этого рода, Аристокбул, принял царский титул (105).

Тяжелые страдания, неустанные труды и победоносная борьба снова, хотя и постепенно, создали из иудеев народ, который, казалось, занял среди других народов самостоятельное и почетное положение.

Блестящую эпоху династии Маккавеев сменило мрачное время царя Ирода. По трупам славного княжеского рода и мужественных патриотов проложили себе дорогу к сионскому престолу хитрые и отважные потомки Ирода, пользовавшиеся расположением римских императоров. Не лишённые благородства и великодушных стремлений, эти почетные царедворцы, искренно преданные ненавистному для народа врагу, презирали со всей дикостью восточного деспотизма идеальные течения в жизни народа и неуклонно и упорно преследовали лишь одну цель: утвердить в Иудее свою власть.

Вполне понятно, что при таких условиях они не могли приобрести расположение народа, «склонного рассматривать с трансцендентальной точки зрения всю жизнь до ее мельчайших деталей». Тем с большей страстностью он обратил свои взоры на храм, это национальное святилище, в котором он видел свое единственное приобщение и который во все времена составлял его радость и его гордость, и тем с большим благоговением стал относиться он к первосвященнику.

Но так как все высшие должностные лица в большей или меньшей степени зависели от милости преемника Ирода или римских прокуроров, то, несмотря на их громадное влияние на умы, настоящий дух иудейства – теократическая идея постепенно покинула их и нашла свое последнее прибежище в раввинских школах. Это было следствием горестного чувства, вызываемого потерей политического существования государства.

Каждый палестинский город средней величины имел свою школу или синагогу. Богослужение, совершаемое в последней, должно было заменять участие в богослужении иерусалимского храма. Сотни жаждущих познания юношей и благочестивых мужей проводили в синагоге целые дни и с благоговением внимали разъяснениям Священного Писания и глубокомысленным схоластическим толкованиям запутанных вопросов права.

Таким образом школа распространяла во всех слоях народа точное знание закона и создавала целые кадры учеников, которые делали своим призванием изучение Священного Писания.

Наряду с левитами, избранными учителями народа, создался особый класс писателей, раввинов, ставивших задачей своей жизни изучение и дополнение закона, сохранение в чистом виде религии Моисея и предание ее народу.

Этой задаче раввины отдавались с изумительным рвением. Чтобы предотвратить возможность отпадения от веры отцов, они подчинили Закону «пестрое разнообразие жизни». Их учение совершенно отвергало право человека поступать по собственному усмотрению, и каждый род занятий подводился под «категорию запрещенного или разрешенного». Уже и без того строгие предписания относительно пищи стали еще строже, количество очистительных обрядов было увеличено, а всякое отступление от закона влекло за собой суровую кару. До полного абсурда доходили их хитроумные рассуждения о том, «в каких случаях погружать руки в воду, держать ли их вверх или вниз, омывать ли всю кисть или лишь концы пальцев».

Неудивительно, что эти бесчисленные сложные предписания совершенно затуманили народное сознание и заслонили истинные основы религиозной и нравственной жизни.

Саддукеи и фарисеи

Те огромные требования, которые школа предъявляла к народу, оказались невыполненными. Страстная любовь народа к своему Закону охладела, и лишь немногие все еще искренне стремились провести в жизнь теократическую идею.

Таковы были главным образом три большие партии, в которых проявилось религиозное движение той эпохи: саддукеи, фарисеи, ессеи.

Слово «саддукеи» означает «праведные», то есть строго следующие букве закона. Легендарный основатель этой секты Цадок, по-видимому, представляет собой вымышленную личность, «имя которой этимологическим путем выведено из слова «саддукеи».

Саддукеи являлись консервативной партией, хранителями собственности и власти, представителями существующего порядка и законности. К ним принадлежала иудейская аристократия – храбрые воины, в битвах с соседними народами завоевавшие бессмертную славу и приобретшие большие богатства, ловкие дипломаты и искусные посредники, которые, благодаря сношениям с дворами азиатских властителей и постоянному соприкосновению с внешним миром, усвоили более свободные взгляды на жизнь. Саддукеям принадлежало преимущественное право на получение высших должностей при храме. И вплоть до самого разрушения Иерусалима (в 70 г.) пост первосвященника почти непрерывно занимали лица, принадлежавшие к секте саддукеев.

Но, несмотря на это, священнослужители не выказывали особой любви к святилищу. Немногочисленная, не пользовавшаяся особенно большим влиянием в народе, партия эта больше интересовалась государственными делами Иудеи, чем религиозными вопросами, которые занимали в сердцах саддукеев лишь второстепенное место. Они проповедовали, правда, необходимость праведной жизни, но совершенно не заботились о строгом соблюдении постов и очистительных обрядов. В своем вероучении и жизни они руководствовались лишь писаными законами, Торой. К изустному преданию они относились с пренебрежением.

Эта привилегированная партия сталкивалась на почве народной жизни со строго ортодоксальным направлением, представителями которого были фанатичные руководители синагоги. Сплотившись вокруг школы, они боролись против злостных еретиков со всей беспощадной непримиримостью, столь свойственной этим людям. Они стремились к точному осуществлению священных заветов и предписаний, к неуклонному выполнению Закона отцов, стремились создать на земле истинное Царство Божие и доставить народу израильскому обетованное блаженство.

Они считались самыми глубокими знатоками и самыми учеными толкователями Закона. «Премудрость Священного Писания, справедливость, благочестие, святость согласно Закону – вот что было их лозунгом». Эти благочестивые законники назывались фарисеями, то есть особенными святыми, чистыми.

Предметом жестокой борьбы между ними и саддукеями был вопрос о богослужебном ритуале. Фарисеи требовали безусловной точности в соблюдении всех религиозных предписаний, самых тщательных очищений перед богослужением, перед чтением Закона и т. д. Саддукеи же, больше ценя личное начало, придавали наибольшее значение внутреннему убеждению, чем пустым внешним наблюдениям.

Но еще ярче глубокая противоположность между обоими враждебными направлениями выступала в их мирозерцании.

Важную цель своих стремлений фарисеи видели в достижении провозглашенного пророком Царства Божия. К тому, чтобы заслужить эту божественную награду, сводилось их

благочестивое рвение, «со всей той суетливостью, преувеличениями и нравственной нечистоплотностью, которые свойственны всякому корыстному служению». Эту награду они сулили своим ученикам, всем, кто стремился к добродетельной жизни. Тех, кто погибал в борьбе за Закон, утешали обещанием будущей вечной жизни и грядущим воскресением в непорочном теле, в то время как злым угрожали неминуемой вечной карой.

Саддукеев не могли воодушевить такие фантастические упования. Им не доставало религиозной убежденности, фанатичного воодушевления, истинной любви к своему народу. В противоположность укоренившимся на Востоке представлениям, они отрицали всякий авторитет, довольствуясь существующим более или менее сносным порядком вещей, смеялись над теми обещаниями, которым не верили уже их отцы. Они полагали, что счастье и страдание человека всецело зависят от его собственного поведения. Наградой и карой за добрые и злые дела являются результаты его дел, и вовсе нет необходимости признавать загробную жизнь, где Бог будет согласно высшей справедливости судить человеческие дела, и незачем ожидать награды в царстве Мессии.

Этот взгляд вполне совпадает с истинным духом учения Моисея, который ничего не знает и не говорит ни о бессмертии души человеческой, ни о вознаграждении или наказании человека после смерти. Истинная религия Иеговы указывала своим последователям на блага земной жизни, «обещая им продолжительную, счастливую жизнь здесь, на земле, цветущее здоровье, множество детей, обильные жатвы и плодovitость стад», а неверным угрожая всеми земными бедствиями.

Учение фарисеев возлагало на народ непосильную тяжесть, хотя верующие и подчинялись бесчисленным скучным предписаниям в надежде на будущую великую награду. Под тяжестью великих национальных бедствий восприимчивый ум народа израильского стал искать в фантастических мечтах о будущем то, в чем отказывала жестокая действительность.

И так как, далее, судебная деятельность фарисеев отличалась мягкостью – они стояли не на точке зрения нравственной испорченности, а на усмирении человеческих слабостей, так как их внешность свидетельствовала о жизни полной строгого воздержания, так как они отличались высокими добродетелями, были кротки и приветливы в обращении со всеми, к тому же питали по отношению к язычникам-римлянам национальную ненависть и религиозное отвращение, а к ненавистным народу потомкам Ирода относились как к заклятым врагам, – то вследствие этого простой народ глубоко почитал фарисеев и всегда был готов подчиниться их указаниям и защищать их.

Фарисеи применяли свою деятельность в трех областях: они являлись законоведами в синагогах (судах), преподавателями наук и проповедниками.

Между тем гордые саддукеи, которые, благодаря своему высокому положению и своему богатству, близко соприкасались с господствующей властью и в вопросах политики поддерживали Ирода Великого, будучи верноподданными римского императора и нисколько не отвергая эллинской цивилизации, научившей их наслаждениям жизни, вызвали к себе глубокую ненависть народа.

Борьба демократии с аристократией окончилась, как и у всех других народов, тем, что первая утвердилась на поле брани, отвоеванном после упорной борьбы. Народная партия сделалась неограниченной властительницей во всем Израиле и наконец с торжеством увидела в своем лагере и всех жаждавших деятельности младших членов духовной аристократии.

Ессеи

Слово «ессеи» означает, по-видимому, «святые», «благочестивые» или «созерцающие». С большим, однако, правом его можно производить от еврейского «хашшайм». Согласно этому словообразованию, слово «ессеи» означает «молчание», «мисты».

Та же тоска по праведной жизни, возможно точном и строгом выполнении закона, которым фарисеи неустанно стремились дать господство в духовной жизни общества, побудила ессеев удалиться от народной жизни и в строжайшем уединении осуществлять свой высший для той эпохи нравственный идеал – цель, достижение которой было невысказано в неустанной суете городской жизни, при оскверняющем соприкосновении с порочными людьми.

Зарождение ессеизма ускользает от исторического исследования. Их поселения нужно искать преимущественно в прелестных горных долинах, которые прорезывают расположенное между Иерусалимом и Соленым озером дикое плоскогорье.

Меланхолическое настроение ессеев, их строго регулярный образ жизни легко могли произвести на поверхностного наблюдателя впечатление, что здесь готовились к смерти люди, утомленные жизнью. Так, Плиний рассказывает: «К западу от Мертвого моря, настолько близко, насколько позволяет этот нездоровый климат берега, живут ессеи. Они ведут уединенный образ жизни и представляют собой самый странный народ среди всех обитателей земного шара; они воздерживаются от всяких сладостей, не имеют ни жен, ни детей и живут лишь в обществе своих палм. Ежедневно прибывающими новыми членами постепенно пополняется состав общины, ибо число утомленных жизнью людей, которых житейские бури побудили принять учение ессеев, значительно. Могло бы показаться невероятным, что народ, среди которого никто не рождается, продолжает существование в течение тысяч веков. Так для одних оказывается выгодным утомление жизнью других».

Каждая колония имела свой общий дом с купальней, в которую была проведена холодная ключевая вода, с комнатой для трапез и собственной синагогой. Не довольствуясь общинной жизнью, уединенно селились у горных источников те аскеты, которые хотели еще строже, чем их братья, осуществлять свой идеал жизни.

В эпоху, когда ессеи еще не вполне удалились от жизни народа, их общины были разбросаны также в некоторых городах Иудеи. Странствующие братья, узнававшие друг друга по известным тайным знакам, всегда находили здесь гостеприимный приют.

В эпоху расцвета общины число ессеев достигало 4 тысяч. Они представляли собой хорошо организованную общину, управлявшуюся выборными должностными лицами, которым все беспрекословно повиновались.

Ессеи занимались преимущественно хлебопашеством, но не с целью наживы. Все продукты своих трудов они передавали своему начальнику, всякий заработок вкладывался в общую кассу, куда каждый член отдавал, после предварительного испытания, все свое имущество.

Следствием общности имущества был умеренный образ жизни и простые нравы ессеев. Свой дневной труд братия начинала еще до восхода солнца чтением псалмов и молитв. Затем каждый брался за свою работу. Работали до 11 часов и потом все снова собирались для совместного купания. Очистившись, облекались в светлые одежды и затем приступали к трапезе. Молча вступали они в трапезную, но никто не прикасался к пище, пока глава братства не освящал ее молитвой, как бы превращая ее в священную жертву. Пища состояла лишь из хлеба, овощей и воды. Вино и мясо были строжайшим образом запрещены. Трапезная считалась неприкосновенным святилищем, недоступным для непосвященных. Во время трапезы господствовало торжественное молчание, производившее на не участвовавших в ней впечатление какой-то таинственной мистерии. Трапеза заканчивалась молитвой, кото-

рую произносил глава братства. Священная одежда снималась, и все приступали к после-полуденной работе. Она продолжалась до наступления вечерней темноты, после чего следовала такая же трапеза, в которой принимали участие также и странствующие братья из других общин. День заканчивался общей молитвой, «чтобы душа, преисполненная чистых помыслов, погрузилась в сон и до пробуждения не возбуждала жизнедеятельности тела». Так протекали дни из года в год, однообразно и торжественно.

Проста и скромна, как пища братии, была также их одежда. Летом они носили платье без рукавов, зимней одеждой их был грубый плащ.

Так как ессеи признавали лишь различие между чистыми и нечистыми, то они были решительными противниками рабства. Они отвергали его, как ужасную несправедливость. Общая мать создает и кормит всех людей, как кровных братьев, и лишь злобная алчность разрывает тесные узы родства.

Умеренные во всех своих потребностях, неустанно обуздывавшие свои страсти, добросовестные во всякой работе, «милосердные по отношению к бедным и нуждающимся в помощи, ессеи являлись истинным олицетворением гуманизма, и их братство было поистине союзом добродетели в высшем смысле этого слова».

Заветам своего учения ессеи следовали с величайшим рвением. Субботу проводили они в молитвах, собираясь на богослужение в своей синагоге. Тогда прекращалась всякая работа. Закон говорил: не убивай, и ессеи отрицали войну и все, что могло служить целям войны, например изготовление оружия. Братья не считали возможным умерщвлять даже животных и потому питались лишь растительными продуктами.

В члены общины допускались люди всех возрастов. Перед вступлением новый член должен был пройти трехлетний искуc. Вооруженный топором – символом труда, снабженный белой одеждой и передником, надевавшимся при омовении рук, новый член вступал в первый разряд, где он знакомился со строгими правилами жизни братства и давал обет следовать им. Но в ряды истинных членов он еще не допускался. Если поведение его в течение первого года оказывалось удовлетворительным, то его переводили во второй разряд. В нем оставался он два года. Здесь он получал уже право общаться с посвященными, но не мог ни прикасаться к ним, ни принимать пищу вместе с ними. Если новый член и второй искуc выдерживал успешно, то он торжественно вступал в более тесный круг братии. При этом давал последний страшный обет, принося следующую клятву: «Почитать Творца, быть справедливым по отношению к людям, никому не причинять зла ни по собственному побуждению, ни по чьему-либо приказанию, поддерживать право и ненавидеть неправого, соблюдать верность по отношению ко всем, любить истину, уличать лжеца, держать руки в чистоте от всякой кражи и сердце от неправедного стяжания».

Ввиду глубокой морали, несомненно заключающейся в клятвах ессеев, да позволено будет назвать ессеизм зарей нового времени, христианства. Здесь впервые за все последние века существования иудейства внутренняя жизнь человеческой души была признана целью закона, целью религии.

Далее новый член клялся не иметь тайны от братии, но ничего не выдавать чужим, если бы это даже стоило ему жизни, передавать новым членам учение братства лишь в таком виде, как он сам узнал его от старших членов, не принимать никакой пищи из рук непосвященного, свято охранять книги братства и помнить имена ангелов.

Только дав торжественный обет выполнять все это, ученик получал право участвовать в общих трапезах. К четвертому, и высшему, разряду принадлежали все те, кто соединял в себе всю высшую премудрость ессеев. В большинство общин женщины не принимались.

Там же, где брак допускался, для женщин существовали еще более строгие правила очищения, чем для мужчин.

Нарушивший установленные правила исключался из общины. Это решение, постановлявшееся собранием из 100 членов, было окончательным и безапелляционным. Если исключенный считал себя связанным данной клятвой, то погибал в нищете. Он предпочитал умереть голодной смертью, чем принять пищу и питье из рук другого еврея.

Строгое воздержание, отшельническая жизнь, полная тяжелых лишений, уничтожала перед их духовным взором пределы времени и делала им доступным, как они полагали, провидение будущего.

Вера в изумительный дар предвидения ессеев распространилась даже в народе, который с восторгом принял ее. Нередко прорицателей будущего призывали в палаты вельмож или даже самого царя, «когда зловещий сон пугал воображение, когда удача напоминала о завистливой судьбе».

Но, заглядывая в будущее, ессеи не составляли гороскопов для отдельных лиц, «их интересовало лишь обещанное пророками грядущее Царство Божие», которое они рисовали себе в самых радужных красках; стать достойным этого Царства Божия и призвать его с неба на землю, свято исполняя волю Божию, было целью их самых горячих стремлений.

Пророчество наиболее выдающихся братьев и опыт всего братства создали с течением времени целую сокровищницу тайных знаний, которые были занесены в священные книги братства и составили его тайное учение.

О содержании его дает некоторые сведения иудейский историк Иосиф Флавий (37–93 по Р. Х.). Хотя он сам был ессеем и дал обет сохранения тайны, но он все же не мог устоять против искушения дать некоторые ценные указания на этот счет.

По его сообщению, эти книги прежде всего заключали в себе полные списки ангелов; сохранять в тайне имена их было, как известно, одним из важнейших обетов, даваемых стремившимися к святости членами при их поступлении. Имена ангелов не служили лишь для различия их между собой, в них заключалось также представление о природе и свойствах высших существ, а знание этих свойств при известных условиях давало возможность призывать ангелов с неба на землю.

Такие списки ангелов имеются также в апокалиптической Книге Эноха; автор ее узнал эти имена благодаря своему общению с небесным миром: Уриил, ангел грома и жизни; Рафаил, ангел человеческих душ; Рагуил, карающий мир и светила; Михаил, ангел благочестивых; Саракуил, ангел грешников; Гавриил, поставленный над змеями, раем и херувимами.

Кроме этих познаний, братство обладало также специальными сведениями о тайных свойствах камней и растений, целебных снадобий и лечебном искусстве, которое благоговейно хранилось и неустанно развивалось дальше.

Обладание этими тайными книгами все более и более удаляло братство от внешнего мира и накладывало на жизнь братии особенный отпечаток.

Этому способствовало также убеждение, что основным законом братства, совершенно отказывавшегося от употребления мяса, противоречит принесение кровавых жертв в Иерусалимском храме. Этим путем ессеи разорвали последнюю связь, которая до сих пор еще так крепко соединяла их с теократией, с избранным народом, хотя мстительные дары, которые они приносили в храм, как будто бы и доказывали противное.

Община ессеев, достигшая полного расцвета еще при Иисусе Христе, совершенно исчезает с исторического горизонта в первые же десятилетия по возникновении христианства. Последние члены ее, смешавшись с последователями Христа, образуют странное общество нищенствующих аскетов.

Ессеи оказали, по-видимому, лишь незначительное влияние на жизнь иудейского народа; вероятно, что они никогда не стремились выдвинуться вперед.

Да и по самому настроению своему братство относилось отрицательно к такого рода планам. Оно не могло, да и не пыталось оттянуть или отвратить предрешенную судьбой гибель несчастного народа.

По образцу братства будто бы был учрежден союз терапевтов у озера Мерис близ Александрии, он представлял собой братство монахов-аскетов, проповедовавших эзотерическое учение. Но историческое существование терапевтов в настоящее время с полным основанием отрицается.

Являясь выражением религиозного отчаяния, братство ессеев указывает скорее на начинающееся разложение народа. Спасение отдельных личностей при всеобщем крушении – вот его лозунг. Но все же ессеизм свидетельствует о том утешительном факте, что и дохристианское человечество в значительной степени обладало благородными стремлениями и здоровыми задатками духовной жизни – драгоценный вклад его в развитие нового мировоззрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.